

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная
поэзия и проза

Серия
«КВАНТУМ САТИС – АПТЕКАРЬ»

КНИГА ПРИКОСНОВЕНИЙ

МОССАЛИТ

2021

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

**Книга прикосновений [Текст]. - Рязань.:
Новый современник, 2021. - 292 с.**

Если принять за основу чувственное восприятие, то сколько и чего надо тому или иному индивидууму для любви, счастья, ненависти? Кто-то влюбляется в образ, кто-то в голос. «Квантум сатис», – так писал доктор в рецепте, а опытный провизор знал, сколько это. Например, для приготовления пилюль требуется и масло, и порошок. И вот что-бы пилюля, брошенная с высоты 10-15 см, отскакивала от доски, надо было взять крахмала – сколько потребуется. Опытный аптекарь знает...

А кто подсказывает нам, сколько и чего надо взять для полного удовлетворения, счастья или печали? Господь? Родители? Учитель? Разум?

Итак, поговорим о чувствах, которым природа наделила человека!

© Издательство «Новый современник», 2021

© Московский салон литераторов, 2021

© Авторы сборника, 2021

Вместо предисловия

«Книга прикосновений» — это первый выпуск новой серии издательского проекта «Московский Дом» «Квантум сатис — Аптекарь».

В «Книге прикосновений» авторы рассказывают о психологических и философских аспектах такого явления, как прикосновение, проистекающего из сопричастности человека к тем или иным явлениям жизни; размышляют о том, какую роль — во всех смыслах — играют прикосновения в нашей жизни и каков механизм этого воздействия.

Прикосновение к человеку: к женщине, мужчине — в тактильном и духовном плане...

Прикосновение к чужой жизни...

Прикосновение к родственной или чужой мысли...

Прикосновение к счастью, боли, встрече, разлуке, потере...

Прикосновение к творчеству, знаниям, открытию...

Прикосновение маленького человека к мирозданию...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Борис Катковский.....	6
Юлия Сорокина.....	16
Евгения Худякова.....	20
Евгений Агуф.....	28
Зинаида Кокорина.....	35
Наталия Лисицына.....	47
Татьяна Соната.....	55
Лариса Есина.....	58
Сергей Ворошилов.....	60
Сергей Кривонос.....	70
Дмитрий Шунин.....	72
Пиня Копман.....	82
Сергей Балиев.....	84
Светлана Илларионова.....	94
Дмитрий Бобылев.....	96

ПРОЗА

Юлия Сорокина	98
Ян Кауфман.....	102
Ольга Грушевская.....	105
Татьяна Попова.....	127
Игорь Бурдонов.....	153
Мария Сидлер.....	178
Зинаида Кокорина.....	200
Наталия Букан.....	208
Галина Димитрова.....	235
Юлия Тужилкина.....	261
Ирина Гендельман.....	278

ПОЭЗИЯ

Борис Катковский

Родился и живет в Москве.

Первое стихотворение написал в два с половиной года, последнее еще не написал.

Дипломант, лауреат и победитель ряда отечественных и зарубежных литературных конкурсов.

Председатель ЛИТО «Избранники муз».

Членкор Академии российской литературы, действительный член Русской академии наук и искусств, член правления МГО Союза писателей России, член Союза писателей Москвы. Владелец ряда общественных и литературных наград.

Поэт, автор-исполнитель. Выпустил более десяти аудиодисков авторской песни на стихи современных поэтов. Автор восьми книг поэзии (пяти — в соавторстве с Еленой Василенко).

Редактор и составитель нескольких тематических литературных сборников, под его редакцией было опубликовано более ста пятидесяти книг авторской поэзии и прозы.

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

* * *

Напишу натюрморт
По живому живым:
Там болезнь, тут аккорд,
Там люблю, здесь любим.
Круче вазы — бедро,
Тоньше ветки — рука.
Тени лягут хитро —
Образ грустен слегка.
Свет — в ладони свеча,
Ретушь — ленты волос.
Зачеркну сгоряча:
Снова не удалось!

* * *

Не буди его, тише, не надо,
Нет на небе намёка зари.
Не тревожь уходящего взглядом,
Провожаящим вдаль корабли.

Он ещё от тебя не уехал,
Нежный гений, застенчивый плут.
Будет время для горького смеха,
Не буди, слёзы пусть подождут.

Он любил, как другие не могут,
Без него мир по-зимнему лют.
Каждый вдох приближает дорогу,
Остается всё меньше минут.

Что ни скажешь — томленье пустое,
Расстаётся, судьба такова.
Так не трать ни мгновенья покоя
На ненужные больше слова.

Шевельнулись внезапно ресницы,
Бьётся жилка сильней на груди.
Что-то, видно, любимому снится...
Потерпи, твой черёд впереди.

Он проснётся, объятья раскроет,
И дотронешься ты до него.
Боль разлуки любовь успокоит,
Миг не будет вам ни до чего.

Не буди его, тише, не надо,
Нет на небе намёка зари.
Не тревожь уходящего взглядом,
Провожающим вдаль корабли...

Прикосновение

На коже моей твои руки оставили след,
Он людям невидим, слепцы — без любви прозябают!
Они сокровенного смысла природы не знают,
И души их стынут во тьме, игнорируя свет.
О, трепет священного лёгкого прикосновенья!
Тебя не забыть, ты прозрачен и праведно чист.
Кидаешь ты душу в полёт, словно сорванный лист,
Опору искать для измученного приземленья.

* * *

Стоя перед дверью бывшей милой,
Взглядом препарируя замок,
С мыслью нянчусь каверзно-постылой:
Как я мог влюбиться, как я мог?..

К прошловековой щербатой двери
Памятью проложен скорбный путь.
Так вот и стою, уже не веря,
Что возможно прежнее вернуть.

Был момент, когда она просила,
Не словами – ложь таят слова.
А меня молчание бесило:
Безответна – значит неправа!

Слёз дорожка на щеке любимой
Обжигает хуже кислоты.
Молит образ, в памяти хранимый,
Что же ты не понял, что же ты...

Здесь давно живут другие люди;
Мир изменчив – только отвернись.
Каблуки в ступени: хватит, будет!
Эхо гулко, поэтажно, ввысь.

* * *

Чуть прищурены глаза,
По щеке дорожка влаги,
На ресницах не слеза —
Боль, последствия отваги.

Манит ощущений новь,
Взор — призыв, назло потере.
Так даруется ЛЮБОВЬ,
Тем, кому безмерно верят.

Души смотрят в зеркала,
Сердце к сердцу, вдох — на выдох,
Обнажённые тела
Застывают в страстных видах.

Стон и шёпот жарких губ,
Тень улыбки на рассвете.
Груз невинности, как труп,
Навсегда хоронят дети.

* * *

В подмышки стылые ладони,
Озноб сильней сутулит плечи,
Под спудом боли воля тонет,
Напоминая — ты не вечен.

Пронзает слабостью бессилье,
Податливо сдаётся тело,
Крылатому ломают крылья
Материальные пределы.

Тепло родного человека,
Руки спокойная весомость,
Сильней любого оберега
Врачуют тело, лечат совесть.

И небо из овчинки — в вечность,
Дыра туннельная — в равнину.
Сочувствие и человечность —
Твоей защиты половина.

Старая мелодия

Разреши мне расстроить гитару,
Чувством хрупкое тело обнять.
Для любви нет мелодии старой,
Невозможно её поменять.

Заскользит прядь волос между пальцев,
Сердце трогают страсти слова.
На колках струны, словно на пальцах,
Заплетают восторг в кружева.

Завершат подвенечное платье
Или савана ляжет рядом...
Но, пока мы с гитарой в объятьях,
Ничего ещё не решено.

Замер мир между звуками песни,
Ждёт, когда мы натешимся всласть.
И решает душа — что чудесней:
Лхнуть к Земле или к Небу припасть.

То смеётся, то плачет гитара,
Голос вторит, надрывно звеня.
Для любви нет мелодии старой,
Если только ты любишь меня...

Осенние сумерки

Вечер нынче квёлый, блёклый,
Лёг туман росой на стёкла,
Вплёл деревья в бахрому.
Мёрзну. Моему уму

Невдомёк — зачем бороться,
Если плёнка скрыла солнце,
Застит флёром стылым свет,
Душу жжёт, а раны — нет...
Слёзно-влажны тротуары,
Зонт притёр друг к другу пару, —
Ветер целеустремлён...
Силуэтом покорён.
Льнёт, голубит, пьёт дыханье
Он, Она — клянёт лобзанье,
Но — блюдет любви закон:
Ближе, ближе... Платья лён
Не помеха жару грёзы.
Жухлый, мокрый лист берёзы
Шлёпнулся за воротник.
Ёжится. Он к ней приник —
Принял колотьё от дрожи
За экстаз — подчас корёжит
Чувство нас ещё сильнее...
Всё, не видно — всё темней...

Пригрело

Греет солнце подоконник
По-весеннему богато.
Щебет птиц, капель — стаккато.
Синева на небосклоне.

Верный признак — потеплело:
Разливанным морем лужи.
Ясень парковый простужен,
Горсть семян на снег слетела.

Им ещё лежать, скучая,
Месяц, может, даже больше,
Но сугроб от этой ноши
Чуть быстрее начал таять.

Солнца жар сквозь призмы окон
Обещает — станет проще:
Зеленью взорвётся роща,
Отпевая снежный кокон.

Птичий гам, журчанье влаги...
Час природы пробужденья.
Отдаёт тепла мгновенье
Карандашный след бумаге.

* * *

Мой дух — небесный огненный болид:
Буравя воздух — яростно шипит,
Любую воду в пар мгновенно превращает.
И остывает, остывает, остывает...

Моя душа — глубоких недр земных тепло, —
Давленьем обстоятельств подняло.
Стремится вверх и болью нарастает.
И остывает, остывает, остывает...

А плоть — стекла теплица среди льда.
По ней струится, тая, слёз вода.
Она со мной не навсегда, но согревает.
И остывает, остывает, остывает...

Хлад горних высей, лютая жара.
А между ними — разума игра
Отпущенные дни переживает.
И остывает, остывает, остывает...

Пашня

Яблони — Грааля чаши,
Богу свечи — тополя.
Видно! — нет молитвы краше:
Отзывается земля.

Каждый выдох — «Символ Веры»,
Всякий вдох — как «Отче наш».
Небо — сыро, поле — серо,
Но за них — всю жизнь отдашь.

Так и тянет к свежей пашне —
Погрузиться на ладонь.
Сторицей вернёт, что дашь ей, —
Только без обиды тронь.

Почвы пласт — волной упругой,
Пот седьмой уже течёт.
Грач, не ведая испуга,
Из-под ног червей крадёт.

Поле парит за спиною,
Конь устал соху тянуть...
До межи подать рукою,
Скоро сможем отдохнуть.

* * *

Наклюкался на дне рожденья внука
(Он слишком юн, чтоб поддержать меня);
Знакомых за курением застукал —
Вдыхал дымок от тлевшего огня;
Потом чревоугодьё предавался:
Не мусульманин и не иудей,
Поэтому свининой объедался,
Смущая аппетитом всех гостей.
И — апогей и низ грехопаденья —
Заставил близких слушать новый стих!
Поэты — наказанье, без сомненья,
Но я вообще повёл себя, как псих...
Воспитаны, и тем вдвойне несчастны, —
Терпели гости стихоплётъя строй.
Знакомых реплик, выстрадано-страстных,
Я не услышал: «Сколько можно?! Стой!!!»
Витийствовал над разорённым пиром...
Согрелась водка, кончилось вино.
А мне казалось — властвую над миром,
Которому сейчас не всё равно.
Он, равнодушный прежде, серый, сирый,
Шагнул навстречу, трепетно обняв.
И мне хотелось верить в честность мира,
Чуть ближе и понятней людям став.
Поддерживая шаткость равновесья
И жестами и мимикой лица,
Я крылья раскрывал, и в поднебесье
Летела Песнь и заповедь Творца!..
Но внук слегка подёргал за штанину
(Хотя и останавливала мать):
«Ну хватит, деда, этой писанины!
Пойдём в другую комнату играть!..

Юлия Сорокина

*Поэт, прозаик, член Союза писателей
России (МГО).*

*Член творческой мастерской
«Московский салон литераторов»
(МОССАЛИТ).*

Прикосновение

Не пишется, не плачется. Душа
Как будто в ожидании начала,
Что всё, о чём когда-нибудь мечтала
Вдруг сбудется, неверие круша.
Исполнится, остановив отсчёт
Рассветов тусклых, дней пустых и व्यужных,
Что кто-то станет бесконечно нужным,
Что этот кто-то тоже очень ждёт.

Случилось

Случилось, и из тысячи дорог
Пересеклись и зачеркнули «было»
Лишь две. И нам с тобою невдомёк:
Откуда это вдруг? Какою силой,
Физическим законам вопреки,
В пространстве возникает напряженье?
От лёгкого касания руки,
От поворота плеч... — и притяженье
Срывает с ритма пережитых лет,
И оттолкнуть друг друга мы не можем.
И прошлого как будто больше нет —
Есть только мы, и ничего дороже
И беззащитнее... и бесконечней дней,
Когда не вместе, и тепло теряем.
Сжав линии судьбы в руке своей,
Не верим, точно будущее зная.

Время лечит

Легко коснусь тебя рукой,
Поглажу волосы и плечи.
Душою чувствую — ты мой,
Хоть, знаю, что давно чужой.
Но время лечит, время лечит...

Как мало нужно, что бы жить:
Дышать тобой и сердце слушать,
И доверяться, и любить,
Ещё о прошлом не забыть.
Но время лечит, даже душу.

Работа над ошибками

В объятиях нежных душно,
Твоё дыхание рядом,
И волосы на подушке
Рассыпаны водопадом.
А в них золотые рыбки
Снов моих, словно в сети
Попались. Теперь ошибки
Мне исправлять — все эти
Иллюзии тайн и событий
Праздничных, но последних.
Острижены и забыты
Ловушки снов моих летних.

Зеркала

Занавешены зеркала,
Чтобы в прошлом не раствориться,
Чтобы боль моя не смогла
Одиночеством отразиться,
Чтоб упасть до самого дна
И назад не сметь оглянуться.

Я уснула вчера одна,
Чтобы в жизни другой проснуться.

Чтоб открыть глаза и понять,
Что жила и дышала тобою.
Будет осень зима менять,
Будет лето гореть за весной,
Будет месяц огарком тлеть —
Становиться бледней и тоньше.
Буду в чёрное небо смотреть
И не думать, что нет тебя больше.

Будет снег за окном кружить,
Сквозняками шептаться двери.
Каждый день просыпаться и жить?
Буду жить без тебя? Не верю!
Без тебя не хватает тепла...
Я рукою зеркало трону.
Там, с другой стороны стекла,
Ты коснёшься моей ладони.

Анубис

Когда тяжесть давит в груди,
Когда больно встать на колени,
Когда всё окутано тенью,
Я зову его: приходи!

Где-то очень близко, я знаю,
Где-то рядом — я его слышу.
Моё сердце болит и дышит,
Пока он мне любить позволяет.

Растворяются в воздухе звуки.
Время снам чужим исполняться.
Своего он дождался часа —
У него очень нежные руки.

Евгения Худякова

По образованию юрист — окончила Краснодарский государственный университет, позже училась в Москве на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова
Член Союза писателей России, автор семи поэтических книг и ряда коллективных поэтических сборников. Многие стихи легли в основу музыкальных композиций и бардовских песен.
Увлекается живописью.

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Камень

Камень белый, озёрный
Над голубой водою
Всё тосковал о крыльях,
Взмыть хотел над землёю.

И облака, услышав
Песню его печали,
Вниз к земле опустились,
Крылья над ним подняли.

Видя их отраженье
Снежное за спиною,
Камень сдвинулся с места —
И пошёл над водою.

Пение воды

Ольге Грушевской

У юной мраморной богини
Уста манящие горды,
И облака в просторе синем
Струят под пение воды —

В её наполненном кувшине —
Фонтанно-радужной струёй,
Смывая золото на глине,
Неся божественный покой.

И я, под музыку живую,
Безволие ощутив, стою,
Отдавшись красоте, ликую,
И душу слушаю свою.

Прикосновение

Мы в лодке. Вниз отложено весло,
Чтобы течение медленно несло —
Куда-то вдаль, от дел земных, тревожных
И ценностей надуманных и ложных.

Вот очертанье веток всё слабей
Виднеется... стирая берег дней,
Всё растворяя сладостно-безвольно,
В гармонии души, парящей вольно.

Средь облаков колеблющийся свет
На свитках неба пишет нам ответ,
И чувствует душа, оставив грузы,
Прикосновение воздушной музыки.

Капля в сферах

В опаловом дыму чуть-чуть мерцает солнце,
В преддверии весны обнажена душа,
И некий лёгкий отсвет чем-то новым... сквозит —
Во всём, едва-едва дыша.

И я разобщена с каким-то сном единым,
Раздвоенный мой профиль смотрит вниз с высот,
Где я опять лечу последней каплей с крыши —
Познать падение и взлёт.

И, разлетаясь брызгами, взрываюсь в сферах —
На темени земли, где в зеркалах воды,
Дома, поля, снега, клочок неба голубого
И я — сквозь капельку слюды.

Тайна гравюры

Снова зима и шампанского привкус
Взоры туманит, но Врубель грустит,
Лишь хризантема кудрявою тенью
Льдом на стекле пред свечою блестит,
Инициалы златя над камином
У пожелтевшей гравюры в углу,
Губы и пламя горящего взгляда
Тайной манящей мерцают сквозь тьму.

Касание ночи

На уснувшей скамейке мерцающий отсвет луны,
Всюду инея нити сквозные развешены хрупко,
Ночь средь белых разводов сутробов, в плену тишины,
Под фатою узорною леса — баюкает сладко.

Колыбельные шумы в верхушках деревьев скользят —
Над глубоким покоем, застывшим в немом упоении,
И по детски вновь верится, будто из леса глядят —
Те миры, что нам снятся лишь в детстве, миры удивленья.

За окном ледяным звёзды тёмного неба дрожат,
Крыши сонной деревни белеют в пуховых перинах,
Чьи-то чёрные тени как призраки ночи летят
Над морозным пожаром, горящим на алых рябинах.

В тишине невесомой, неясною тайной влеком,
Кто-то ходит, томясь, перед белой молельнею сада —
С потаённой молитвой любви о далёком, родном,
Воскрешая вновь радость бывшего и горечь преграды.

Цветной лоскут

За курганом моим, над речкой,
Босоного бредёт мечта,
И проносятся белой речью
Облака, приоткрыв уста.

Таёт дымкой синь над полями,
И поблѣкший камыш иссох,
Паутинки, дрожа слезами,
Прячут карту моих дорог

В лабиринтах своих, скрывая
Забинтованных слов тоску,
Там, где детство с крыши сарая
Обронило цветной лоскут.

Дом Максимилиана Волошина

Когда опускается ночь на Волошинский дом,
И лунные пятна блуждают в тиши среди комнат.
Где царство картин и предметов, объятое сном,
Так много впитало... где рук прикасания помнят...

Вновь тайные шорохи лестницей тихо скользят,
И строчки стихов, проступая, синеют на стенах,
Сверкает слезою царевны египетской взгляд,
И ветер сквозь ставни тихонько зовёт: «Таи-ах»...

И снова молчанье. Лишь книга страницей шуршит...
А кто-то, сидящий пред домом, у чёрной ограды,
Вдруг новые слышит стихи — их диктует поэт,
Опять проходя, словно ветер, земные преграды.

Рыжая девушка

Как хрупкий лепесток, легка, боса,
Бежала девушка, с ней рыжая собака,
Прозрачным перламутром полоса —
Спешила следом, дождь устало плакал.

Стряхнув с себя алмазов крупных гроздь,
Борзая понеслась вперед прыжками,
А девушка златыми волосами
Сверкнула, словно молния среди гроз.

И улица, сиявшая в лучах,
Пробившихся сквозь клочья тучи пленной,
Тихонько улыбнулась в зеркалах,
Оставив снимок копии — Вселенной.

Утро цветными пальцами...

Утро цветными пальцами —
Вновь осмотрело долину,
Где роща с синими пальмами —
Раскрыла хвосты павлиньи...
Зарю, выжимая в чашку,
Малиновый хмель роняя,
Позолотило букашку,
И загляделось, зевая...
На даль, что горела свечою —
В лимонно-дымных лучах,
На степь, что под крупной росой
Молилась, сверкнув в слезах.

Листья сердца

Листья нашего сердца осыпает вновь осень,
И желтеют туманы среди звёзд золотистых,
И в душе сожаленье и великая кротость —
Перед белым томленьем дождей серебристых,
Что молитвенным звоном на стекле замутнённом —
Будут снова шептать нам первобытные песни
Одиноких молчаний и таинственных странствий,
Ведь рождение смертно, мы лишь капли предвестий.

Лотос

На реке таинственной природы
Длинный стебель таял в глубине,
И разводы лёгкие дрожали
Белой чашей, вспыхнувшей во мне.

В недоступном уголке рая
Прикоснулся к телу ветерок
Белых крыльев, то душа как лебедь,
Раскрывала белый свой цветок.

Хозяйская шапка

Накинув на плечи посадскую шаль,
Ты долго стоишь у плетня вечерами,
И в сердце твоём серой птицей печаль
Летает и застит весь свет пред глазами.
И только собака, прильнувши к ногам,
Читает твои сокровенные мысли
И жалобно воеет в тиши по ночам —
На шапку в хозяйском пустующем кресле.

Среди диких просторов немых...

Спит сосна под наплывами льда на скале,
Он застыл, как готический храм,
В одичалом и голом просторе, во мгле,
Там ручей белый пел по ночам.

Здесь кристальная даль вся искрит и дрожит
Голубой замороженной тьмой,
Над нетронутым снегом лишь вечность парит,
В синий фосфор окрасив покой.

И органа душа тихий стон в глубине —
Оставляет резьбою на льдах,
Трубы тянутся к небу, где зов в вышине
Замурованным сном в хрусталях.

Там луна серебристой монетой висит
Среди диких просторов немых,
Да узорчатость стёкол ледовых горит
Тайной ликом незримых святых...

Евгений Агуф

Публикуется в поэтических сборниках и на литературных интернет-порталах, член жюри ряда литературных интернет-конкурсов (2018 – 2020), куратор раздела «Поэзия» литературно-просветительского журнала «Московский BAZAR».

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Мне снится сон...

Мне снится сон...
Взрывных объятий полог
Скрывает трепет танца нежных рук,
А в танце — боль из будущих разлук
И прошлых недосказанностей ворох.
Мне снится сон, где нет пути назад,
В нём всё сбылось, о чём давно мечталось,
И счастье, как осознанная данность,
Со мной во снах, чему безмерно рад.

Мне снится сон
Пьянящий, как нескромность.
Скромнее, чем преодолённый стыд,
Что с шёлком простыни с плеча скользит,
Нежнее, чем несбывшаяся робость.
В нём женщина томления полна,
Скрывая страсть за лёгким взмахом пальцев,
Пьёт поцелуй из алчных губ скитальца,
Глотая смерть любовного вина.

Весенний ветерок

На ковёр из былого ненастья
Ляжет зелень молоденьких трав.
Будет ветер весёлый неправ,
Заблудившись под лёгкостью платья.
Прижимаясь с напором тугим
К красоте озорного веселья,
Он кому-то подарит смятенья,
И смущённых улыбок — другим.

Холодком несерьёзного утра
Из тепла недосмотренных снов
В ясный полдень умчаться готов,
Искупавшись в росе златокудрой.
Засмеётся, заглянет в глаза
Всем, кто хмур и ещё не проснулся,
И расскажет тому, кто не в курсе,
Что зима не вернётся назад.

В теплоту твоего настроения
Он добавит прохлады весны,
Поплывут по полянам лесным
Ароматные песни цветений.
Разбалдуется с ветром подол
Из весенне-цветистого ситца,
И весне, наконец, покорится
Необъятного неба простор.

Читая прошлое в глазах своих детей...

Мы повторяем будущность сегодня,
Читая прошлое в глазах своих детей,
Они нам кажутся красивей и умней,
Но, всё же, многократно сумасбродней.
Им не хватает многого пока,
Чтоб окунуться в будничность рутины
И ощутить, как им необходима
Тобою пережитая строка.

Чужой души священные потёмки
В несчастье затерявшейся семьи
Сквозь призму лет и чаянья свои
Отыщут повзрослевшие потомки

И удивятся — как же глубоки
И утончённы были наши души,
Как пробовали мы друг друга слушать
И, как они, страдали от тоски...

За окошком...

За окошком, дождиком звеня,
Распластав по дуге листья клёна,
Осень, отмахнувшись от влюблённых,
Хмурится под небом октября.
Желтизной простуженного солнца
Изредка взглянув на этот бред,
Прячется в пожухлый мокрый плед,
Пахнущий, как сырость из колодца.

Крон макушки в хмурых облаках
Над скамьями уголков укромных.
Одинокий ветер обречённо
Рвёт осинке кудри в пух и прах.
Шлёпая листьями по тропинке,
Осень гонит нас домой, в тепло,
А потом, царапаясь в стекло,
Удивляет прелестью картинки.

Я помню...

Я, помню, с детства кладбищ не любил.
И на поминках умирал от скуки —
Неловко наблюдать чужие муки,
А на сочувствие — ни слёз, ни сил.

Там чередá привычных ритуалов
И речи — хорошо иль ничего.
Был человек. Щелчок — и нет его.
И место, где он жил, холодным стало.

Вдруг понимаешь — пусто без него.
Ещё один... и круг родных редеет,
За ним и те, кто ближе, кто роднее...
И кладбище — как старое село.
Я кланяюсь, здороваюсь и плачу,
Стою у ног родных, врагов, друзей.
Всех примирила смерть, она сильнее
Люби, вражды и слёз моих в придачу.

Во мне любви к отеческим гробам
Не больше, чем к каким-то упаковкам,
И я, как в детстве, чувствую неловко
Себя, когда иду на встречу к вам,
Полить цветы, поправить холмик свежий,
Произнести какие-то слова...
Всё меньше нас, кто не ушёл сюда.
Всё больше тех, к кому приходят реже.

Пуля–дура

Медленно–медленно... боли не чувствую...
Память врачующим тонким бинтом
Мягко ложится на кромочку хрусткую,
Чтоб устоял на краю, а потом...

Капля нечаянной смерти расплавленной
Не удивляет своей простотой —
Дети долюблены, вехи расставлены.
Вот только жаль, не увижусь с женой...

Знал я, конечно, но всё так не вовремя...
Что же так лопнуло где-то в груди...
Что-то хотел попросить, не припомню я...
Ты не забудь, за меня попроси.

Эротика весны

Разнежившись в тепле прикосновений,
Ты, испустив восторга птичий крик,
Ручьями извиваясь меж ракич,
Течёшь в объятия летних сновидений,
Навстречу счастью майского тепла.
Бежишь, меняя валенки на шпильки,
Дробя скороговорки без запинки
На звонких лужах тонкого стекла.

Свою улыбку солнышку подставив,
Неспешно прикрывая наготу,
Забыв на ветке снежную фату,
Зовёшь уютной нежностью проталин.
А я, теряя годы на бегу,
Меняя разум на твои красоты,
Нектаром солнц из ароматов сотен
Пьянею и напиться не могу.

Июньские ночи

Из удущья пустынной жары
Окупись в тёплый бархатный вечер,
Подставляя горячие плечи
В ветерок набегающей мглы.

У тебя в волосах заблудился
Летний зной с ароматом цветов,
И в объятьях коротеньких снов
Я готов тебе утром присниться.

Ночь закатом целует восход,
Укрываясь прохладой туманов.
На волне зачарованной пьяный
Юный месяц, качаясь, плывёт.
Так недолги июньские ночи
В поцелуях шалуньи–волны.
С первым солнцем, обнявшись, усни,
Если спать ты в июне захочешь.

Экстрасистолия

Бежал, спешил по жизни я
И, вдруг, осёкся...
Мой бранный посох бытия
Дорогой стёрся.
Считает сердце — раз, два, три...
И отдыхает...
И в пароксизме аритмий
Напомнит лаем,
Что назначенья близок пункт,
И экстрасистол
Ударов поминальный стук,
Как колокольный инфразвук —
Спасенье от сомнений мук...
В веках, и присно...

Зинаида Кокорина

Литератор, публицист. По образованию инженер-энергетик. Автор пяти сборников поэзии и прозы и пятнадцати книжек для детей. Награждена почетными грамотами и дипломами за заслуги в литературе и участие в различных номинациях конкурсов, в том числе конкурсы им. С. И. Дурылина, «Гринландия» и др., дипломы имени М. Ю. Лермонтова «Недаром помнит вся Россия», «За верность русскому слову», Петровской академии наук, «Преодоление» и др., литературные медали «М. Ю. Лермонтов 1814–1841 гг.», «60 лет Союза писателей России», «Родина мать зовет», «В честь 75 летия Победы народа в ВОВ», «В честь 200-летия А. А. Фета».

Член ЛИТО им. Новикова-Прибоя (г. Королёв), Союза писателей России, МСП «Новый Современник», Содружества авторов для детей Казани (САДИК).

Куратор раздела «Детское чтение» литературно-просветительского журнала «Московский BAZAR».

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Усадьбы Захарово и Большие Вязёмы в Одинцовском районе Подмосковья называют музеем детства, родиной первой музыки поэта. Имение в селе Захарово приобрела Мария Алексеевна Ганнибал, бабушка А. С. Пушкина, куда в теплое время года она вывозила любимого внука с шести до одиннадцати лет, до поступления в лицей. Считается, что именно эта усадьба была тесно связана с одним из самых главных и трогательных периодов жизни А. С. Пушкина — детством поэта. Именно здесь великий поэт–ребенок впитал впечатления, которых ему хватило на всю творческую жизнь.

С 1987 года здесь находится Государственный историко–литературный музей–заповедник А. С. Пушкина. Каждый год, в первое воскресенье июня, в этом живописном месте проходит замечательное празднество — «Пушкиниана», в котором для посетителей, особенно для детей, готовятся интересные программы, воссоздающие дворянский быт, веселые игры пушкинской эпохи, мастер–классы, концерты и представления.

Возле памятника маленькому Саше, поставленного на берегу пруда, где он, вооружившись пером и бумагой, делал свои записи и зарисовки, поэты читают стихи.

Мир детства

(А. С. Пушкин в Захарове)

Средь заповедных мест и пушкинских музеев
Есть «детских лет музей».
В ту пору были тут
Фруктовый сад и парк, кленовые аллеи,
Вязёмка тихая и живописный пруд.

Сельцо Захарово — дворянское имение —
Любимой бабушкой Марией Ганнибал
Приобреталось для восстановления
Здоровья и души,
чем Сашенька страдал.

Здесь смуглый толстячок, ранимый, нелюдимый,
Заботой, нежностью и лаской был согрет,
Вниманьем бабушки и нянюшки Арины.
Родному языку учился здесь поэт.

В усадьбе был запрет общенья по-французски
(Как в доме строго требовал отец),
Свобода действий, ни давленья, ни нагрузки
Ни гувернёров ненавистных, наконец...

Впервые, стал играть здесь Саша шестилетний.
Лишь с крепостными поначалу... и потом
С детьми соседскими... и с каждым днём заметней
Французский русским вытеснялся языком.

Лапта, ходули... и «потешные мальчишки».
Влияние «прелестной сельской простоты»,
Сказанья нянюшки и бабушкины книжки...
Рождали чувства красоты и доброты.

На берегу пруда — скамья и липа рядом —
Любимый уголок тех славных дней и лет.
Перо, бумага... Свежесть и прохлада...
Формировался Пушкин — будущий поэт.

А нас учили...

...А нас учили старость уважать,
Иметь терпение к лицам должностным,
Пусть не любить их, но не унижать —
Быть просто снисходительнее к ним.

Умели мы беззлобно подшутить,
Подсказки без обиды принимать,
Отзывчивыми безвозмездно быть,
Щедроты «доброй дланью» раздавать.

Мы знали «не обидь» и «не убей»!
Старались это детям прививать.
Но призывают наших сыновей
Опять туда, где гибнуть, воевать.

Нам «Сказку сделать былью» суждено.
Прогрессу века — должная хвала!
Жить — не тужить бы внукам нашим... но,
Налоги, ипотеки — кабала.

А мы всё ждём и верим. Простота...
И выживаем, вопреки властям.
На пятки наступает нищета,
А воз терпения «и ныне там».

А нас всегда учили «верить свято».
И с верой выживает человек.
Наполнится ведь до краёв когда-то
И эта чаша.... В кой-то будет век?

После дождя

(Москва, на проспекте Мира)

Дождик проливной сегодня кстати:
Водопад прибил жару и смог...
Может быть, я конченный романтик,
Что люблю потоки вдоль дорог.

Вот раскрытый зонт уже не нужен —
В Подмосковье держит путь гроза,
Оставляя капли с крыш и лужи...
Нет, не лужи, а дорог глаза.

Как в зрачках красавиц чернооких,
В них сиянье радужных огней:
Томность вспышек фонарей высоких,
Блики от неоновых свечей...

В их зеркально-влажном отражении
Утопает мягкий свет витрин,
Ярких фар снующее движенье,
Отблеск лакированных машин...

Пусть пока озоном дышит вечер,
Город представляет «Свето-шоу»!..
Прочь усталость, расправляю плечи —
Мне сегодня жутко хорошо!

Туманный рассвет

Плывёт туман рассветный
над рекой,
вливаясь серой дымкой
на Москву,
крадётся по Арбатской
и Тверской...
кропит росой
дремавшую листву.

Над площадью парит
седая мгла —
прозрачно-серебристая
вуаль.
Плывут в тумане башен
купола,
сиянием высвечивая
даль.

Стустилась под ногами
пелена...
Дохнула на неё теплом
земля,
И вот прозрачно-сизая
волна
стремится, тая,
к башенкам Кремля.

Недолго на заре
чудил туман:
прокрался в дымку
серо-фиолет,
прозрели огоньки
цветных реклам...
Хозяином становится
рассвет!

Москва в рассветной дрёме
хороша!
Вот для кого плохой погоды нет.
Окроплена росой,
чиста, свежа,
встречает бодро утренний рассвет.

Мы – в Лосинный остров

День сегодня выходной,
Но не отдых просто:
Отправляемся семьёй
Мы в Лосинный остров!

Обожаю этот лес
Сказочно-дремучий!
Заповедных много мест,
Но «Лосинка» — лучше!

Развлекались тут цари,
Фавориты, свиты...
Для охоты, с той поры,
Остров стал закрытым.

Пять веков — не малый срок.
Остров наш Лосиный
Сохранить закон помог.
Заповедник дивный!

Монумент — природы храм,
Старый дуб, осинка...
Вот сюда и надо нам.
Дальше — по тропинке.

Свежий воздух! Тишина.
Здесь — не на асфальте:
Не промчатся мимо на
Скейте, самокате...

Тропки главные ведут
К центру, без подсказки.
Отдыхает разный люд
Здесь, как в мире сказки.

Горки, домик расписной,
Лавочки, качели...
Малышам простор какой!
Визг на карусели!

Для любителей коней,
Конный двор к услугам.
Радует гостей музей —
«Русский быт» — досугом.

Центр позже навестим:
Нам природу надо.
И по тропочкам своим
Мы шагаем рядом:

Папа, мама и сынок.
Интересно всем нам —
Не были здесь долгий срок —
Есть ли перемены?

Мышку, белочку, ежа
Мы об этом спросим...
Вдруг, гуляя не спеша,
Повстречались с лосем.

Ух, какая красота!
Не смущён сохатый
Чем-то лакомым в кустах
Увлечён рогатый.

Но на нас глаза косят,
Значит, видит тоже.
Медленно сдаём назад:
Зверь-то дикий всё же.

Хоть не раз бывали здесь,
Ходим осторожно:
Увлекают тропы в лес,
Заблудиться можно.

Где-то не исключено
Встретиться с медведем
Или с диким кабаном —
Жуткие соседи!

С ликованием в душе
Обсуждаем встечу,
Устремляя взгляд уже
На большой скворечник.

Чудеса! Творенье рук
В глубине Лосинки!
К нам в беседу — дятла стук:
«Вот вам и новинки!»

По пути назад, теперь
Разговор о птицах.
Здесь их много: свиристель,
Утка, дрозд, синца...

Двести видов: Ого-го! —
Пальцы все загнули.
Вот и центр. Дошли легко.
Классно отдохнули!

Маришка встала на коньки, или Поддержка

Каток. На льду детишки,
Все веселы, легки...
Решила и Маришка:
«Встаю я на коньки!»

Легко сказать, «Решила».
Не слушается лёд,
И шагу не ступила,
С коленок не встаёт.

Что за коньки такие,
На месте не стоят?
Катаются ж другие,
Легко по льду скользят.

Не ползать же по кругу,
Что делать? Хоть рыдай...
«Давай, подруга, руку,
Учись, не унывай!»

Смеётся мальчик рядом:
«И не пытайся сесть!»
Маришка очень рада:
Встаёт, поддержка есть!

«Теперь твоя опора
На лезвие конька.
Почувствуй лёд и скоро
Поедешь. А пока
Держи покрепче руку!»

Шажок, ещё шажок...
Поехали по кругу
И — покорён каток!

Путешественница

Решила обезьянка:
На Север ей пора.
Взглянуть на снег, на санки...
А то: жара, жара...

Откуда было знать ей,
Что снег — это мороз.
«Зима, какое счастье!
Лечу, решён вопрос!»

Отбросив все сомненья,
Приобрела билет.
В момент, без промедления,
В путь собрала пакет.

И заполнять-то нечем:
Бананы да кокос.
Зато с гостинцем легче
Решить любой вопрос.

Узнать бы обезьянке,
Что будут там нужны
Ей сапоги, ушанка,
И тёплые штаны.

Спускается по трапу
Туристка на мороз.
Смекнули сразу лапы,
Ладони, попа, нос...

Что здесь не пригодятся
Бананы и кокос.
Бежать в тепло, спастись!
Достал мороз до слёз!

Природа, солнце — нега!
Снежок: белым-бело...
Но гостье не до снега,
Всю холодом свело.

Зачем ей, обезьянке
Знакомиться с зимой?
Нет, не нужны ей санки.
Скорей на Юг, домой!

Рванули сами ноги
Обратно в самолёт:
«Будь счастлив, Север строгий,
Нас жаркий климат ждёт!»

Наталия Лисицина

*Автор из Санкт-Петербурга,
по специальности — физик, по
профессии — учитель математики.
Счастливая жена и мать двоих детей.
Стихи пишет с детства, но нигде
не печаталась. Очень любит
конкурсы коротких форм (порошков
и депрессяшек), участвует в них под
именем Наталия Забодай.*

*злой рок преследует поэта
завален вновь на гений тест
сражённым пал уже четвёртый
дантес*

*Публикуемое стихотворение
«Рыцарь» заняло 1-е место в
номинации «Поэзия» конкурса «Книга
прикосновений», организованного МСП
«Новый Современник» и творческой
мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.*

Рыцарь

Он вечным снегом выбелен парадно,
уйдя от жизни слишком далеко.
Его щеки касаются прохладой
сиреневые тени облаков.
Над ним с опаской медленно проходит
к закату солнце, жар и свет отдав:
чернеет даже в самый яркий полдень
его доспеха скальная гряда.
Что помнит он... Хранит ли даты, лица?
Что зреет в нём — прощенье или гнев?
Глаза всегда закрыты... Что таится
в его непрекращающемся сне —
безмолвный крик? Иссохший склон Голгофы?
От ярких искр прикрыв глаза рукой,
смотрю с тоской на чёткий мёртвый профиль
того, кто не сумел найти покой.
Но не давая прикоснуться к тайне —
высокомерно горд и снежно нем —
забытый горный рыцарь осыпает,
вдохнув во сне, десятки тонн камней.

Когда горят мосты

Когда горят мосты, так едок дым,
Так горячо и больно с ними рядом...
Ты выпей за меня живой воды,
Почувствуй за меня её прохладу
И уходи, не надо слов больных
Бросать — как горсть монет безумной нищей.
Мне не увидеть с этой стороны,
Оглянешься ли ты на пепелище.

Я не узнаю больше никогда,
Посмотришь ли, пройдя случайно мимо:
Ведь у меня здесь мёртвая вода
Дрожит в горсти... Ну, за тебя, любимый.
Я буду вспоминать, что ты ушёл,
Но всё же равнодушнее и реже...
Плесни живой воды — на посошок
И на помин души моей сторевшей.

Я потерялась

Всё утро ветер зазывал меня, кручинясь,
Потом затих, забился в щели, оробев...
Я потерялась, я почти неразличима
В белёсом сумраке спустившихся небес.
Меня не выдадут атланты в тёмных нишах,
Не смогут окна отражение поймать —
Я потерялась, пусть никто меня не ищет
Среди теней, пугливо жмущихся к домам.
Я не оставила на времени отметин
И растворилась слабым звуком в тишине.
Я потерялась в этом городе, где ветер —
Единственный,
кто плачет обо мне.

Я стану городом

Я стану городом, в котором ты живёшь,
Его коротким беспокойным летом —
Потянутся усталые проспекты
За КАД, на зеленеющий ковёр,
Но я для них останусь незаметной.

Я растворюсь в бензиновой пыли —
Чихнёт безродный кот в твоём подъезде.
Он, как и я, для мира бесполезен,
Но любит жизнь — нахален и пытлив,
И даже в щель случайную пролезет.

А я уйду и стану синевой
Над городом — такой больной и редкой.
Взгляну, как дышит, летом разогретый,
И упаду беспомощно в него
И равнодушно льющуюся реку.

И стану бликом на стальной воде...
Старушка голубям насыплет крошек,
Запротестуют чайки заполошно,
Надменный всадник будет вдаль глядеть —
Но разглядеть меня и он не сможет.

Поражение

*Слетает вечер с крыльями грача,
багряный лист теряя, словно знамя...*

Rewsky

Отбой, мои послушные войска:
На траурный салют оставьте порох.
Меня янтарным глазом отыскав,
Раскрыла крылья ночь, как чёрный ворон.
Ещё грозит упрямый старый вяз,
Но осень, отпылав, пошла на убыль.
Мы славно воевали, не боясь —
Не там, не с тем, уверенно и глупо.
Напрасно ветер бился за меня,
Он тоже обессилен и ненужен,

Смерч красных листьев силится поднять —
И затихает, ими захлебнувшись.
Закат, теряя кровь, в полях лежит
И тает, безнадёжностью изранен...

Мы вместе проиграли эту жизнь.
Но мне ещё платить, не умирая.

Ночной дежурный

Когда мой город дышит в такт шагам,
Заманивая в сумрак предрассветный —
Иду, не сомневаясь, наугад,
Поглядывая гордо на проспекты.
Тяну с мостом пролёты к облакам,
Журю из строя вышедшие урны
И ангелу киваю свысока:
Он высоко, но я зато — дежурный.
Глядит, как убегают корабли,
протягивая руку, медный пленник,
Молчит вода, спешащая в залив —
Прощаясь, задаю ей направление,
Киваю важно утомлённым львам,
Сочувствую и всаднику, и змею...
И тщетно о любви ищу слова —
От невозможности всё выразить немея.

Любовь — вода

Любовь — вода... когда-то... далеко —
где март сдавал звенящему апрелю,
она таилась подо льдом — рекой,
готовой разорвать гранит купели,

она взломала лёд, и разлилась,
и не было на свете ей преграды:
заброшены забытые дела,
разрушены границы — только радость...
В безумие безудержных стихий,
казалось, целый мир однажды канет...
Теперь — не то... теперь горчат стихи
в пустой воде, разлитой по стаканам,
теперь дрожит ознобами в дожде
наученная лгать больная память —
подсовывает топи, приодев
заросшими кувшинками прудами.
Захлёбываюсь тёплой мутью тин,
глаза слепит фальшивый блеск придонный...

Поддай напиток талых вод — в горсти...
Прижмусь щекой к спасающей ладони...

Кукушковое

Воспоминания всё бледнее, всё тише стук,
есть ли небо и птицы в небе, и нужна ли она кому
на своём посту?

Лето было вечным и было всегда,
маятника независимый брат
днём лениво катался над крышами дач
и где-то пропадал до утра.
Томно вздыхал разомлевший сад,
вдалеке лениво брехали псы,
под затихающий стрекот цикад
ночь подкрадывалась считать часы.

Вечная жизнь незатейлива и проста —
непотревоженное никем,
под размеренное «тик-так»
лето качалось, сонное, в гамаке.
А теперь пугают долгие вечера,
дальней электрички затихающий гул,
и кажется — вот же ещё вчера
вылетала ястребом со своим «ку-ку»,
звонким жаворонком в степи,
синим колибри, пикирующим на цветок...
А теперь пружина уже скрипит
и голос не тот.

Что-то в мире неладно. Ветер крошки тепла
деловито сдул.
Лето сползло с веранды и растворилось в мокром саду...

ВОЛК

когда моя сломалась вера
и я сломался вместе с ней
я прошагал сто километров
а может, метров, глух и нем
а может, я бродил, не зная
где я, кто я, который день
и провожали громким лаем
все псы мою большую тень
мне кажется, тот век был хворым
промозглым, чёрным и чужим
не помню путь, не помню город
а только шаг... ещё... держись
дыши... дыши, терпи, так надо
зачем так надо — я не знал
я приходил в себя в парадных
и снова падал в бездну сна

кошмара, где все чувства гасли
где мне никто не мог помочь
где светофоры глазом красным
меня пугали, гнали прочь
и я, качаясь, брёл послушно
толкая хрипом каждый шаг
но хрип не мог прорвать удушье
вернись... я не могу дышать
и горло всё сильнее сжималось
а я хрипел и шёл... и шёл
когда за кронверкским каналом
завыл, прорвав молчанье, волк
он был беспомощно, что больно
что в лёгких от тоски пожар
что он, как я, кошмаром пойман
и я, крича с ним, задышал
луна нам придавала силы
мы выли ночь... а может год
она нам с жалостью светила
шепча — и это всё пройдёт

Татьяна Соната

*Публикуемое стихотворение
«Прислонись» заняло 2-е место в
номинации «Поэзия» конкурса «Книга
прикосновений», организованного МСП
«Новый Современник» и творческой
мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.*

Прислонись

Каждый день
Мучительно, несносно
Про себя твержу одну строку:
«Прислонись ко мне!»
Повсюду осень
На траву, на крыши, венценосно
По листку роняет, по листку.
Оголяя ветви, просьбы, жесты,
Распластав по небу сотню «ах!»,
Прислонись...
Не слушая протесты
И призывы жалобной челесты
На моих простуженных губах.
Отрешишь от имени и спеси,
От притворных взглядов с хитрецей.
Помнишь, мы во сне стояли вместе —
Несовместны, глупы, неуместны,
Прислоняясь страстно.
Боже мой.
Откажись от планов, дел и целей,
От погонь за вымышленным злом.
Прислонись.
В манящем страстью теле,
Совладелец множества безделиц,
Ты ведущий, ведом и ведом.
Прислонись...
От умных мало проку.
А от сумасшедших — боль и бред.
Извини, со мной одна морока,
Да и та истлеет раньше срока.
Ни вопросов, ни ответов нет.

Только стон осеннего настоя
На основе горсти ячменя.
Прислонись ко мне... и все такое —
Крепостное, дикое, мужское...
Прислонись...
и вылечишь меня.

Лариса Есина

Публикуемое стихотворение «Все будет хорошо» заняло 2-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Все будет хорошо!

Обидою вселенской лился дождь.
Лишённый света, день ушёл с арены,
И дотемна продрогший вечер жёт
Свечу заката на краю вселенной.

Под куполом пушистых облаков
Дебют зимы взволнованно изящен.
Седеет ночь. Морозит, и любовь
Чуть теплится в холодном настоящем.

Пусть мельничным скрипучим колесом
Часы вращают время монотонно.
«Всё перемелется! Всё будет хорошо!» —
Искрится снег и тает на ладонях.

Сергей Ворошилов

Проживает в Петрозаводске (Республика Карелия). Кандидат технических наук, заслуженный изобретатель Республики.

Стихи публиковались в журнале «Север», альманахе «Охотничьи просторы» и других изданиях. В 2018 году вышел авторский сборник стихов «Под знаком тишины».

Увлекается охотой, спортом, любит путешествовать.

Публикуемое стихотворение «Вечная весна» заняло 3-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Вечная весна

Опять в сирени нежится луна
и пряный воздух соткан из томлений.
Нас приглашает вечная весна
в страну любви, в полёт прикосновений.

Какой восторг нам дарит эта ночь
с желаньем ласк и чудом откровений,
когда ты, шёлк и стыд отбросив прочь,
себя несёшь на суд прикосновений.

Благословенны родинки твои,
твоё дыханье, плечи и колени,
и космос страсти, что для нас двоих,
где мы парим в пылу прикосновений.

Где мы, сплетая руки и уста,
порхаем невесомые, как тени,
и, постигая тайное из тайн,
взлетаем к торжеству прикосновений.

Какое чудо вместе в мир земной
вернуться, остывая от волнений,
и затихать дрожащею струной,
переживая вихрь прикосновений,

и пить горячим сердцем тишину,
прислушиваясь к шорохам сирени,
и ощущать по-новому весну
и таинство её прикосновений...

Этюд в пастельных тонах

Касаясь взглядом чистого листа,
бреду лугами выцветшего лета
туда, где в брызгах солнечного света
ты ждёшь меня, божественно чиста.
И не постель, а летняя постель
влечёт нас. И так хочется смеяться...
Рука в руке... Наивные шестнадцать.
Влюблённость глаз и преданность мечте...
И день иной, где старенький рояль
звучит минором, душу разрывая.
Он, будто конь стреноженный, хромая,
унёс тебя в непознанную даль,
к вершине славы, к платьям от-кутюр...
Но верю я, когда-нибудь в Париже
«рояль дрожащий пену с губ оближет»¹
и устремит в Россию свой аллюр...
И мы с тобой опять в руке рука
заблудимся в медвяном море кашки,
и ты взгрустнёшь, гадая на ромашке...
Всё это будет завтра, а пока
сквозь пропасть разведённого моста
зову тебя, да всё чужие лица...
И мой удел — листать любви страницы,
касаясь взглядом чистого листа.

Старое костровище

Налетели, скуля, ветра.
Одиноко. Тоскливо. Пусто.
Чёрным глазом глядит «вчера»,
голой веткой моргая грустно.

¹ Строка из стихотворения Б. Пастернака.

Паутинится дней былё,
память нить в лабиринте ищет...
Я случайно нашёл своё
очень старое костровище.
Я увидел так ясно вдруг,
как потухшую сигаретку
мой навечно ушедший друг
зажигает костровой веткой...
Как смеётся, кормя собак,
а в ночи говорит о звёздах...
Шапку тискает в хруст кулак,
взгляд упёрся в ноябрь морозный.
Сыплет стужа снежком седым,
а я слышу, как друг без злобы
всё ворчит, отгоняя дым,
мол, здоровье отнял Чернобыль...
Вот и новый огонь дрожит,
лижет пламя снежинок стаю.
И снежинки летели жить,
а приходится просто таять.
Ох, не спится, а в путь с утра,
растревожила память чувства.
Как живое, глядит «вчера»,
огоньками моргая грустно.

Огонь–девчонка

...А когда засыпает пламя,
и толкает в плечо мороз,
я костру, как любимой даме,
задыхаясь в дыму от слёз,
раздуваю дыханьем чёлку.
И, стуча зябко зуб о зуб,
умоляю огонь–девчонку
отогреть лепестками губ:

«Просыпайся! Ты видишь, странник
замерзает без жарких ласк.
Сколько было их утром ранним,
тёмной ночью, в закатный час...
Согревай, я прижмусь поближе,
улыбнись угольками глаз,
в волосах твоих звёздно-рыжих
заблудиться хочу сейчас.
Обними же скорей с мороза,
поцелуями размори,
мне вертеться в нелепых позах
до зари с тобой, до зари...»

Купанье красного коня

Другу-охотнику

Ты помнишь, огненное диво
купалось в Северной губе,
как плыл в волнах, сверкая гривой,
багровой масти жеребец,

как, шумно фыркая прибоем,
в тумане розово-густом,
не чуя тверди под собою,
зарю он пил лиловым ртом?..

Но кто-то в сумрачное поле,
за плотный ёлок частокол,
не дав зари напиться вволю,
красавца красного увёл.

Увёл во мрак холодной ночи,
взнуздая невидимой рукой,
миров раскинув многоточье
над нами млечную строкой.

Увы, но всё уходит в бездну.
И мы уйдем за радость дней
туда, где опытный наездник
седлает огненных коней...

И за каким-то поворотом,
оставив рай земных лесов,
умчимся мы к другим охотам:
к Стрельцу, к созвездью Гончих Псов.

Мысли-мотыльки

В детство, в подмосковную окраину,
улетели мысли-мотыльки:
Вспомнились глаза и руки мамыны,
дом на горке около реки,
где под ветром яблони полощутся,
и разносит хлебный запах печь...

Ты о чем взгрустнула нынче, рощица,
не о том ли, что нельзя сберечь?

Звездопад шалает над чужбиною,
дышит мята холодом в горсти,
и кладет на плечи кисть рябина мне.
Будто шепчет кто-то — не грусти,
вспомнив, как мальчишку конопатого
обнимал на росстани отец...

Чьи глаза с небес глядят агатами?
Чей сквозь время слышен ритм сердец?
Где-то, за метелями и вёснами,
близкие окажутся близки...

Ночь тиха, а небо плачет звёздами,
и порхают мысли-мотыльки.

Октябрьская элегия

Уносит вода облетевшие листья.
В кровавых ладонях — озябшее сердце.
В них краски закатные, огненно-лиси...
Эх, падка к нарядам октябрьская серость.
Как ярко себя наряжает, плутовка!
Меня же совсем обесцветила, шельма,
виски сизым инеем выбелив ловко...
Еще не зима, но на сердце метельно.
А дни, словно сонмы листовых флотилий,
гонимые ветром по глади озерной.
Всё больше унынья, всё меньше идиллий.
Кто знает, что ждёт нас в бездонности чёрной
и что за спектакли в немом закулисье,
какие кому уготованы роли...
Уносит вода облетевшие листья,
и стонет душа от неведомой боли.

* * *

Край озёрный. Север дикий.
Сизый иней. Холода.
Кисть поникшая брусники.
Потемневшая вода.
Тишь на клюквенном болоте.
Опустившаяся хмарь.
Вздвогну, если вдруг на взлёте
прогремит крылом глухарь...
Иль замру, грустя неволью,
слыша оклики людей
в поднебесных, колокольных
причитаньях лебедей...

Бабочка

Смотрю на радужные крылья...
Калейдоскоп. Мираж. Полёт.
Космической припудрен пылью
иных миров незримый код.
Здесь неразгаданным секретом
разбрызган кратерный пейзаж,
чужие звезды и планеты,
лиловый выткан антураж...

Глаза на крыльях! Будто Космос,
глядит открыто, не таясь,
пройдя легко сквозь мыслей космы,
с душой налаживает связь...
А может, ангел синеокий,
присев на ложе василька,
напоминает про Истоки
невинным взглядом мотылька...

У церкви

В краю лесов, где быть, как небыль,
где время спит глубоким сном,
святым обветренным крестом
церквушка ловит волны Неба.

Нет, не несут те волны зрелищ.
Создав к душе незримый мост,
они мне шепчут про погост,
где мать-и-мачеха в апреле.

И веришь в жизнь вдали от праха,
когда с церковного креста
струится в душу чистота.
И лишней кажется рубаха.

Лесное эхо

Свистя крылом, прошла над плёсом кряква
и шумно села в сонную кугу,
вздыхнул прибой и рысий визг царапнул
закатом опалённую тайгу.

Сова–неясыть складывала бредни,
клянясь болотной нечисти в родстве,
сопел зыбун и ветер плакал медью,
запутавшись в редющей листве.

Стонал боец–рогач у водополя,
почуяв с ветром запах чужака...
И шёл чужак звериною тропкою —
белела паутинка у виска...

Ходьбой и думой тёплого согретый,
вбирая чутко каждый новый звук,
он постигал таёжные секреты.
Он слушал лес, как слушать может друг.

Русь изначальная

Окна в былое навеки задраены.
Память затёрта, не сыщешь отдушины.
Пращуров пепел иль ветер Украины
в сердце стучится? Минувшее слушаю...
Знать, разуделось плечо молодецкое:
пыль поднимает горячая конница,
пенился Днепр, содрогается Греция,
жаждет добычи славянская вольница.

Солнце играет щитами червлёными,
зверь убегает и вороны кружатся.
К Понту Эвксинскому, к морю солёному
едет за славой славянское мужество.
Шутками тешатся гридни весёлые,
сызмальства манит богатство Царьградово.
Русь изначальная скрылась за долами,
будет чем любушек русских порадовать.
Вечный соблазн — Византия иконная,
сладки посулы, что рядом да около.
Эко, зашла колокольными звонами.
Поздно! Добычу наметили соколы...

Эх, удалыцы, кабы знали вы, ведали:
сгинете все, как один, сотоварищи.
Близко беда, и не песней победною,
стоном наполнится Русь... Но пока ещё
видятся струги и волны курчавые,
слышен скрип вёсел и возгласы российские...
Дети Перуновы, лица лукавые,
степи раздольные, воды днепровские.

Сергей Кривонос

Публикуемое стихотворение «Вот, кажется, все замерло вокруг» заняло 3-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Вот, кажется, все замерло вокруг

Вот, кажется, все замерло вокруг.
Идем с тобой, вдохнув покой, по лугу,
Грусть отводя неслышно друг от друга
Доверчивым прикосновеньем рук.

Что жизнь? Вранья — как в небе воронья.
А я, отбросив всякие сомненья,
Все лучшие свои стихотворенья
Писал лишь о тебе и для тебя.

Но почему, скажи, твой дом сейчас
Не здесь, где сладко пахнут травокосы,
А там, где волны к берегу приносят
Надежды для тебя, а не для нас?

В рассветной утонув голубизне,
Мы, позабыв про все, прильнем друг к другу.
Не для того же ты вернулась с юга,
Чтобы прощально улыбнуться мне?

Вновь смотришь, и волнуя, и маня.
В цветенье мир впадает постепенно.
И нету в мире ничего весенней,
Чем этот взгляд, впадающий в меня.

Дмитрий Шунин

*Публикуемое стихотворение
«Соприкосновение» заняло 3-е место в
номинации «Поэзия» конкурса «Книга
прикосновений», организованного МСП
«Новый Современник» и творческой
мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.*

Соприкосновение

Я лежал океанской влагой,
Собирая дожди и снег.
На колючих еловых лапах
Пели иволги обо мне.

Я стоял неподвижной глыбой,
Поглощая туман и свет.
Обо мне говорили рыбы
И шипели змеи в траве.

Я летел своенравным ветром,
Принимая грозу и пыль,
Задевая макушки кедров
И степной шевеля ковыль.

А когда в лабиринте улиц,
Посиневших от слив и снов,
Мы с тобою соприкоснулись
Оболочками облаков.

Я увидел, что это глупо —
Одиночество смаковать,
Если шепчут бесстыдно губы
Зацелованные слова.

Если разум в любви потерян,
Если вспыхнул пожар внутри,
Отворяй поскорее двери
И меня в глубинупусти.

Мы сплетёмся, сольёмся с дымом,
С ночью тёмной и с белым днём.
И купиной неопалимой
Сквозь столетия прорастём.

Чердак

У чердака есть дом
С горшком зелёным на окне,
В котором жил и сдох
Пурпурный цикламен.
У чердака есть дверь,
Впускающая в пыльный мрак.
И есть усатый зверь,
Пришедший на чердак.
Где в сундуке спит моль
На серых кроличьих мехах,
Где летом дождь и снег зимой
Сквозь крышу. Облака
Плывут над чердаком
В лучах закатного огня.
У чердака есть дом,
Но в доме нет меня.

Во сне

Ты приходи ко мне во сне
Шаманить и шептать.
Весенний снег помят и сер
Не скроет наших тайн.

Я, к камню подбирая камень,
Сложу уютный дом.
Мы заведем щенка,
Родятся — сын и дочь.

Я буду звать тебя — любовь.
И сказки сочинять
О водной глади голубой,
О красных языках огня.

Так, чувствуя щекой к щеке
Неисчерпаемую нежность,
Мы спим, как спит тайга. И кедры
Соприкасаются во сне.

Старушка

Я в толпе горожан
Был от солнца румян
И улыбки дарил неконкретные.
Поворот, переход
И ещё поворот —
Повстречалась старушка приметная.
Шла старушка и шла,
Пухлым тапком шурша,
В переулке акациицветовом.
И качались: в руке —
Вкусно пахнувший хлеб,
На макушке — берет фиолетовый.
Вдалеке поезда,
Наверху провода,
Электрическим током нагретые.
Синь озёрной воды,
Свет ближайшей звезды
И глаза, не по-взрослому светлые.

Кошка на окне

Гаснут звёзды в небе чистом,
Ветер ветви шевелит.
Опадающие листья,
Долетая до земли,
Замирают в травах жёлтых,
В первых утренних лучах,

В изумрудных лапах ёлок,
В топкой влажности ручья.
Вдоль пригорков и оврагов,
Над трухлявостью пеньков
Аромат осенний мягок
Подосиновых грибов.
Увядающие листья
И рябиновые кисти
Над поверхностью земли,
В ожидании зимы
Растворились в тишине.
В дальней волости заэнской,
В доме старом деревенском
Дремлет кошка на окне.

С петрушкой

Ближе к ночи Александр Сергеич Ушкин,
Вспомнив, что ещё не стряпал и не кушал,
Собирался в огород — нарвать петрушки,
Для придания салату вкуса.

Он надел штаны, рубашку и, хромая,
Шёл по комнатам, распахивая окна.
Сквозь распахнутые окна пахло маем
Грозovým, туманным, звонким, мокрым.

На больные ноги сапоги напялив,
Ушкин вышел в огород и замер тут же.
В роще за рекой отчетливо звучали
Голоса вернувшихся кукушек.

Майские жуки, и бабочки, и пчёлы
Хаотично пролетали над застывшим.
Пахли сладко розовые маттиолы,
Перемешиваясь с ароматом вишни.

Не известно: пять минут, одна неделя,
Годы, вечность — пролетели и исчезли.
Ушкин, от ночной прохлады леденя,
Поспешил домой — укрыться пледом в кресле.

Это свойство времени необъяснимо —
Как из ничего рождается искусство.
Ушкин чистит, жарит жирного налима.
И салат с петрушкой получился вкусным.

Без петрушки

Александр Сергеич Ушкин, путешествуя верхом
вдоль побережья моря,
Удивился очень громким крикам чаек над безлюдным
пляжем Гудауты.
Он старался сторониться шума, может потому что
был уже не молод,
А быть может, потому что корни страха глубоко таятся
в детстве смутном.

Там драконов огнедышащие стаи прилетали
под покровом ночи.
Стены рушились и в маленьком подвале Саша прятался
от зла и смерти.
Мокрый нос дворняги ощущая, то ладошками,
то нежностью пупочной.
Заглушая голосащие сирены, прижимался ухом
к мягкой шерсти.

А сейчас, смотря на чаек наглых, чёрно-белых,
крепкоклювых, краснолапых
И, подбрасывая вверх кусочки хлеба, удаляясь
не спеша от пляжа,
Он любил песок и пену, силу волн и ветра, чаек крик
и моря запах,
И манящие в дали огни многоэтажек.

Мне снилось

Мне снилось — будто я создатель тишины,
Творец земных миров и купола небес.
На млечном берегу я на блесну луны
Ловлю косяк комет, стремительных, как всплеск
Космической волны.

Я зажигаю свет и возрождаю день,
Когда с тобой живём и дышим в унисон,
От солнечных лучей отбрасывая тень
На звёздные тела и на морской песок
В бескрайней пустоте.

Я управляю всем: и мёртвым, и живым —
Освоено легко такое ремесло.
Ты смотришь на меня сквозь метеорный дым,
Сквозь неизбежность лет и бесполезность слов.

Мне жаль, что это только сон.

Весеннее

Над буераками, над буерыбами
Редеют белые облака.
Земля цветущая чернеет глыбами
Под светом солнечного желтка.
Льёт влагу талую под красноталами,
За перелесками на поля.
А ветер гонит прочь туман опаловый,
Верхушки ельника шевеля.
Под вечер ладушки, а в мае ландыши —
Успеешь высмотреть и вдохнуть,
Пока орда красношляпых поганыхшей
Высасывает лесную грудь.
Но ты не ведаешь и ты не думаешь,
Что в эту взбалмошную весну
Пока листва зеленеет бесшумная,
Пока жуки к ней громкие льнут,
Ты дышишь, ходишь, смотришь в небо звёздное,
Раскинувшееся в вышине.
И бесконечна жизнь в рассвете розовом,
А смерти нет.

Морское

Морской песок светлее дня,
Волна темнее мглы.
Вода прохладна и синя,
А берега теплы.

Ночь влажным воздухом полна
И шорохом осок.
Заходит ночь в лагуну сна,
Ложится на песок.

И до утра не гаснет свет
В избушке на горе.
Сутулясь, дед латает сеть —
Ловить дары морей.

Я сквозь дремоту чую, как
Навариста уха,
Как кот крадётся с чердака
На рыбы потроха.

А в море острова плывут
Без мачт и парусов.
И в доме замирает звук,
Вливаясь в полусон.

И вплоть до утренней звезды,
Туманных облаков,
Мы улыбаемся в усы:
И дед, и я, и кот.

Ты придёшь

Я однажды засну в пышнотелой скирде,
От забот и невзгод отдохнувший вполне.
И пойду по траве, по земле, по воде
На мерцающий свет в приоткрытом окне.

Там, где корни уходят во влажный песок,
Сероглазую рыбу хранит стрелолист,
Где течёт по сосне янтареющий сок
На прибрежные выси приокской земли.

Где за каждым забором раскинулся сад,
В разнотравных лугах земляника растёт.
Где на листьях прозрачная зреет роса,
А на пчёлах гречишный и липовый мёд.

Озарённое светом, всё ближе окно,
И всё ближе и ближе бревенчатый дом.
Дом, как в детстве — большой–пребольшой и родной.
Дед и бабушка вышли встречать с рушником.

А за ними отец с безмятежным лицом,
Улыбается прадед в седые усы.
А за ними народ заполняет крыльцо
И весёлые песни невнятно басит.

Приглашают — входи. И в душевном ладу
Беспечальную вечность в любви проведёшь.
Я же молча сажусь у порога и жду.
Ты придёшь, ты придёшь, ты придёшь.

Пиня Копман

Публикуемое стихотворение «И даже в пустыне» было отмечено грамотой в номинации «Поэзия» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

И даже в пустыне

Разлита Предвечным с небес долгожданная влага.
Сегодня пустыня проснулась от дрёмы, как будто.
Колючка бесстрашно бежит на холмы из оврагов,
рассеяв по склонам щебенчатым серые пути.
Без солнца безрадостно–серою стала природа.

Не жарко, не пыльно. Но горького запаха волны
почти наваждением смутные чувства тревожат,
как будто бы призраки тех, виноватых невольно,
в пустынях далеких обретших последнее ложе,
кто верил и шёл, но не видел финала Исхода.

Присяду на камень и землю поглажу рукою.
Так было извечно и всё повторяется ныне.
Как нам не хватает опять тишины и покоя,
и даже в великой спокойной и тихой пустыне.
Ну, может быть, скоро. Ну, может быть, с Нового года...

Сергей Балиев

Родился в городе Ояш Новосибирской области.

Театральный актер и режиссер.

Заслуженный артист РФ.

Лауреат и дипломант нескольких литературных конкурсов. Автор четырех поэтических книг и книги детских пьес.

Печатался во многих журналах и альманахах, среди которых «Лик» (Междуреченск), «Формула осени» (Новокузнецк), «Песни Серебряного моря» (Керчь), «Подъем» Воронеж, в московских изданиях «Московский дом», «Московский VAZAR», «ЛитЭра» и др.

Публикуемое стихотворение «Где же, любимая, грёзы твои обо мне?» было отмечено грамотой в номинации «Поэзия» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Где же, любимая, грёзы твои обо мне?

Где же, любимая, грёзы твои обо мне?
Где же тревога — неужто так сладился мир?
Где ожидание — тенью застывшей в окне?
Слабый кивок, откровения сладостный миг?

Это привычное недоуменье зеркал,
и — в отраженьях — ничто не томит, не знобит.
Не распуститься всем памяткам, всем узелкам.
Что мы забыли? И что постарались забыть?

Гулкий перрон, толчая и огромный вокзал,
где затеряться не стоит большого труда.
Словно тогда не встречал я тебя — провожал.
Словно бы ты провожала меня — навсегда.

Грёзы — да что в них? Не будет любви — на заказ.
Лгут зеркала. И извечен мотив-перепев.
На горизонте как будто споткнулся закат,
что-то в прошедшем для нас осветить не успев...

...Вскрикнуть, застыть, разогнаться, нелепо упасть,
вскинуться, вскинуть ладони, и так — на весу
небо держа, горизонтом ступать и ступать,
сияясь вернуться — дойти — на восход, на весну...

Поэт

За всё в ответе быть, и жить готовым
достойно встретить время перемен,
не прикрываясь лозунгом совковым,
не предлагая жизнь свою в пример.

Не буйствовать под слоганом дешёвым,
где кажется, что все слова — кремень.
Мир по спирали, и путём не новым
мы во вчера упрёмся, как в ремейк.

Есть что-то изначальнее и выше!
осмыслить то, в чём смысл неуловим,
где свет в конце тоннеля — тёмный лес;

хранить в строке, как на скрижалях высечь,
причастность к заблуждениям людским,
о чуде грезить — и не ждать чудес.

Радуга

На белый свет наложено заклятье.
И не поможет маг и чародей
Предугадать в толпе очередей —
Кому окупится, а кто заплатит.

Мир — спектр красок, дней калейдоскоп!
Лишь семь цветов, и вот оно — пространство!
Но всё пройдёт — любовь и постоянство,
Но всё уйдёт — как дождь, как ледоход.

Как листопад разрозненных частей,
Увядший лист на подвенечном платье.
И свод небес в озоновых заплатках,
Как «всё на этом свете из людей»...

Чем станем после — тленом и золою?
Иль радугою встанем над землёю?!

Берега

Берега заповедных рек.
Тот — в камнях, а тот — песчан.
Первозданность из века в век.
И реликтовая печаль.

Реки — стрелы и серпантин —
то стремниной, то — чуть дыша.
Здесь сливаются все пути
из реальности — в чудеса.

Здесь и радость, и злой разбег
прорываются сквозь туман.
Справа высится оберег,
слева стелется талисман!..

Солнце спряталось под фатой
из серебряных облаков.
И скользит над водой фантом —
отпечатком былых веков.

Наваждение? Химера? Жизнь —
та, что спрятана за спиной?
Полустёртые миражи.
Строчка в книжице записной...

Аю-Даг

Кто сказал, что не спеть мне уже о тебе, Аю-Даг?
О последнем причале судачат, сулят незачёт.
Но взлетает мой ангел весёлый — Серёга, айда!
Хватит сиднем сидеть, поднимись над собой — и вперёд!

Кто в ответе за прошлые годы, за чёрный оскал
Доброхотов заштатных, за светлые песни друзей?
Мой хранитель зовёт, и тропинка бежит между скал.
И сгущается день, открывая дорогу грозе.

Песнь моя — непогода! Я вырос по горло в ветрах,
Нахлебался дождей, задыхался по пояс в снегу.
Пересилю, взмывая, доселе неведомый страх.
И оставлю свой вечер, и ужин оставлю врагу.

Ангел мой в окружении молний — как рыба в воде,
Неуклюже за ним поспешу, полечу на грозу,
Вновь поняв, что сдаваться нельзя — впереди столько дел!
...Южный берег под нами. Две Птицы. И старый Гурзуф...

Кто сказал, что не спеть мне уже о тебе, Аю–Даг?..

Смотри

Смотри — я поднялся, оттаяла кровь
на чёрных запястьях, на чёрных ступнях.
А небо высокое заволокло
червлёною тучей, и ветер–степняк,

как вестник несчастий, сливаясь с конём,
сорвался в галоп, разбудив окоём —
до самого моря, до пенной воды,
где копать развалин, где пепел и дым.

Разбухшие грозы, и молнии — вдоль!
Где плачет ребёнок — бессилен пророк.
Кровавое небо над чёрной бедой.
Склонённые спины, бичи — поперёк!

Забили камнями, прогнали сквозь строй.
На чёрных запястьях не высохнет кровь.
Смотри, я поднялся — не дух, не мираж.
Поднялся — и снова иду умирать...

В ночи

Написанное на роду
ни вспомнить, ни забыть.
Опять ищу, опять бреду
по прихотям судьбы.

Жизнь холодна, крута, груба.
Покой затерян в ней.
Молотит снежная крупа
по отблескам в окне.

Какого чёрта я, скажи,
созвучия искал.
Свистят ветра, зовут в Кизи,
в Тибет и на Байкал.

Там успокоюсь, там — пойму,
что счастья не украсть.
Но вновь пою свою тюрьму
до самого утра.

Бутылка тёмного стекла —
приманка слабакам.
Глоток вина — но не тепла —
отравую — в бокал.

И одиночество, мой друг,
пустынною звездой
вновь процарапывает круг
над бездной ледяной.

Ах, этот жуткий колорит
магических зеркал!
Ни выбраться, ни отомолить
Кизи, Тибет, Байкал.

В ночи осенней свет зачах,
лишь отблески в окне.
И снова в холоде зачат
стих, что сгорит в огне.

И вновь блуждаю по судьбе —
какой Байкал? На кой Тибет?
Я не скучаю по тебе,
я умираю по тебе...

Страна дорог

Под радугой вольготно разлеглась
страна дорог, ушедших в никуда,
где спрятаны от любопытных глаз
покинутые всеми города.

Давно пора сердечко подлечить,
найти в росе начало всех путей.
Пусть реки запоют, забьют ключи
в стране даров, загадок и потерь.

Где, заплутав в старинных языках,
всё принимаешь сердцем — не умом,
шагая от восхода на закат
и звонким днём, и в сумраке немом.

Где черемша душистей, чем имбирь,
и трогательней сакуры ветла,
где согревают снежную Сибирь
зелёные таёжные ветра.

Загадочный лес

Загадочный лес, где болота и мхи,
где к речке спешат ручейки.
Где мне приходили на ум не стихи,
а заговоры от тоски.

Загадочный лес, заповедный портал,
где мой обрывается след.
Я был или не был? Шагнул — и пропал
на сотню непрожитых лет.

Забудется город, где вечно цейтнот
и все откровенья горьки.
И папоротник наяву расцветёт,
купавы зажгут огоньки.

Проснусь на закате, всё будет ладом,
всё к месту, в размер и в строку.
Усну на рассвете, уткнувшись в ладонь,
где горсть земляники в соку...

Миражи

Моя печаль за тридевять земель,
где сосен не касались провода,
где птица так доверчива и зверь,
и рыбу не пугают невода.

Там реки раскидали рукава
от тысячи серебряных одежд.
Там где-то заблудился караван
моих признаний, песен и надежд.

Порой весенней, рано поутру,
шагну в забытый Богом уголок.
Оставляю всё и прошлое сотру,
И постараюсь вымолить залог.

Но травы словно вытоптаны — кем?
Но стража и пытлива, и строга.
Урочище исповедальных тем
укрыла безучастная тайга.

Переиначить?.. Заново пройти?..
Безмолвие в ответ... Густой туман...
Запрет, табу, бессрочный карантин.
Где вход, где выход? Воля — но тюрьма...

Устанет день слоняться по двору,
не в силах заглянуть за миражи.
Устанет ночь склоняться на ветру
над залежами драгоценных жил.

Ты опоздал, мне скажут, не спеши,
притормозили грешные года.
Моя печаль покоится в глуши,
где плачет не испитая вода...

Чёрные липы

Чёрные липы на белом снегу —
графика зимнего дня.
Мир холодеет, застыв на бегу,
жар до весны схороня.
И тишиной всё вокруг на века,
кажется, одолено.
Лишь подо мной чуть вздыхает река,
грезя в плену ледяном.
В этом безмолвии я растворён —
пришлый меж прочих гостей.
Словно к изгнанию приговорён —
лишний на белом холсте.
А надо мною — слепящий простор.
Зимний эдем — вширь и ввысь!
Словно мой ангел крыла распростёр.
Где же ты, светлый? Явись.
Пусть это будет лишь контур, намёк
в графике зимнего дня.
Где же ты, светлый? Я так одинок.
Ты снизойди до меня.
Что заслужил — всё приму без обид.
Грешен? — воздай по вине.
Чтобы душа вдруг запела навзрыд —
словно река по весне!..

Светлана Илларионова

Публикуемое стихотворение «К истоку» было отмечено грамотой в номинации «Поэзия» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

К истоку

Вернуться б... Да кому я здесь нужна...
Здесь много лет живётся без меня.
В траве забылись тропы и дороги,
Подворья без тепла людей продрогли,
Погосты умножают имена.

На расстояньи в памяти храня
Закаты Верхоленья и восходы,
Надеясь к его вернуться водам,
Когда едва затеплится весна.

А после, получив исходный код,
Смотреть, как с каждым днём дряхлеет лёд,
И понимать, какая это малость...

Вернулась бы и навсегда осталась
Тишайшей гладью просветлённых вод.

Дмитрий Бобылев

Публикуемое стихотворение
«Павловский парк» было отмечено
грамотой в номинации «Поэзия»
конкурса «Книга прикосновений»,
организованного МСП «Новый
Современник» и творческой
мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Павловский парк

Горбатый мостик, сонная река.
Хорошая примета — возвращаться.
Мы живы, лишь когда встречаем счастье.
Тропинка замечательно узка.

Заросший парк — зелёный дикий зверь,
Прилегший с краю суетного мира,
Он так же спал в присутствии порфиры,
Болея войной, оправился теперь.

...Мне снилось: мы сидели у реки.
Хорошая традиция — теряться,
Но — чтоб вдвоём, и чтоб — едва за двадцать
Обоим. Для касания руки

Достаточно и узости тропы.
Потом во сне, за сотни километров,
Какие ж это сказочные ветры
Мне приносили след её стопы?

Сбылось, и в отражённых небесах
Я слушаю стихи её про Бога.
Вдали мне нужно было очень много:
Весну и ветер в длинных волосах.

ПРОЗА

Юлия Сорокина

Другие миры

Миллионы людей каждый вечер, ложась спать, точно знают, как пройдет их завтрашний день. Они просыпаются в определенное время и, совершив несложный утренний ритуал, принимаются за дела. Что это за дела — зависит от их возраста, стиля поведения, образа жизни. И все идет согласно плану на текущий день, а иногда и на всю жизнь. Если они и ожидают каких-либо изменений, то, конечно, только хороших. Но даже самое удобное и вполне счастливое однообразие надоедает, и тогда жажда перемен подталкивает людей совершать подчас необъяснимые поступки.

Это утро ничем не отличалось от других и не предвещало ничего особенного. Заваривая кофе, она прислушивалась к новостям, стараясь не пропустить сообщение о погоде. Через полчаса она должна выйти из дома, а через два часа приступить к работе в душном офисе. Все ее дни начинались одинаково, вот и в этот раз, выпив чашку кофе, она пошла пешком к метро и, спустившись на эскалаторе, влилась в толпу таких же, как она. Заняв свободное место, она огляделась: кто-то читал, кто-то досматривал сны или слушал музыку. И каждый сам по себе. Все они случайно оказались в этом вагоне, чтобы

проехать вместе несколько остановок и больше никогда не встретиться. И все таки сегодня был особенный день — пятница.

Она достала из сумочки «Вестник бухгалтера». Для кого-то скукота, для нее — работа. Хотя на бухгалтера она была похожа меньше всего: темные стекла солнцезащитных очков, непослушная рыжая челка, рваные джинсы и футболка с Микки Маусом. Поймав себя на том, что уже в третий раз перечитывает одну и ту же строчку, она закрыла журнал. В наушниках звучал Led Zeppelin, и никакие цифры в голову не лезли.

Рабочий день прошел как обычно, в куче неотложных дел: отчеты, балансы, реестры, архивные папки. Нельзя сказать, что ей все это очень нравилось, но она привыкла. Если бы тетушки из ее бухгалтерии узнали, какую музыку она слушает, какие фильмы смотрит, о чем мечтает, слопали бы заживо, поэтому она старалась просто хорошо выполнять свои обязанности, не привлекая лишнего внимания. Она не притворялась, не страдала раздвоением личности — это было раздвоение мира. Она всегда находилась как бы в двух мирах одновременно. Ее не мучил вопрос выбора, и не тяготила сложившаяся ситуация. Она просто жила, как тысячи других жителей мегаполиса, встречающихся на работе, в метро или на проспектах и даже не подозревающих, что, возможно, они обитают в одних и тех же мирах.

В пятницу после восьми вечера в метро людей почти нет: все, кто мог, уехали из города сразу же после обеда, вагон был полупустой. Мимо нее, уже не в первый раз, проплыла хрупкая фигура девочки. Девочка лет двенадцати на вид мерила шагами свободное пространство, перемещаясь из одного конца вагона в другой и выделявая какие-то немислимые па. Кому-то из пассажиров это действовало на нервы, но в ушах у девочки были науш-

ники, поэтому она не слышала замечаний в свой адрес, а красноречивые раздраженные взгляды ее не трогали. Девочка улыбалась, но какой-то странной улыбкой, то ли оправдывающейся, то ли снисходительной. И нельзя было понять, плохо ей или, наоборот, хорошо. Казалось, что она сейчас находится в другом, своем мире. Но вот девочка решила выйти и наконец-то остановилась — как раз рядом с ней, у двери. Их взгляды встретились, и они улыбнулись друг другу. Девочка, пожелав ей хорошего вечера и послав воздушный поцелуй, выпорхнула из вагона.

На этой же остановке вошел молодой человек. Какое-то время он стоял напротив, и она успела рассмотреть его: среднего роста, короткие волосы, около тридцати, светло серый костюм, блестящие носы ботинок, кейс и... рюкзак. У него в руках болтался совершенно не подходящий к его облику набитый чем-то синий рюкзак, как у школьника. А еще он носил очки — смешные, круглые, в серебристой оправе. Принцы на белом коне не носят очки, поэтому, когда он занял место рядом, она уже перестала думать о нем, а решала, стоит ли заезжать домой, чтобы переодеться перед предстоящей встречей подругой, или и так нормально. В это время у ее соседа зазвонил телефон. Led Zeppelin зазвучал так громко, что она вздрогнула от неожиданности. Придерживая одной рукой кейс, другой он попытался расстегнуть рюкзак, но тот соскользнул с его колен и оттуда с грохотом вывалились роликовые коньки.

Все, что произошло потом, она не могла объяснить даже себе. Она помогла запрятать ролики обратно, он поблагодарил за помощь — казалось, инцидент на этом исчерпан. Но тут она включила аудиоплеер и поднесла наушник к его уху. Улыбка расплылась на его лице. Теперь он знал, что им нравится одна и та же музыка. Минуту спустя он уже стоял возле двери, приготовившись

к выходу. Молодой человек внимательно посмотрел на нее и кивнул, предлагая выйти вместе.

Она растерялась и удивленно пожала плечами. Нет, конечно нет. Она не может пойти с ним. А молодой человек, выйдя на платформу, оглянулся.

— Жду тебя десять минут! — незнакомец улыбался. — Надеюсь, ты передумаешь!

Двери вагона закрылись. Пойти куда-то с первым встречным? Нет, это не про нее. Вагон метро все дальше увозил ее от принца в очках. Ее сердце бешено стучало, щеки горели, а в наушниках голос Роберта Планта пел: «Babe, I'm gonna leave you». И она вернулась. О чем только она думала? Уж точно не об ожидавшей в парке подруге и не о том, что принцы не носят очки.

Они гуляли по вечерней набережной и смотрели, как проплывающие мимо лодки петляют по темной реке. А потом он оставил ее на скамейке, укатил куда то на своих роликах и вернулся с белоснежным букетом. Им было вместе так хорошо, что казалось, будто они давным-давно знакомы и сегодня встретились после долгой разлуки. Они шутили, смеялись, болтали обо всем на свете и, кажется, были счастливы.

Часто мы не замечаем сюрпризов, которые нам преподносит жизнь, а ведь они — ее самые дорогие подарки. Неожиданно... Вдруг... Откуда ни возьмись... Именно с этих слов в романах начинается все самое интересное: спокойное течение жизни нарушают события, которые заставляют героя разгадывать сумасшедшие головоломки и тайны, а сделанные открытия порой меняют всю его жизнь.

Ян Кауфман

*О себе: «Давно ничего не читает.
Категорически бронзовеет на лаврах
в МОССАЛИТе. Прислушивается
к единицам, гордости — выше неба.
Чудовищный эгоист, таланта ноль».*

*Член творческой мастерской
«Московский салон литераторов»
(МОССАЛИТ).*

*Публикуемый рассказ «Шурка»
занял 2-е место в номинации «Проза»
конкурса «Книга прикосновений»,
организованного МСП «Новый
Современник» и творческой
мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.*

Шурка

Ленинград, январь 1942 г.

Петрович уже двое суток замерзал на голом матрасе, накрывшись пледом, бушлатом и пальто. Хорошо хоть, что ноги были обуты в неснимаемые старые валенки. Квартира стояла пустая и стылая. Последнее чучело головы кабана днями распотрошили и съели. Соседи давно не появлялись, а кого-то, видать, уже отвезли. Одолевал голод и холод, но воспоминания все же не давали заснуть: «Хорошо, что жена с дочкой нынче где-то там, за Уралом. А мы уж тут с Шуркой как-нибудь доживем... Правда, как дожить на одну пайку хлеба?»

Петрович слышал у своего уха тяжелое дыхание волка, лежащего рядом, и нервные подергивания его лап радовали: «Жив Шурка! Видать, что-то свое чувствует».

Вспомнилось, как лет пятнадцать назад, приехав под Красноярск поохотиться на кабана, выпросил этого махонького волчонка у охотников, убивших волчицу. Привез в Ленинград. Сашенька, дочурка, назвала его Шуркой.

Петрович открыл глаза. Рядом с матрасом лежала неотоваренная за два дня хлебная карточка. Очень хотелось есть и пить, но сил подняться уже не было. Кидало в дрему. Но воспоминания не отпускали.

«В сороковом году полетел с Шуркой в его места, под Красноярск. Стоял январь. Снег по колено. Местные охотники устроили гон на кабана с собаками. Попросили меня не пускать Шурку с собаками — разгонит всех. Оставил его на привязи у базы. Охотников с собаками отвезли подальше километров на десять. Пошли искать кабаньи следы. Кручусь в кустах с двустволкой. Смотрю, ломая кусты, на меня несется секач с огромными клы-

ками, щетина дыбом, уши торчком, а мимо проносится невесть откуда-то появившийся Шурка и бросается сзади на него. Я с испугу выстрелил дуплетом кабану в голову, и он замертво осел на снег.

Спас мне жизнь тогда Шурка... Сорвался с привязи, почуяв беду. И я в обиду его не дам. Ведь он людям верит, а они его убьют с голодухи».

Глаза Петровича были полузакрыты. Голод и холод отступили.

Так и нашли их двоих спустя несколько дней, уснувших навсегда в счастливых воспоминаниях...

Ольга Грушевская

*Прозаик, общественный деятель
в области культуры и искусства.
Издавалась в России, Израиле, США,
Австралии, Армении.*

*Руководитель творческой мастерской
«Московский салон литераторов»
(МОССАЛИТ), издательского проекта
«Московский Дом», интернет-издания
«Московский BAZAR».*

*Три новеллы из цикла «Метро»***Женщина с короткой стрижкой**

Женщина лет сорока, назовем ее Машей, устало вздохнула и посмотрела на вошедшую в вагон пожилую даму в вязаном берете. Глянув мельком на дисплей, убрала в сумку телефон, уступила даме место, а сама встала ближе к выходу. Хорошее пальто, дорогие туфли и сумка... Взглянула оценивающе на свое отражение с неуместным «Не прислоняться» на уровне носа, привычно поправила яркий шарф, встряхнула короткой стрижкой и внезапно преобразилась: появилась молодость, и какая-то странная угодливая улыбка тронула уголки плотно сжатых губ. Наверное, она представила скорую встречу с тем, кому хочет понравиться.

Такое преобразование происходило с Машей безотчетно, мгновенно и всякий раз придавало ей особую легкость и силу. А случалось это, как только появлялась Танечка — та самая Танечка, которая родилась внезапно. И от той же матери...

— Не хочу, не хочу, не хочу! — скулила девочка лет пяти из недр не по размеру большой цигейковой шубки и вязаной шапки на теплой подкладке. — Не пойду, не пойду, не пойду!

Дорога в детсад зимой — тяжелое испытание: темно, ветрено, неудобно, холодно. Мимо темными силуэтами торопливо скользили прохожие, угрюмые, ко всему привычные. Молодая женщина — совсем еще девочка, — опаздывая на работу, быстро шла по дороге и тащила дочку за руку. Работала молодая женщина учительницей английского языка в средней школе после окончания педагогического института, по распределе-

нию. В школу опаздывать было никак нельзя, но Машка, вечно медлительная, вечно нехотящая-идти-в-детский-сад, опять ее подводила. Муж, подающий надежды молодой ученый, уходил в свою научную лабораторию еще раньше, обе бабушки работали, а на няньку денег не было — Машку оставлять не с кем.

— Прекрати, говорю тебе! Опаздываю! Сегодня пораньше тебя заберу, — на бегу тараторила молодая учительница. — Ах нет, сегодня у меня родительское собрание. Пусть папа тебя заберет.

— Не хочу, не хочу туда! Бабушка говорит: я не детсадовская...

— Да эти бабушки что угодно наговорят! Ты не не детсадовская, ты просто вредная! — мама хмыкнула и дернула Машку за руку.

Нет, Машка не была вредной, но ей так не хотелось идти туда, где царили чужие запахи и чужие дети смотрели отстраненным взглядом, а к концу дня вообще накатывал страх: вдруг родители забыли о ней, а придя домой, даже не заметят ее отсутствия! И, надевая пижаму, папа скажет: «Лен, кажется, Машки нет», а мама ответит: «Ой, Ром, забыли в детском садике», а папа скажет, залезая под одеяло: «Ну ничего, Лен, пора спать, завтра сложный день», а мама, выключая свет и закрывая глаза, скажет: «Да, пора спать, заберем ее завтра», а папа, засыпая: «Или в пятницу».

— Вот есть же где-то нормальные дети, не упрямые, которые слушаются и любят родителей! — предположила красивая мама, ежась в тонком пальтишке и глубже утыкаясь носом в большой вязаный шарф.

— Таких нет! — буркнула Машка и в качестве протеста даже постаралась топнуть ногой, но лишь поскользнулась и чуть не упала, повиснув на тонкой маминой руке.

— А вот и есть, — как ни в чем не бывало возразила мама, возвращая Машку на ноги.

Вообще-то Машке казалось, что она послушная, но у мамы, наверное, было другое мнение. А мама тем временем продолжала:

— Я даже знаю одну такую девочку! Она такая хорошенькая! Улыбчивая! И зовут ее — Танечка! Очень хорошая девочка, послушная, не упрямая, не кричит и очень любит ходить в детский садик. Вот бы мне такую девочку!

Конечно, молодая учительница на ходу фантазировала. У нее в классе были Танечки, но говорила она не про них, а совершенно отвлеченно, да и имя назвала первое попавшееся — лишь бы привести свою Машку в нормальное состояние, образумить и хоть что-то ей втолковать. Но слова про Танечку Машке не понравились.

Вечерами, когда всех детей разбирали родители, Машка оставалась последней. Вернее, не совсем последней, компанию ей составляли воспитательница, усатая Рузанна Гамлетовна, имя которой Машке выговорить не удавалось, и молчаливый мальчик Федя, у которого были неблагополучные родители. Почему у Феде оказались такие родители, Маша не знала, но слышала разговоры взрослых — воспитательниц и нянечек. А у Машки родители были благополучные. «Твои родители очень хорошие, — любила повторять ей Рузанна Гамлетовна. — Ты равняйся на них». Но тот факт, что Машке и тихому Феде приходилось сидеть одним с Рузанной Гамлетовой, уравнивал хороших и неблагополучных родителей. «Твои милые родители слишком рано родили тебя, — объясняла сердобольная воспитательница. — Они еще сами не выросли, им погулять хочется!» Маша смотрела в темное окно, где едва виднелись дома с чужими окнами, и каждый раз думала: «Сегодня меня забудут», и черный ужас охватывал ее при мысли, что теперь до старости ей придется жить в детском саду, где пахнет хлоркой и подгоревшей кашей, а «родителями»

ее станут воспитательница с непроизносимым именем и Федя с неблагополучным родителями.

Маша вырвала руку и замедлила шаг — в огромной шубе, которую из своего жакета ей перешила бабушка, и сползающей на лоб шапке, которую подарила ей на вырост другая бабушка, было жарко и идти неудобно. А мама шла вперед как раз быстро и уверенно — ведь она сильно опаздывала, а на уроке предстояла новая тема: «Present Continuous». Еще не хватало выговора, нервничала молодая учительница, предупреждением на этот раз не отделаешься, а вслух подбадривала: «Не отставай, упрямец!», все ускоряя шаг и не оглядываясь.

Маша смотрела на удаляющуюся мамину спину и думала о том, что, наверное, лучше остаться одной на улице, чем стоять вечерами у черного окна и ждать родителей, и пусть мама куда-то бежит, Машке все равно никогда за ней не поспеть, да и не хочется совсем.

Внезапно молодая женщина остановилась и, обернувшись, игривым голосом выкрикнула:

— Девочка, а девочка!

Машка моргнула, шмыгнула носом и покрутила головой: к кому это мама обращается?

— Девочка в красивой шубке и яркой шапочке!

Машка еще раз моргнула и поняла, что мама обращалась именно к ней.

— А ты случайно не Танечка?

Машка неуклюже поправила рукой в варежке снова сползшую на лоб шапку и вдруг прошептала:

— Танечка... — прошептала, словно примеряла это имя на себя. — Танечка, да... я — Танечка! — громко крикнула она и что есть силы помчалась за мамой.

— Вот ведь по закону подлости — всегда тороплюсь и всегда опаздываю! — повзрослевшая мама быстро складывала документы в красивый портфель из мягкой кожи. Она давно уже работала в солидном министер-

стве референтом по международным связям: готовила планы заседаний, рассылала приглашения, составляла протоколы, сопровождала делегации — уставала, ложилась спать и засыпала мгновенно, зато стремительно двигалась по карьерной лестнице.

Машка выросла — оканчивала школу, остался последний выпускной экзамен — по физике. Физику она не любила и получала свои четверки скорее для папы, чтобы тот не расстраивался и не думал, что она глупая, ведь сам он уже стал серьезным ученым, хоть и самым молодым на предприятии.

Машка с нетерпением ждала, чтобы родители побыстрее отправились на работу, она тогда спокойно собралась бы и пошла на экзамен — по серой гравийной дорожке, которая приятно шуршала под ногами и по которой она все десять лет ходила на занятия. Но Машкиным планам мешала мамина бьющая во все стороны энергия. В таких случаях Машке всегда делалось плохо, она чувствовала себя выжатой, замедлялась, почти засыпала, словно из нее утекала сила, уступая место апатии. Как-то раз Машка обратилась к маме за помощью — раскроить модное летнее платье, и мама взялась за дело так весело и энергично, что Машка, вместо того чтобы включиться в процесс, вдруг тут же на стуле заснула мертвым сном, а потом так и не дошла наряд, потеряв к нему всякий интерес.

Ах, скорей бы родители уехали!

— Одевайся, поедешь с нами, — предложила мама, накидывая легкий плащ, — папа уже в машине ждет, торопится, мы тебя в школу закинем.

— Да нет, я сама, — Машка натужно улыбнулась. — Хочу сосредоточиться на экзамене, а то провалю все к чертям.

— Да ладно, Маш, уверена, что ты все сдашь на «отлично»! Ты ж не бездарь. Я в тебя верю, — рас-

смеялась деловая женщина в английском костюме, и при этих словах у Машки засосало под ложечкой и почему-то усилилась тревога перед предстоящим экзаменом.

А мама тем временем продолжала ее уговаривать:

— Поехали—поехали, мы и так редко видимся, хоть в дороге пообщаемся. Хочешь, папа по дороге тебя по билетам поспрашивает?

Машу это предложение совсем не обрадовало, ей хотелось остаться одной, спрятаться от внешнего мира в молчаливой квартире, где со стены смотрел на нее веселый лохматый человечек с усами и показывал язык, где на кухне привычно капало из крана, и монотонный звук разбивающихся капель приятно успокаивал и придавал сил.

— Меня ждут подружки... — соврала Машка и отвернулась.

— Не хочешь — как хочешь, — мама обиженно покачала головой и, уже закрывая дверь, бросила через плечо: — Не забудь позвонить! Мы с папой беспокоимся!

И каблучки громко застучали по лестнице.

Машка посмотрела на себя в зеркало: девочка как девочка, шестнадцати лет, в школьной форме, с косичками, неулыбчивая, напряженная, неуверенная. Горечь подступила к горлу, перехватило дыхание, укрывавшие ее стены сложились, как картонный домик, звук капающей воды показался невыносимым. Она наспех бросила в рюкзак тетрадь и первую попавшуюся книгу и выбежала из квартиры.

— Елена Ивановна! — закричала она. — Подождите! Она догнала ее тремя этажами ниже.

— Подождите, Елена Ивановна, я с вами!

Мама оглянулась и, не останавливаясь, с облегчением выдохнула:

— Рада видеть тебя, Танечка.

Машка поравнялась с Еленой Ивановной и широко улыбнулась:

— Здравствуйте! А где ж Маша?

— А наша Маша осталась дома, — объяснила Елена Ивановна и внимательно посмотрела на дочь. Она давно привыкла к их странной игре, которую сама когда-то выдумала, но теперь уже с тревогой глянула на Машку: «Уж не заигрались ли мы? — думала. — Она ведь уже выросла...»

— Можно я поеду с вами? — весело спросила девушка. — Ведь школа по дороге. Поговорим, пообщаемся, а то мы с вами, Елена Ивановна, так редко видимся!

Залезая в машину, Машка поприветствовала папу:

— Здравствуйте, Роман Константинович!

Тот кашлянул, затянулся сигаретой и задумчиво спросил:

— Кто ты, девочка?

— Вы что ж, меня не узнали? Я же Танечка!

Папа повернулся и постарался пошутить:

— Понятно. А что ж ты, Танечка, так на мою Машку похожа?

— Нет, — покачала головой Танечка, — это ваша Маша хочет на меня походить, да не получается. Вы лучше поспрашивайте меня перед экзаменом. Я ж на красный диплом иду.

Время шло, и Танечка не исчезала, она всегда была рядом — верной Машкиной напарницей. Перелопатив кучу книг по психологии, Машка пришла к выводу, что не страдает раздвоением личности и ситуацию контролирует. Именно благодаря Танечке у Машки появилась в жизни куча друзей и приятелей, повсюду слыла она веселой и открытой девушкой; именно Танечка помогла ей найти прекрасную работу, выйти замуж и стать любимой невесткой. Именно Танечка потащила

ее к стилисту, где унылый пучок волос превратился в модную короткую стрижку. Когда Танечка общалась с людьми, лицо ее принимало выражение лиц этих людей. Она была подобна зеркалу, копирующему собеседника, и всегда говорила то, что люди хотели услышать. Путешествуя, повсюду чувствовала себя комфортно: в Венгрии все принимали ее за венгерку, в Португалии – за португалку, как губка впитывала она окружение. Вот такая психологическая мимикрия. Но потом выплывала интровертная сущность и все портила, вмешиваясь в спокойное и успешное течение налаженной Танечкиной жизни. Машка рушила связи, конфликтовала с руководителями, даже зачем-то развелась с мужем, выбравшим Танечкой. «Не могу притворяться, устала!» — кричала Машка в отчаянии ему, а свекрови: «Вы меня не знаете!»

Машка, по сути, не знала, кого в ней было больше: всеобщей любимицы Танечки или ее самой, нелюдиной и замкнутой. Но с возрастом начало казаться, что Маша все чаще стала присутствовать и подавлять Танечку, а та порой и не сопротивлялась — она ж была гибкая и уступчивая.

И вот теперь Машка ехала встречаться с незнакомым мужчиной. Целый месяц она переписывалась с неким Павлом. В графе «О себе» у него значилось: «Скульптор, рост 178, вес 80, без вредных привычек, стабильный доход, квартира. Ищет женщину с серьезными намерениями». Машка в эти данные, конечно, не верила, да и вообще презирала всякие преднамеренные знакомства и связи. Но Танечка думала иначе: зарегистрировалась на сайте знакомств и вела переписку, а теперь еще решила встретиться — сама назначила свидание! Машка ни за что бы не поехала. «Сейчас приедет неудачник с комплексами!» — вздохнула она, поправляя волосы, а Танечка возразила ей: «Он же скульптор! Он успешный,

я науглила», Машка буркнула: «Значит, хочет пристроиться», а Танечка свое: «У него квартира есть», а тогда Машка заметила: «Как идиотка выгляжу», а Танечка сказала: «Не выглядишь», а Машка опять: «Дурацкая ситуация», а Таня ей: «Без паники!», а Машка: «Сама будешь выкручиваться», а Танечка хихикнула: «Естественно!»

Вот так думала женщина с короткой стрижкой, пока стояла и рассматривала свое отражение в двери вагона.

«Станция "Сокол", — громко объявил голос диктора. — О подозрительных предметах сообщайте машинисту».

Скульптор, Захар и Роден

Скульптор Павел Иннокентьевич ехал на свидание. Ехал не один, а с внуком Захаром.

Он очень хотел познакомиться с милой и доброй женщиной. О себе на сайте знакомств, который ему подсказал участливый приятель, он указал: «Вдовец, без вредных привычек, со стабильным доходом, квартирой, ростом сто семьдесят восемь (тут он сантиметров восемь себе прибавил), весом восемьдесят килограммов (а тут килограммов восемь поубавил) ищет женщину с серьезными намерениями». И вот тут возникала неясность: то ли он сам был с намерениями, то ли с намерениями должна была быть женщина.

Нужна ли была на самом деле Павлу Иннокентьевичу такая женщина, он точно не знал, зато формулировка прибавляла солидности и значимости и сразу отсекала разных легкомысленных и скучающих дамочек. Не то чтобы это история была про стакан воды, но все же после смерти жены прошло уже пять лет и Павел Иннокентьевич как-то поймал себя на мысли, что хотелось бы иметь рядом кого-то теплого, надежного, чтобы

вечерами было с кем поболтать, обсудить новости, выйти в театр, попутешествовать, да и просто поддержать за руку. Правда, как у всех людей творческих, а не только скульпторов и художников, у Павла Иннокентьевича недостатка в знакомых женщинах не было — молодых и среднего возраста, но почти все они давно его знали и вечно чего-то хотели: «Павлуша, над чем ты сейчас работаешь?», «Павлик, может, к тебе приехать?», «Не сможешь ли дочке с поступлением в Строгановку?». Или вот вдова соседа, Сергея Ивановича, Маргарита Тихоновна, женщина видная, но уж очень энергичная и капризная, после несчастного случая с мужем, наизнанку его вывернула — все требовала необычный эскиз для надгробного памятника.

Короче, все и всегда возлагали нешуточные надежды на его имя, талант и финансы. Ему это, конечно, льстило, но все же, где-то глубоко в сознании, жило ожидание кого-то особенного, кого-то, кто видел бы в нем не известного скульптора и публичную личность, не светского льва, которым он предстал на выставках, а обычного человека с плюсами и минусами — домашнего, усталого, а порой сварливого и неуверенного. Он частенько ходил на свидания в надежде встретить достойную женщину, сам он был в прекрасной физической форме, не бедствовал, поэтому имел все основания жить в полную силу и радоваться каждому яркому проявлению жизни. Но дальше первого свидания дело как-то не шло — то ли от собственного смущения, то ли от женского, а может, преградой тому были дети и внуки, или багаж жизненного опыта, или обычный страх чего-то нового.

А дети у Павла Иннокентьевича были взрослые, и были дети детей — внуки Захар и Настенька. Маленькую Настеньку ему, конечно же, не доверяли, а вот с шестилетним Захаром он часто виделся, не то что с его

родителями — сыном и невесткой, вечно спешащими по своим делам. Странно, думал скульптор, а вот мы с женой так не спешили, наверное, время текло иначе, но потом вспоминал, как жена его упрекала: «Вечно ты в своей мастерской работаешь, а я вечно одна с детьми мыкаюсь, они вырастут — ты их и не узнаешь!» И теперь, словно пытаясь восполнить ушедшее время, вспоминая застрявшие в памяти упреки жены, он старался чаще видаться с внуком. У себя в мастерской лепил с ним ласточек и осликов, на теплоходе катал по Москве-реке, водил в театр на «Черную курицу» и «Лебединое озеро», рассказывал о роденовской «Вечной весне» в музее Пушкина, да и вообще любил с Захаром болтать на всякие темы, удивляясь детскому ясному мышлению.

Любовь, которую Павел Иннокентьевич испытывал к внуку, отличалась от любви к сыну и дочери. Не зря говорят, что любовь к внукам сильнее, чем к детям. Эта любовь была зрелая, очищенная от родительских забот и тревог, не спешащая, ничего в ответ не требующая и не компенсирующая, не упрекающая и не стыдящая, она была наполнена нежностью и трепетностью.

Однако любовь к внуку не мешала Павлу Иннокентьевичу думать с самыми серьезными намерениями и о своей возможной спутнице.

В этот раз на свидание с заочной подругой Машенькой, с которой он уже давно по Ватсапу переписывался, пришлось взять и Захара. «Что ж, — решил Павел Иннокентьевич, — пусть Маша видит, что я не без роду и племени, пусть привыкает к семье». Но это он сам себе уже потом объяснил, а когда сын Илья появился в дверях: «Пап, пусть Захар у тебя пару дней проведет, мы на дачу, к друзьям, выходные!», Павел Иннокентьевич как раз галстук завязывал, и даже не успел возразить, как Ильи и след простыл.

— Что ж, Захар, — развел руками потенциальный жених — скульптор Павел Иннокентьевич, — придется вместе ехать на свидание.

Захар сидел в метро рядом с Павлом Иннокентьевичем и болтал ногой, на голове у него была клетчатая кепочка наподобие той, что была на голове у деда, только маленькая. Павел Иннокентьевич был в темно-синем дорогом пальто, а Захар в красной спортивной курточке.

Несмотря на шум метро, дед и внук вели мужской разговор. Захар всегда с охотой болтал с дедом, а вот с родителями говорить было не о чем, ничего толком они не рассказывали, а если и говорили, то о своей работе; вечно спешили, что-то писали в телефонах и кому-то звонили. Поэтому дома Захар все больше сидел за компьютерными играми. Маме это не нравилось, она сердилась и приводила себя в пример, а папа, наверное, не сердился бы, если бы не сердилась мама.

— Ты, Захар, на свидании веди себя как джентльмен, — наставлял его Павел Иннокентьевич. — Не убегай, не прыгай под ногами, глупости не спрашивай, даму вперед пропускай. Вдруг эта Машенька станет твоей второй бабушкой.

— А первая, Люся, которая умерла, разрешает тебе ходить на свидания?

Сидевшая со стороны мальчика пожилая дама в вязаном берете с удивлением повернула голову и внимательно посмотрела сначала на мальчика, а потом и на Павла Иннокентьевича.

— Я не спрашивал, — честно ответил Павел Иннокентьевич, не заметив внимания соседки. Он давно и мучительно думал, что сказала бы покойная жена о его свиданиях, но ответа у него не было. А жизнь диктовала свое, и ему очень хотелось бы, чтобы она его поняла и одобрила.

— Когда я закончу садик, тоже буду искать жену, — деловито сообщил Захар. — Также буду, как ты, ездить на свидания.

— Это как так? — спросил Павел Иннокентьевич с очень серьезным видом.

— А просто! Свидание — это когда фонари горят, туман и большая лестница, и целоваться так сильно, как целуются те, что у твоего скульптора.

— Ах ты про Родена говоришь? Про музей рассказываешь? — улыбнулся Павел Иннокентьевич, радуясь, что внук не забыл их поход в Пушкинский.

— Можно в музей пойти, а можно в парк или даже на балкон.

— Зачем же на балконе? — удивился Павел Иннокентьевич.

— На балконе тоже красиво, — сказал Захар со знанием дела. — Выйдешь, а вокруг небо со звездами, огоньки внизу, и очень тихо. Только мама может крикнуть «Иди спать!» и испортить свидание.

— Да, Захар, я смотрю, для тебя свидание — романтика. Что ж, это правильно.

— Да, я знаю, я любил уже.

— Любил? — опять удивился Павел Иннокентьевич.

— Да, три раза, — серьезно заметил шестилетний внук. — Любил, но давно. А потом бросил любить.

Дама в берете вновь повернулась к мальчику, но на этот раз в разговор все же вмешалась:

— Вы, конечно, меня извините, но вот вы пожилой человек, а с ребенком на такие темы разговариваете. Он же маленький!

Павел Иннокентьевич сделал знак Захару, чтобы тот не обращал внимания, мало ли кто что думает, и продолжил:

— Кого ж ты любил первый раз?

— Первый раз я любил медведя. Его мне подарила бабушка.

— Медведя я помню, мы его, кстати, с бабушкой покупали вместе, — невзначай заметил Павел Иннокентьевич, — ну а второй раз ты кого любил?

— А второй — на даче, кролика. Но когда уезжали в город, мама не разрешила мне его взять с собой, потому он исчез. Обиделся. Это любовь несчастная.

Женщина опять повернула голову и сердобольно заметила:

— Да купите мальчику другого кролика! Или котика, или птичку, или рыбок с собачками!

— Да все у него есть, сударыня! — отмахнулся от нее Павел Иннокентьевич.

— У меня все есть, — многозначительно подтвердил Захар. — Давай, дед, дальше спрашивай.

И Павел Иннокентьевич продолжил:

— А может, в садике ты был влюблен в какую-то девочку?

— Да, в Свету. Это третья любовь уже, — Захар многозначительно поднял палец.

— Что-то я не помню этого.

— Дед, это ж было коротко. Света была выше и больше меня.

— А ты разве маленький?

— Ну, не маленький, но со Светой сложно сравнить, — вздохнул Захар. — Мне пришлось ее любить больше, чем ей — меня, ведь большим людям нужно больше любви. Вот бабушка Люся была толще тебя, поэтому ей нужно было больше любви, чем тебе, — заключил мальчик.

— Да? — задумался Павел Иннокентьевич. — Наверное, ты прав.

— А знаешь, — сказал Захар. — В институте папа попросил маму помочь ему с занятиями. Мама согласилась, а потом поняла, что папа был гораздо умнее, чем прикидывался.

— Да уж, папа твой смекалистый, я и не знал, что они так познакомились, — покачал головой Павел Иннокентьевич, вспоминая сына Илью. — Да, дружок, любовь требует внимания.

— Да... — на этот раз задумался мальчик. — Надо ходить за руку, смотреть на девочку, еще целовать ее, как у твоего Родена, а еще надо терпеть ее. Вот у нас в садике есть одна девочка, она влюбилась в меня и все время думает о любви.

— Откуда ж ты знаешь, что она влюбилась в тебя? — удивился Павел Иннокентьевич.

— Знаю, дед. Она мне в садике вчера так вмазала!

— Безобразие! Куда ж смотрела воспитательница? — возмутился Павел Иннокентьевич.

— По телефону разговаривала, — пожал плечами Захар и продемонстрировал шишку на лбу.

— Так это и есть Света, что тебе вмазала?

— Да нет же, ты все путаешь, это уже другая девочка, она еще больше Светы. Я уже не могу видеть ее! Думаю, когда же ее любовь закончится. И вчера я ей не вмазал в ответ.

— Почему ж?

— Она же, дед, девочка! А ты, дед, бабушке сдачи давал?

При этих словах соседка в берете снова повернула голову и уже готова была опять вмешаться, но Павел Иннокентьевич ее опередил и, развернувшись к ней, громко сказал:

— Бабушка Люся, Захар, никогда не дралась, она была святая женщина!

Соседка, удовлетворившись ответом, поджала губы и отвернулась.

А Павел Иннокентьевич, обращаясь к внуку, продолжил:

— Да, дружок, любовь это большое терпение, выдержка. Это труд!

— Надо много работать, деньги потребуются, — серьезно заметил Захар.

— А они для чего?

— Надо покупать на свадьбу кольцо, например.

— Ах ты про свадьбу, это да, теперь это дорого, но можно и скромную свадьбу устроить, это ж не главное.

Тут соседка ехидно вставила:

— Что-то не походи вы, гражданин, на бедного! У вас что ж, денег на свадьбу для внука нет?

— Да все у меня есть, сударыня! — гаркнул Павел Иннокентьевич.

— Нет, женщины любят все шикарное, — тем временем уверенно говорил Захар. — Ты что ж, дед, не знаешь, что женщинам всегда деньги нужны? Мама часто говорит папе: «А деньги где?» И вот тетеньки, которые в магазине работают, тоже очень любят деньги — просто так ничего не дают.

— Ну, все женщины разные, — философски заметил Павел Иннокентьевич и почему-то вспомнил одну милую молодую знакомую, с которой как-то переписывался и созванивался и, назвав ее для комплимента «особенной женщиной, которой ни в чем нельзя отказать», потом встревожился: «И зачем я это сказал? Вдруг теперь она попросит невозможного!». И Павел Иннокентьевич не на шутку испугался, что милая женщина захочет что-то особенное, не материальное, требующее напряженной работы души, а он не справится. Он поскорее прекратил отношения, чтобы милая девушка ничего не придумала. А вслух Павел Иннокентьевич сказал:

— Надеюсь, что Маша другая и просить ничего не будет.

— Я тоже надеюсь, дед, но все равно, когда она будет с тобой жить, тебе, дед, придется тратиться.

— Ну... это не самое страшное, — сообщил Павел Иннокентьевич, который привык жить на широкую

ногу. — Ты прав, мужчина должен семью обеспечивать.

— Да, я когда вырасту и полюблю, то буду обеспечивать, — серьезно заверил Захар.

— Правильно. Но это когда ты вырастешь.

— Ну да, вот восемь будет, тогда начну обеспечивать.

— Ради любви, дружок, пойти можно на многое. Вот ты на что готов пойти?

Захар помолчал, подумал, а потом сказал:

— Я готов пойти за Россию.

— За Россию? — удивился Павел Иннокентьевич. — А куда?

— Еще не знаю, — покачал головой Захар и добавил: — Никто не знает.

«Станция “Тверская”. Переход на станции “Пушкинская” и “Чеховская”».

Павел Иннокентьевич поднялся и взял внука за руку.

— Ну-ка, давай, дружок, вставай, выходим мы. Пойдем встречаться с Машенькой.

— Ну надо же, — громко вздохнула им вслед дама в берете. — На такие темы разговаривают! Нет никакого стыда у этого гражданина!

— Да все у него есть, тетенька! — кинул ей через плечо мальчик, и дед с внуком поспешили выйти из вагона.

Из соседней двери этого же вагона вышла и молодая женщина с короткой стрижкой.

Сон студентки, у которой ушел кот

На крайнем сидении мирно спала девушка — первокурсница Даша, наверное, ехала на занятия. В ушах — наушники, на коленях — рюкзачок с висящими фенечками; джинсы, футболка, курточка Uniqlo, на ногах — New Balance.

За правым ухом у молодой студентки пряталось тату. Тату за ухом — удачное место, здесь нанести краску удастся без боли, вдобавок скрыть татуировку просто — достаточно распустить волосы. Говорят, тату за правым ухом приносит в жизнь умиротворение и гармонию. Но девушка про это мало что знает, да и тату сделала с подружкой — за компанию. Та, правда, к вопросу подошла более основательно — набила между лопаток цветную ветку сакуры. Татушка сакуры получилась серьезная, такая же, как и реакция ее родителей, которая за этим последовала.

Про Дашкину тату никто не знал, только подружка со строгими родителями.

За ухом у Дашки живет кот. Графисту пришлось повозиться. «Может, давай бабочку?» — предложил он, но Дашке не нужна была бабочка. Год назад у нее пропал Локки. «И не вернулся», — объяснила она тату-мастеру, тот сразу все понял.

— Заблудился? — уточняли друзья.

— Ну что, не вернулся? — в сетях френды спрашивали.

— Погиб под машиной, — утверждали соседи по даче.

Но папа успокаивал:

— Украли!

А мама надеялась:

— Придет обязательно!

И Даша верила, что ее серый уличный Локки вернется и все будет как прежде.

Но тот не приходил, и как прежде уже не было. И через год надежда растаяла.

Тогда-то Дашка и отправилась с подружкой к тату-мастеру. Ей хотелось, чтобы ее кот вечно жил в ней, как эмбрион, который никак не родится; как отпечаток, слепок, как знак — она хотела быть меченой. Подруга

пожала плечами и хмыкнула: «А если вернется?», но Дашка решила, что с Локки за ухом ей будет значительно легче — не придется каждый раз умирать при виде пустого кресла.

Когда-то, нагулявшись за ночь, ее Локки сладко отсыпался в этом кресле. Иногда во сне он, словно собака, дергал лапами, будто бежал, и даже издавал грозные кошачьи звуки. «Кого то он догоняет!» — думала Даша и ласково гладила спящего любимца по шерсти. Но однажды подумала: а вдруг его кто-то преследует и он убегает от опасности? И тогда она будила его и допытывалась: «Мне кажется, я спасла тебя от чего-то страшного», словно кот мог ответить ей человеческим голосом. Но кот смотрел на нее совиными глазами и молчал. «Спасла? — спрашивали кошачьи глаза. — Может, да, а может, и нет».

Даша спала в метро, и не важно, куда и откуда она ехала. Важно то, что ей снился кот.

В ее сне Локки пришел в Москву, в ее крохотную квартирку на окраине города. Он стоял на пороге — неожиданный и такой нелепый в городской квартире. Выглядел он так, словно был не в силах распорядиться собой, будто бы вынужден был вернуться — не по своей воле, а кто-то ему велел, заставил вот так стоять и смотреть на милую Дашку.

— Ты откуда? — спросила растерянно Даша и пошире открыла дверь.

— От новых хозяев, — вздохнул кот и вошел, осматриваясь. — Твой папа был прав.

Локки изучающее прошелся по двадцати трем квадратным метрам, с кухней в нише, и, вспрыгнув на подоконник, выглянул в окно:

— Третий этаж. Невысоко. Маленькая у тебя жилплощадь, смотрю.

Даша пожала плечами: а что ж вы хотели? Студия, новостройка, квартира съемная.

— Зато я сама по себе, — гордо уточнила Даша.

— С трудом нашел тебя в городе, — не обращая внимания на ее замечание, продолжал Локки, устраиваясь в новом икеевском кресле. — Ты редко бываешь на даче.

— Да, редко. Учусь. Дела, — Дашка присела рядом с котом, стараясь его разглядеть: что-то в нем неуловимо изменилось, но она не могла понять, что именно. — А как ты меня нашел?

— Так тебе и расскажи, — отмахнулся Локки. — Что-нибудь про возвращение блудных кошек слышала?

— Это сказки, а ты, наверное, мое воображение, — пошутила девушка и тут же пожалела об этом, подумав, что неудачной шуткой обидела своего гостя. Но тот не обиделся, а спросил:

— А пожрать есть?

Дашка спохватилась, ринулась к холодильнику. Кошачьей еды не было, но была человеческая: колбаса и сыр. Локки это устроило, и, пока он ел, Дарья продолжала расспрашивать:

— Так и что новые хозяева? Заботливые?

— Не люблю их, — отвечал кот, запихивая лапой в рот колбасу.

— Что так?

— Сама знаешь, я ж дворový. Мне б на дачу, там куры — друзья мои.

— А хозяева?

— Городские, — говорил Локки с набитым ртом. — Жить в городе заставляют. Чешут насильно щеткой. Срать надо в лоток. Жрать из миски. В общем, одни издевательства.

— Да, — посочувствовала Дашка. — Тяжело тебе.

— А ты как?

А как Дарья? Что она могла рассказать коту? Это раньше она с ним многим делилась, а теперь вопрос застал ее врасплох. Конечно, можно было рассказать,

как она поступила в финасовый, или как однокурсник Мишка таскает ее по театрам и в зал Чайковского, или как подруга сделала сакуру и что потом ей сказали родители. Но все было не то, поэтому она откинула волосы и повернулась к коту правым ухом:

— Вот. После тебя сделала. Чтобы ты всегда был со мной.

Кот чуть подался вперед, вытянул лапу, аккуратно погладил у Дашки за ухом — по своему маленькому изображению, хмыкнул и сказал:

— Да... здорово... — а потом повернулся к Дашке своим левым ухом. — Но у меня лучше, видишь?

Около уха Локки, на зальсинке, была набита маленькая девочка.

— Это я? — ахнула Дашка.

— А, — кот махнул лапой, — это так, не обращай внимания, — прыгнул на пол и направился к двери. — Ну, я пошел.

— Уходишь? — Дашкино сердце сжалось.

— Пора, — бросил Локки и добавил: — Зря на даче мое кресло выбросила, — а потом голосом диктора проговорил: — Станция «Аэропорт».

Первокурсница встрепенулась, открыла глаза и, вскочив, стала быстро продираться к выходу, расталкивая встречную толпу: «Простите, простите, я выхожу», на лекцию опаздывала.

«Осторожно, двери закрываются! Следующая станция "Динамо", переход на станцию "Петровский парк" Большой кольцевой линии».

Татьяна Попова

Профессиональный экономист, кандидат экономических наук. Пишет прозу (рассказы, сказки, повести) для детей и взрослых.

Книги издавались с 1992 года в издательствах «Просвещение», «Педагогика–Пресс», «МИФ», «Настя и Никита» и др. С 2016 года неоднократно была финалистом, призером и победителем многих литературных конкурсов, по итогам которых рассказы и сказки изданы в альманахах и сборниках, были озвучены и прозвучали на Радио России–Чита, радиостанции «Гомель–плюс», сказки доступны в приложении к смартфонам Sleepkin!

Помимо литературы увлекается путешествиями, росписью по стеклу, интеллектуальными играми, ездой на велосипеде. Азартный сборщик всего, что растет, особенно грибов. Мама взрослой дочери и бабушка маленькой внучки.

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Публикуемый рассказ «Новая версия» занял 1-е место в номинации «Проза» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Майский рассвет

— Лиза, Беата приехала!

Мама заглянула в комнату. Лиза притворилась спящей. Не дождавшись ответа, мама закрыла дверь и, немного помедлив, вышла на террасу. Через открытое окно Лиза слышала веселый голос Беаты, тихий ответ мамы. Мама расскажет? Но вспышка интереса тут же погасла, накрытая душным одеялом безысходности и безразличия. Какая разница, кто что скажет. Позавчера, безропотно откликнувшись на мамину просьбу помочь с обедом, Лиза порезала руку. Кровь залила разделочную доску, мама вскрикнула и кинулась за перекисью, а Лиза даже боли не почувствовала.

Боль... В книгах или в кино в таких случаях актеры страдальчески играют лицами, в сердце героев романов «словно вонзается нож», «ноет душа», «не хватает воздуха». Лиза ничего подобного не чувствовала. Просто мир вокруг стал тусклым до незаметности.

Когда-то в детстве Лизе подарили калейдоскоп. Увидев толстую трубу, разрисованную яркими узорами, она обрадовалась. И тут же начала придумывать, как с этой штуковиной можно играть. Поставить ее в центре соборного из конструктора города? Получится башня, где живет колдун. Но брат прервал Лизины размышления.

— Это калейдоскоп, — объяснил он, — смотри сюда и поворачивай вот тут.

И Лиза увидела чудо. В трубе переливался, жил целый мир, постоянно меняющийся, неуловимо прекрасный. Весь вечер она движением руки создавала и разрушала разноцветные вселенные. А утром взяла калейдоскоп в детский сад. Девочки по очереди смотрели в трубу, пока к ним не подбежал главный хулиган средней группы Васька.

— Тоже мне, нашли чему радоваться! Там просто куча стекляшек, вот и все чудеса.

— Не ври! — кинулась защищать волшебство Лиза. — Иди отсюда!

Разозленный Васька выхватил калейдоскоп и с размаху бросил его на пол. Оболочка трубы треснула, мелкие разноцветные стеклышки брызнули во все стороны. Чудо кончилось.

При чем тут калейдоскоп? Ах да, цвета. Вот откуда воспоминание о калейдоскопе.

Три месяца назад мир вдруг стал необычайно ярким. Словно кто-то усилил, довел до совершенства силы и чистоты каждый цвет, каждый оттенок. Своим открытием Лиза могла поделиться только с Глебом. Он смеялся, целовал Лизу, называл маленькой фантазеркой. Лиза закрывала глаза, но по-новому яркий мир не исчезал, а закручивался цветным клубком и превращался в лицо Глеба, которое она видела даже с закрытыми глазами.

Смешно, но при первой встрече это лицо показалось ей ничем не примечательным.

— Спецкурс у нас будет совместитель вести, — сообщила всезнайка–Ленка, — в банке работает. Диссертацию пишет, докторскую, хоть и молодой. Говорят, жуткий бабник. У него даже прозвище есть — «коллекционер». Типа девушек коллекционирует.

Восемнадцатилетней Лизе тридцатилетние молодыми не казались. И какая разница, бабник новый преподаватель или нет. Больше всего Лизу волновало, не будет ли «крутой» преподаватель слишком придиричивым на экзамене.

Когда Глеб быстрой походкой вошел в аудиторию и, бросив для разогрева какую-то шутку, начал лекцию, сердце Лизы не ёкало и не билось тревожно в груди. Но новый преподаватель покорила ее ум, так интересно и просто, с юмором он рассказывал о достаточно сложных и на первый взгляд скучных вещах. Спецкурс стал Лизиним любимым предметом. И немножко грустно дума-

лось о том, что в новом семестре уже не будет споров с Глебом Алексеевичем, и азартных деловых игр, и книг, на которые он дает «наводки».

Сессии Лиза боялась зря. На последнем занятии, огласив результаты рейтинга, Глеб Алексеевич назвал ее фамилию первой в списке «автоматчиков». Так что экзамен свелся к простановке заслуженной оценки «отлично» в ведомости и зачетке.

— Ну что, Лиза, вы прочитали «Невидимое сердце»? — спросил он, возвращая зачетку.

— Нет, Глеб Алексеевич, я так и не нашла книгу.

— Что ж вы не сказали мне об этом раньше? Я с удовольствием дам вам прочитать бумажный вариант, — улыбнулся Глеб.

Экзамен по спецкурсу был последним в сессии. Лиза первые студенческие каникулы проводила дома: бабушка сломала плечо, маме очень нужна была помощь. Она немного завидовала подругам, которые делились планами: Таиланд, Хельсинки — Стокгольм, загородная база отдыха. Но зависть вдруг улетучилась, когда Глеб Алексеевич сказал, что передаст ей книгу в кафе на Невском.

В кафе они просидели часа два. А потом гуляли, не замечая метели, по Питеру. У Лизы от холода начал дрожать голос, и Глеб укутал ее своим шарфом, который пах горьковато-терпко и колод щеки.

Они встречались каждый день. С утра, когда родители уходили на работу, Лиза собирала приготовленные мамой сумки и ехала в больницу. Кормила бабушку, развлекала, помогала санитарке убрать палату и перестелить постель. И, стыдясь, подсчитывала минуты, остающиеся до момента, когда можно будет, подхватив опустевшие сумки, сбежать вниз по пропахшей лекарствами и дезинфекцией лестнице и выбежать в сумерки, где за оградой больничного парка в машине ее ждал Глеб.

В последний день каникул Глеб впервые пригласил ее к себе. Старый питерский дом с двором–колодцем, так не похожий на ее заурядную многоэтажку в пяти автобусных остановках от Парка Победы. Неожиданно современный интерьер. Вот и все, что она успела рассмотреть. А потом мир стал необычайно ярким.

— Я не хочу, чтобы о нас кто-то узнал, — сказал Глеб.

Лиза молча кивнула. Кому она могла рассказать? Подругам? Чтобы они, ничего не понимая в том, что происходит между нею и Глебом, злорадно шептались, что «неприступная» Лиза попала в «коллекцию»? Маме? Отцу? Брату?

В детстве Лиза думала, что у нее — самая обычная семья. Такая, какой и должна быть. Но, подрастая и наблюдая за жизнью подруг и одноклассников, она поняла, что настоящие семьи, как у нее — скорее исключение, чем правило. И чем больше и чаще она узнавала об изменах, денежно–квартирных разборках и склоках между самыми близкими по крови людьми, тем больше ценила любовь, которая жила в их доме.

Когда-то Лиза представляла, как признается в первой, настоящей и единственной любви маме, как с ее молчаливого разрешения мама расскажет отцу, как старший брат неизбежно пошутит над влюбленностью «пончика» Лизы. Но сейчас даже мысль о возможности рассказать родным о Глебе казалась глупой и опасной. Почему? Лиза не знала, но чувствовала, что размышления об этом могут все испортить, уменьшив внезапную яркость мира.

Расхожее выражение про живущую три года любовь в Лизином случае оказалось невысказанным преувеличением. Трех месяцев не продлилось волшебство. Тогда, в детстве, Лиза упрекала себя. Зачем принесла калейдоскоп в садик? Зачем разозлила Ваську? Теперь упрекать некого и не в чем. И от этого еще хуже. Не остается «а если». Случившееся обжалованию не подлежит.

Апрель выдался не по-весеннему суровым. С трудом преодолев сопротивление ветра, Лиза открыла дверь «их» кафе и с радостью увидела, что Глеб уже ждет за столиком у большого, во всю стену, окна.

— Привет! — она улыбнулась, но ответной улыбки не дождалась.

Глеб страдал перепадами настроения, иногда в «плохие» дни мог едко подшучивать над Лизой, высмеивать ее одежду или прическу. Лиза не обижалась: Глеб много работал, уставал. Она, не реагируя на колкости, забрасывала любимого утрированно-веселыми рассказами о том, что случилось за время, прошедшее с их прошлой встречи. Потом они ехали к Глебу домой, и он вновь становился страстным и нежным, а Лиза думала, что только она может вот так ловко возвращать любимому радость жизни.

— Нам надо поговорить, — сказал Глеб, придвигая к Лизе тарелку с суши.

Глеб умел доступно объяснять самые трудные для понимания вещи. Четко, логично, с юмором. Именно так он объяснил Лизе, что все кончилось. Он очень благодарен за те дни, которые она была с ним. И надеется, что Лиза тоже будет вспоминать об их встречах по-доброму. Но все хорошее, как известно, когда-нибудь кончается.

— Ты встретил другую? — Лиза с ненавистью услышала свой дрожащий, необычно высокий голос и жалко-банальные слова.

— Лиза, о чем ты? Какую другую? Другую женщину? Где встретил? Наша история закончилась, и все. Мы с самого начала обо всем с тобой договорились. Мы оба взрослые, современные и свободные люди. Никаких обязательств.

Глеб говорил «преподавательским», уверенным весомым тоном, и Лиза, как прилежная студентка, мысленно с ним соглашалась. Да-да, был разговор и о свободе,

и об отсутствии обязательств. И она не спорила тогда. К чему спорить, если все это не имело никакого отношения к их любви.

— Ты меня больше не любишь? — она презирала себя, понимая, что выглядит полной идиоткой, но слова вырывались из пересохших губ помимо ее воли.

Наверное, она спросила слишком громко, потому что Глеб, страдальчески поморщившись, оглянулся на соседний столик:

— Лиза, не порть того, что было между нами.

И только теперь она поняла, что за три месяца он ни разу не произнес слова «люблю». И мир потускнел. Нет, он не просто вернулся в первоначальное состояние, он стал безнадежно серым.

В их семье не принято было «лезть в душу». Почти три месяца Лиза чувствовала, что родители, особенно мама, ждут, когда она заговорит. Но и тогда, и теперь, когда все кончилось, Лиза молчала.

Через несколько дней уходящий апрель подарил Питеру долгожданное тепло и первую весеннюю грозу. Лиза стояла у открытого окна и смотрела, как подхваченный ветром пакет уродливой бабочкой вьется над дорожкой.

— Лиза! — мама обняла ее за плечи и заговорила. О том, что «не надо так», и что «все еще будет».

Слова казались мелкими, ненужными и недостойными чуткой и мудрой мамы. Лиза не отвечала. Слова закончились. Мама ушла.

Раньше Лиза с нетерпением ждала майских праздников. Обычно они всей семьей отправлялись в путешествие, но в этом году мама не хотела оставлять без присмотра бабушку. Брат с женой и детьми собрались в круиз по Ладоге и Онеге, звали и Лизу, но она наотрез отказалась и предпочла поехать с родителями на дачу,

где можно укрыться в своей комнате от сочувствующих или непонимающих взглядов.

— Лиза, гостей принимаешь?

В комнату вошла Беата. Вот уж с кем сейчас Лизе меньше всего хотелось общаться, так это с маминой лучшей подругой. Лизу всегда удивляло, как такие разные люди, как мама и Беата, могли дружить всю жизнь. Спокойная, надежная, суперответственная рассудительная мама и взбалмошная, непредсказуемая, яркая и опасная, как огонь, Беата.

— Эй, Лиза, хватит валяться! Давай на великах прокатимся!

Почему-то невинное, в общем-то, предложение взбесило Лизу. Она вскочила с кровати и накинулась на непрошенную гостью:

— Зачем ты пришла? Тебя мама подослала, да? Удачный выбор, ничего не скажешь! Ты мне сейчас тоже будешь заливать про то, что он меня не стоит, что я еще дождусь своего суженого? Суженого! Ты-то своего суженого в расширенном варианте получила, да?

Беата, сменившая на жизненном пути трех мужей и немислимое количество поклонников, совершенно опешила. На помощь подруге поспешила вбежавшая в комнату мама:

— Лиза, как тебе не стыдно! Как ты можешь...

— Могу! Вы обе лезете в мою жизнь, которую не можете понять. Тебе повезло, у тебя папа! Один и навсегда! А Беата... Она сама — коллекционерка! Она сама уходила! Даже крестного бросила...

Вспомнив о крестном, Лиза с удивлением поняла, что с ним, и только с ним хотела бы сейчас быть рядом. Нет, исповедоваться она бы не стала. Просто слушала бы, как крестный рассказывает о последней поездке в горы или о трудном больном, смотрела бы на некрасивое, но такое сильное и доброе лицо. И, может быть, одиночество,

обрушившееся на нее за столиком в кафе на Невском хотя бы ненадолго спря-талось, как нашкодивший пес.

— Крестный? При чем тут Сергей? — вполне достоверно изобразила удивление Беата.

— При том! Он тебя всю жизнь любит, из-за тебя не женился, из-за тебя уехал в Москву.

— С чего ты это взяла? — вполне искренне поинтересовалась Беата.

— Бабушка сказала, — Лизин голос теперь звучал не так уже уверенно.

— Бред какой... — начала было Беата, но, взглянув на подругу, осеклась. Мама села на Лизину кровать и, секунду помолчав, сказала:

— Не Беата виновата в том, что Сергей один. Не Беата.

— Ты... — Беата словно подыскивала слова, — ты — знала?

— Конечно.

— Давно?

Мама не ответила. Лиза не любила, когда говорят загадками, но, растратив весь запаса злости на Беату, не решалась вмешаться в неясный разговор подруг. Беата наконец оторвала взгляд от лица мамы и посмотрела на Лизу. «Наверное, она хочет, чтобы я ушла и оставила их одних», — подумала Лиза. Но тут заговорила мама:

— Пойдемте в беседку. Там нам не помешают ни бабушка, ни Юра. Разговор будет долгим.

— Ира, ты уверена? — встревоженно спросила Беата.

— Да. Лиза уже не малышка, чтобы пугаться скелетов в шкафу.

Мама говорила тихим голосом, без особых эмоций. Наверное, только так и можно рассказать о самом важном в собственной жизни.

Они с Беатой дружили с первого класса. Окончание школы не разрушило, как это порой бывает, их дружбу. Ирина поступила в университет, на экономический фа-

культет, Беата училась в медицинском. Но по прежнему подружки бегали на премьеры в театр или кино, до хрипоты спорили о книгах, делились секретами. Впрочем, секретами, конечно, любовными, могла похвастаться лишь сердцеедка Беата. А Ирина, как любила подшучивать подруга, «ждала принца».

К концу четвертого курса Беата решила, что пора всерьез заняться личной жизнью подруги. И случай подходящий выдался: очередной Беатин «мальчик», звезда шестого курса, подающий надежды будущий хирург Сергей, как-то проговорился, что его старому другу, Юрке из политехнического, не везет с девушками. Предприимчивая Беата тут же предложила нехитрый план. И в ближайшие выходные потащила Ирину в Павловск, где в парке «случайно» им повстречались Сергей и Юрий.

Тридцать лет прошло, а Ирина помнила каждую минуту того осеннего золотого дня в Павловске. Лодку, чуть не перевернувшуюся, когда Беата попыталась выловить из Славянки свою заколку. Любопытную белку. Сердитую смотрительницу во дворце. Белый гриб, который Сергей нашел чуть ли не на дороге. Юркины глаза, восхищенно-удивленные. Никто и никогда не смотрел на нее, на Ирину, так. Особенно когда рядом была красавица Беата.

Позже, значительно позже, услышав от Ирины гимн Беатиной красоте, Юра искренне удивился: «Да разве она — красавица? Нет, она ничего, конечно, симпатичная девочка, но красавица — ты, а не она». Ирина засмеялась, но спорить не стала. К тому времени и ей невысокий крепыш Юрка казался тем самым принцем, которого она так долго ждала.

Когда Ирина и Юрий отправились в ЗАГС, их свидетели, Беата и Сергей, уже расстались. Оставшись, впрочем, добрыми друзьями: их лёгкий флирт и взаимная симпатия так и не наполнились ни романтикой, ни страстью.

Первой о том, что Сергей любит Ирину, догадалась Беата. Она сообщила Сергею, что с Ириной случилась беда — отслойка плаценты. И увидела его лицо. Никакая дружба не могла объяснить такое отчаяние, такую боль, такой страх, что случится непоправимое.

К счастью, коллеги-врачи спасли и Ирину, и ребенка. Беата постаралась забыть о своем открытии. Это было нелегко: Сергею хорошо удавалась роль начинающего «старого холостяка», которому медицина, альпинизм и дружба вполне заменяют сомнительные радости семейной жизни.

Время, иногда незаметно и ласково, иногда прямолинейно-грубо, меняло картину мира. То, что казалось неизбежно прочным, рассыпалось как картонный домик или исчезало подобно миражу. А что-то, хрупкое, нематериальное, вдруг становилось самым постоянным и надежным, как маяк над бурей в сонете Шекспира. Ирина и Юрий, Сергей и Беата, не переезжая из своих домов, оказались в другой стране, с карты которой исчез Ленинград. И лишь их дружба и любовь Ирины и Юрия связывали прошлое с настоящим.

В девяностые КБ, где работал Юрий, пошло ко дну. Ирина за копейки преподавала в университете. Мясо и фрукты покупались только для маленького Пашки. В самые трудные дни на помощь приходили Сергей (хороший хирург никогда не умрет от голода) и косметолог Беата (даже в трудные времена женщины отдадут последнее, чтобы выглядеть хорошо).

Открыть собственный бизнес, причем не ларек в переходе, а фирму по разработке программного обеспечения, Юрия убедил Сергей. И деньгами помог в самом начале. Удивительно, но выросший на легендах о Павлике Морозове и Мальчише-Кибальчише Юрий оказался прирожденным предпринимателем. К концу девяностых Ирина забыла о том, что такое жить от зарплаты до зарплаты.

Собственный бизнес — алчный пожиратель времени и досуга. Ирина спокойно воспринимала ненормированный рабочий день мужа. Но в ту зиму вдруг что-то изменилось. Что-то неуловимое вмешалось в их жизнь, не нарушая ее видимого течения, но меняя интонацию обычных слов, уводя в сторону взгляды. Лишь через десять с лишним лет Ирина с болью и облегчением узнала от мужа, чего НЕ случилось той зимой.

Женщины умеют любить успешных и богатых. Не все, конечно, женщины, только некоторые. Некоторые из некоторых бывают весьма неглупыми и умудренными опытом дамами. И, как ни странно, иногда легкой добычей для них становятся не ходоки-ловеласы, а верные мужья.

Через десять с лишним лет не только повзрослевший, но и постаревший и помудревший Юрий сам удивлялся, как он мог клюнуть на очевидные приманки.

«Может быть, — подумала в этом месте маминого рассказа Лиза, — папе тогда тоже мир показался ярким? Нет, не как у меня, а таким, анилиново-ярким, как дешевые плюшевые игрушки...»

Юрий не любил лгать. И совсем уж не привык к тому, чтобы что-то скрывать от Ирины. Он не представлял, как будет жить без Пашки, без жены. Но женщина, захлестнувшая его своей требовательной любовью, ждала действия.

О решении шагнуть в новую жизнь Юрий рассказал Сергею. Он не ожидал, конечно, что друг сразу и безоговорочно его поддержит. Но не мог предвидеть, что Сергей, сохраняющий спокойствие даже в самых рискованных ситуациях, взорвется. Наговорит много беспощадных слов. Особенно беспощадных тем, что в каждом слове была правда. И презрение. А потом успокоится и скажет главное. Он, Сергей, с первой встречи, с того долгого осеннего дня в Павловске, любит Ирину. Ирина

об этом не знает. «Я молчал, — сказал Сергей, — но не потому, что мы с тобой друзья, а потому, что Ира любит тебя. Но если ты бросишь Ирину, я сделаю все, чтобы она была со мной. Я добьюсь ее, но мы оба будем несчастны. Потому что она никогда не разлюбит тебя». О чем еще говорил Сергей, Юрий не рассказывал.

Та зима, как и любая, закончилась. Ирина не заметила, как и почему беспокоившее ее наваждение исчезло. Через полгода Сергей принял предложение возглавить крупную московскую клинику. А еще через год родилась Лиза, и Сергей стал ее крестным.

— Почему папа рассказал тебе? — Лиза не могла понять отца, хотя и не осуждала его.

— Восемь лет назад, ты об этом не знаешь, у папы обнаружили опухоль. Подозревали онкологию. Он не хотел, чтобы между нами осталось хоть немного неправды.

— Ты так и не сказала, когда ты поняла, что Сергей любит тебя? — спросила Беата.

— За кого ты меня принимаешь? За бесчувственную дурочку? Конечно, я всегда об этом знала. Но я любила Юрия. И не хотела разрушать их дружбу.

Вечером Лиза, как и все последние дни, лежала без сна. Но сегодня она впервые не думала о Глебе, не перебирала в памяти встречи. Рассказ мамы словно повернул по-другому калейдоскоп, в который она пыталась рассмотреть самое важное в жизни. И картинка стала совсем иной. Лиза пыталась понять, пыталась, но не могла... И не заметила, как провалилась в глубокий сон без сновидений.

Она проснулась под утро от сильной боли. Нарывал порезанный три дня назад палец. Странно, до этого Лиза ничего не чувствовала, а теперь палец просто огнем горел.

Лиза пошла на кухню, порылась в аптечке, выпила таблетку болеутоляющего. Глянула в окно. В беседке —

красная точка. Беата курит. Лиза тихо открыла дверь и побежала к беседке, чувствуя, как намокают от росы тонкие тапочки и ночная прохлада пробирается под майку.

— Лиза? Не спится? — Беата потушила сигарету.

— Рука болит. Палец позавчера порезала.

— Иди ко мне, под плед, — позвала Беата.

Под пледом было тепло. Спать совсем расхотелось. Палец по-прежнему ныл, но боль почему-то не раздражала.

— Беата, я не понимаю.

— Чего ты не понимаешь?

— Зачем любовь? Сергею — зачем? Она же его сделала несчастным.

— Несчастливым? Разве Сергей похож на несчастного человека?

— Не знаю, — Лиза не понимала, как и чем измерить счастье или несчастье, — но ведь у него несчастливая любовь, невзаимная.

— Это диагноз. Но болезнь обычно сложнее диагнозов. Я, если хочешь знать, завидую Сергею. Не маме твоей, а Сергею. Я так не умею.

Лиза хотела задать еще один вопрос, или еще тысячу вопросов, но в лесу, который начинался сразу за забором, вдруг резко и жалобно вскрикнула птица, словно поставив точку в разговоре. Лиза закрыла глаза. А когда, то ли через секунду, то ли через вечность, открыла их, над дачей вставало солнце. Небо, залитое красно-оранжевым, казалось не по-настоящему ярким. И палец уже почти не болел.

Новая версия

Машина («самая надежная модель, вам будет жалко возвращать ее назад») заглохла «на ровном месте». Впрочем, на высоте более двух тысяч метров идиома о

ровном месте явно «не к месту». Олеся еще раз попыталась запустить двигатель. За окном в быстро подступающей тьме проносились и ныряли в бездну полчища отчаянных снежинок. А что, если бы мотор не заглох, а, напротив, взревел и всеми своими лошадиными силами увлек автомобиль вместе с Олесей за ненадежную оградительную полосу? Может, это — желанный выход?

Странно, но больше всего Олеся переживала не измену мужа, а банальность случившегося и несвойственные ей, умной, сильной, деловой женщине, слепоту и наивность. В Швейцарию она сбежала не от сочувствующих или злорадных взглядов знакомых и коллег, а от себя. Но десятидневный отдых в альпийских декорациях не дал желаемого результата. Она по-прежнему вела нескончаемый диалог с призраком мужа и не могла выкинуть из памяти фотографию в Фейсбуке: двадцатилетняя хорошенькая худышка старательно выпячивает разрисованный под арбуз округлившийся животик. «Художник–декоратор» с умилением смотрит на результаты своей работы: картинку на животе и, собственно, сам живот. И не поверишь, что это он на протяжении семи лет брака уговаривал Олесю повременить с продолжением рода, пока...

Олеся вздрогнула от стука в окно автомобиля.

— Вам помочь? — средних лет крепыш, судя по акценту — американец, приветливо улыбался Олеся.

Помочь, как выяснилось через полчаса, так и не смог, зато любезно предложил место в машине, на переднем сидении которой устроился хмурый подросток в наушниках.

— Вы не знаете, куда попали и где находитесь? Я тоже, — сообщил американец, осторожно ведя автомобиль по горной дороге, — навигатор не работает, мобильной связи нет. Может, дело в непогоде? Но дорога вроде расчищена, значит, где-то поблизости деревня

или шале. Меня зовут Билл, а это Кевин, мой сын, ему скоро четырнадцать. Трудный возраст.

Через час совсем стемнело, непогода родила настоящую вьюгу. Снег почти скрывал дорогу, и Олеся уже не верила, что они доберутся до жилья прежде, чем движение станет невозможным. И тут они выехали на развилку. Неширокая полоса разделялась на две узкие, одна из которых уходила влево и немного вниз, а другая, правая, явно устремлялась вверх.

Билл остановил машину. Задремавший Кевин встрепетнулся, посмотрел в окно, потом на отца, оглянулся на Олеся и снова погрузился в параллельную рок-реальность.

— Я думаю, нам нужно ехать по левой дороге, — сказал Билл.

Олеся промолчала, почувствовав вдруг, как страшно устала. Она уже не могла что-то доказывать мужу, укорять себя или размышлять о возможности окончательного решения всех проблем с помощью альпийской бездны. Хотелось лишь обжигающе горячего чая и постель, пусть не мягкую, но теплую.

Не дождавшись от спутников ответа или совета, Билл повернул влево. И тут же ударил по тормозам, ослепленный светом фар. Встречный автомобиль тоже остановился. Стекло поехало вниз. Холодный ветер кинул горсть снежинок в и без того белые, как воротник дедморозовой шубы, волосы водителя.

— Там тупик! — выкрикнул незнакомец по-французски. — Нужно ехать вверх! Сен-Либрари в трех километрах отсюда.

Жерар (так звали водителя встречной машины) не обманул: не прошло и полчаса, как Олеся сидела в теплом кресле у камина с чашкой горячего шоколада в руках. В маленьком отеле быстро справились с нашествием гостей. Правда, Жерару и Олесе пришлось подождать, пока Мари, хозяйка, приготовит к заселению

одноместные номера. Биллу и Кевину повезло больше: их уже повел в двухместный номер Морис, муж Мари.

Олеся не заметила, как задремала. А проснувшись, не сразу смогла понять, куда попала. Комната у камина, румяный здоровяк за стойкой колдует над коктейлем и тихо беседует с седым мужчиной в синем свитере с зимним орнаментом. За окном, разрисованным морозными узорами, черная ночь и белый снег. Ах да, отель в деревушке... как там ее? Впрочем, какая разница. Нужно узнать, куда позвонить, чтобы вызволить и починить заглохшую машину, и утром уехать назад, в город.

— К сожалению, мобильной связи и интернета все еще нет, — сказал, виновато улыбнувшись, Морис, — не волнуйтесь об автомобиле, мой сын займется этим, как только утихнет буря.

— А утихнет она нескоро, — подал голос Жерар.

— Да, обычно такие бури длятся не меньше трех дней. Сегодня — первый. Вы можете пройти в номер, — Морис протянул Олеся ключ, — по лестнице на второй этаж, комната справа. Раковина и туалет в номере, ванная в конце коридора. Но не волнуйтесь, кроме вашего на втором этаже лишь один номер, там живет мадам Ван, очень спокойная дама.

Три дня в деревушке в горах? Без связи и интернета? Наверное, Олеся должна была расстроиться, но, как ни странно, перспектива альпийского плена ее не пугала.

— Мадам Ван — из Китая? — почему-то поинтересовалась она происхождением незнакомой соседки по этажу. — Много ли еще постояльцев в гостинице?

— Отель заполнен. Мадам Ван из Шанхая, — Морис протянул коктейль Жерару, — кроме нее, вас, мсье Жерара и мистера Уилсона с сыном у нас сейчас гостит господин Гафур. За ужином, через полчаса, все соберутся.

«Прямо как в старых анекдотах, — думала Олеся, оглядывая собравшуюся за столом компанию, — встре-

тились в швейцарской деревне русская, китайка, француз, американцы и араб...»

Языком общения стал английский. Морис и Мари объяснялись на английском вполне прилично, Жерар, смешно коверкая слова, сыпал байками наперегонки с румяным после бокала глинтвейна Биллом. Мадам Ван с удовольствием слушала и улыбалась. Гафур, похожий на принца из арабской сказки, если бы не глаза, мрачные, как у уставшего от жизни старика, молчал и ел все, что подавала на стол Мари, жестом отказываясь от предлагаемых Морисом напитков.

— Мой друг однажды проторчал у вас, в Сен-Либрари, неделю. Вы помните ту бурю, в две тысячи одиннадцатом? — спросил у Мориса Жерар. — Друга зовут Рене, это он посоветовал мне ваш отель.

Друг посоветовал отель? Выходит, хотя бы один из них попал сюда неслучайно. Олеся хотела спросить, чем же так запал в душу друга Жерара Сен-Либрари, но не успела. Ее опередил Кевин, до этого пребывавший в привычной нирване, источник кото-рой, тяжелый рок, пробивался наружу из словно при-росших к ушам подростка наушников.

— Это что ж, мы тут и неделю сидеть можем? Я сдохну в этой дыре без интернета! Что тут вообще можно делать?!

— Читать, — никто не ожидал, что возмущенному Кевину ответит молчаливая Мари, — в Сен-Либрари прекрасная библиотека. Мадам Ван, месье Гафур и месье Жерар тому свидетели.

— Библиотека? — в голосе Кевина отчетливо слышались нотки презрения, чуть ли не брезгливости. — Вы бы еще предложили заняться вышиванием.

— Если ты предпочитаешь вышивать, я с удовольствием дам тебе свои иголки и нитки, — спокойная доброжелательность Мари была язвительнее самого

изощренного сарказма. — Мсье Жерар, вас не затруднит проводить мистера Билла, Кевина и мадам Олесю в библиотеку?

В библиотеку так в библиотеку. Не в номере же сидеть! К тому же Олесе стало любопытно, каким собранием книг может похвастаться швейцарская глубинка. Французский она знала плохо, но, может быть, тут найдутся книги на английском?

Однако Кевина перспектива похода в библиотеку не устраивала. Реакция подростка оказалось столь бурной и неадекватной, что потрясла всех, кроме Билла. Олеся вспомнила, как в машине Билл что-то говорил о трудном возрасте. Похоже, это была не фигура речи и не добродушное ворчание счастливого отца, а прорвавшаяся на минуту сквозь привычную маску боль. Сейчас, когда Кевин запустил своим мобильником в стену и вылетел из комнаты, выкрикивая ругательства, Билл молча встал и пошел за сыном. Олеся вдруг подумала, что неизменная улыбка Билла — вовсе не свидетельство хорошего настроения, а источник багрового румянца, скорее всего, не здоровье, а повышенное давление.

— Они вернуться, — ответила на незаданный никем вопрос Мари, — подождите немного, пойдете все вместе.

И они вернулись. Первым пришел Билл. Взял чашку у Мари, сел на свое место за длинным столом и, глядя на огонь в камине, сказал, не обращая ни к кому конкретно:

— Полтора года вот так. Всегда был нормальным ребенком, спокойным, веселым, никаких проблем. А как тринадцать исполнилось, началось. Грубость, воровство, наркотики. Психологи говорят, нужно терпение. Психиатры не видят патологий. У нас еще трое младших, оба работаем. Жена на пределе. Нет, уже за пределом. Я повез его в Европу не потому, что надеялся... Я жене хотел дать передохнуть.

Билл замолчал, прислушиваясь. В глубине дома хлопнула дверь, и через несколько секунд на пороге гостиной показался Кевин. Подошел к столу, допил колу из своего стакана, подобрал все еще валяющийся у стены мобильник и, не проверив, работает ли он, обратился к отцу:

— Ну, мы идем в эту чертову библиотеку, или будем тут торчать?

Здание библиотеки находилось в двух шагах от отеля, на противоположной стороне маленькой площади. Однако преодолеть даже столь небольшое расстояние оказалось непросто: ветер сбивал с ног, снежинки, вдруг превратившись с ледяные пульки, ранили щеки и лоб. Жерар шел впереди, за ним — Кевин, Билл и Олеся. Замыкал шествие так и не сказавший ни слова Гафур. Мадам Ван отказалась составить компанию: она взяла книгу из библиотеки перед ужином.

Жерар потянул массивную дверь одноэтажного каменного дома. Раздался мелодичный звон колокольчика, дверь распахнулась. Олеся не удивилась бы, увидев, что внутри здание освещается свечами. Но нет: и небольшую прихожую, и читальный зал заливал электрический свет. Почему-то Олеся ожидала, что их встретит колоритный старик а-ля Дамблдор. Однако с деревянной стремянки у дальнего стеллажа спрыгнула невысокая стройная девушка, на вид чуть старше Кевина.

— Я как раз нашла вашу книгу, — девушка протянула Жерару увесистый том в кожаной обложке.

— А я привел тебе новых читателей, Элиз.

— Отлично! — девушка улыбнулась Олеся, Биллу и Кевину, кивнув, как старому знакомому, Гафуру. Удивительно, но араб кивнул в ответ, и на его лице Олеся успела заметить слабое подобие ответной улыбки. Гафур и Жерар уселись в удобные кресла в противоположных концах читального зала и погрузились в чтение. Олеся не заметила, какую книгу и откуда взял Гафур.

— Книг на английском у нас много, они в соседней комнате, — обратилась Элиз к Биллу, — а вот обилием литературы на русском мы похвастаться не можем, всего один шкаф, вон там, у окна справа.

Заметив изумление на лице Олеси, Элиз звонко засмеялась и пояснила:

— Во-первых, в нашей деревне живет тридцать семь человек, и скрыть тут невозможно даже вскочивший в самом укромном месте прыщик. А во вторых, мне о новых постояльцах рассказали родители за обедом. Так что я знаю, что вы приехали из России, а Билл с Кевином — из Аризоны.

Ну конечно, родители! Элиз — утонченная копия Мориса, только не с черными глазами, а с голубыми, как у Мари.

— Я другому удивляюсь, — добродушие Элиз располагало к откровенности, — тому, что в деревушке, где живет тридцать семь человек, есть книги на разных языках. Кстати, мадам Ван и Гафур, они...

— Китайских книг у нас всего двадцать шесть, — не дожидаясь конца фразы, ответила Элиз, — а вот арабских больше, почти столько же, сколько русских. Есть даже старинное издание Корана, очень ценное. Ваше удивление вполне понятно. Библиотека Сен-Либрари — уникальна. Ее начал собирать мой прапрадед, Кристоф. Никто не знает, откуда он приехал, и я думаю, что Кристоф — ненастоящее имя. В конце девятнадцатого века тут жила только большая семья пастухов. Кристоф быстро подружился с главой семьи и сумел стать его незаменимым помощником. Он мало смыслил в животноводстве, зато умел буквально из ничего мастерить разные полезные в хозяйстве приспособления. А еще он посоветовал моему прапрадеду построить гостевой дом. Тогда-то и появился в Сен-Либрари (так Кристоф назвал это место) наш семейный отель. И он редко пу-

стoval и пустует, хотя когда-то мой прапрапрадед сильно сомневался, что найдутся чудаки, которые приедут смотреть на горы и коров.

Рассказ Элиз прервал Билл. Он вышел из соседней комнаты с двумя книгами в руках:

— Вот, мы выбрали. Можно взять книги с собой в отель?

Хм, выбор Кевина можно было предвидеть — «Гарри Поттер». Название второй книги Олеся не разглядела.

— Конечно берите, — ответила Элиз.

Билл направился в прихожую, но тут из комнаты английской литературы выглянул Кевин:

— Пап, я останусь. Иди в отель, а я буду здесь читать.

Кевин забрал у отца свою книгу. Он не смотрел на Элиз, но Олеся не сомневалась в причине его нежелания уходить из библиотеки.

Когда входная дверь звоном колокольчика проводила Билла, а Кевин, чуть помедлив, исчез в «английской» комнате, Элиз продолжила рассказ:

— Кристоф привез с собой в горы большой сундук. Дети, их в семье было много, тут же решили, что в сундуке — сокровища. Но там были книги. Мой прапрапрадед сказал жене и старшему сыну, что только блаженный потащит в горы сундук с книгами. А Кристоф в первый же вечер своего пребывания в семье уселся у очага и начала читать, вслух. Мне так и не удалось выяснить, что за книгу он читал. Но точно знаю, что уже через несколько минут чтение Кристофа слушали не только дети. С тех пор до самой смерти Кристофа каждый вечер вся семья собиралась вместе и слушала его чтение.

Вскоре Кристоф женился на дочери пастуха, у них родились дети. Старый пастух умер, хозяйство перешло к его старшему сыну, ставшему к тому времени лучшим другом Кристофа. Хозяйство, кстати, процветало, во

многим благодаря нововведениям Кристофа. И книгам по сельскому хозяйству и сыроварению, которые он выписывал. Но куда больше Кристоф закупал для библиотеки других книг.

Да-да, настоящая библиотека, появилась в Сен-Либрари в самом начале двадцатого века. Этот дом был построен специально для книг. С тех пор кто-то из членов семьи всегда работал библиотекарем. Сначала книги выдавал сам Кристоф, потом — его дочка, потом — мой дед. Получается, я — четвертый библиотекарь Сен-Либрари.

— И все эти книги приобретены на средства вашей семьи?

— Да, — кивнула Элиз.

— Но... Я не понимаю. Вы же выдаете книги бесплатно? И цены в отеле, я поинтересовалась, вполне демократичные. А книги стоят дорого. В чем же выгода?

— Скажу, не хвастаясь: наша семья, точнее, наш клан — достаточно богатые люди. Мои многочисленные дяди-тети, кузены, братья и сестры получили хорошее образование. Я, между прочим, окончила университет в Женеве. Некоторые наши родственники уехали из Швейцарии, но многие продолжают работать на семейное дело. А книги... Они и не должны приносить доход. Это — совсем другое. Впрочем, — Элиз улыбнулась, — я отвлекаю вас от главного. Выберите книгу, она вас давно ждет.

Олеся еще о многом хотела расспросить Элиз, но девушка явно дала понять, что разговор закончен. Последняя фраза, о книге, которая ждет Олеся, прозвучала как заклинание или напутствие.

Олеся послушно подошла к «русскому» шкафу. Семь полок плотно заставлены русской классикой: Достоевский, Чехов, Пушкин, Лермонтов, Толстой. Олеся выбрала «Войну и мир». В первый раз она жадно проглотила

«мир», перелистывая, почти не читая, «войну», лет в одиннадцать. А потом перечитывала несколько раз.

Дома, в старом собрании сочинений, четыре коричневых тома с «Войной и миром» несколькими поколениями читателей были зачитаны до потертостей. Но в библиотеке Сен-Либрари томики благородного густо-красного цвета, похоже, еще никто не открывал. И почему-то «Война и мир» состояла не из четырех, а из пяти томов. Наверное, пятый том — комментарии, может быть, критика и прочий «гарнир» к бессмертному творению великого старца.

Олеся села неподалеку от Жерара в кресло-качалку возле электрокамина (жаль, что не настоящий, как в гостиной отеля, но книги и живой огонь — опасное соседство) и начала чтение с последнего, пятого тома. Ее ожидания не оправдались: никакого «гарнира». Перед ней — продолжение истории Наташи и Пьера, Николая и Марьи, их детей и внуков. Какой полоумный издатель отважился включить в собрание сочинений классика сиквел неизвестного автора?

Олеся подавила желание отбросить книгу. Нет, не так: как только она справилась с удивлением и возмущением и прочитала первую страницу, она вдруг снова почувствовала себя школьницей, навстречу которой с пожелтевших страниц старой книги выбежала кудрявая девочка в кисейной юбочке и кружевных панталончиках. Только теперь к ней пришла не юная графинюшка Ростова, а тридцатилетняя Мария, дочь Наташи и Пьера.

Олеся точно знала, что Толстой не писал продолжения великого романа. И при этом она могла бы поклясться, что каждая строчка в красном томике, лежащем на ее коленях, написана Толстым. И точно так же, как когда-то Наташины мечты, наивные рассуждения и странные с точки зрения взрослых поступки непостижимым образом оказывались созвучны мыслям и жела-

ниям девочки, разминувшейся с героиней Толстого на двести с лишним лет, так и сейчас тревоги и надежды Марии трогали самые сокровенные струны Олесиной души.

И душа отзывалась. Олеся вдруг поняла, нет, не поняла, а почувствовала, что душа ее, после измены мужа сжавшаяся и иссохшая, как забытый на пляже под безжалостным солнцем кусочек морской губки, с каждой минутой, с каждой прочитанной строчкой набирает живительную влагу веры и любви. И оживает.

Голос Кевина разорвал библиотечную тишину так неожиданно и грубо, что Олеся вздрогнула и чуть не выронила из рук книгу.

— Я че-то не понял, это какой Поттер? Я читал первую книгу, там все по-другому было.

— Все? Совсем все по-другому? — Элиз спрашивала очень серьезно и немного таинственно.

— Не, ну не все, конечно. Но вот этот парень, в Хогвартсе, Смокки, его же не было раньше. Я не мог его забыть, других, может, и забыл бы, но такого — нет.

Олеся подумала, что сейчас Элиз спросит: «Какого такого?» Но девушка лишь пожала плечами, словно потеряв интерес к разговору и, отворачиваясь к полкам, на которых что-то искала, бросила безразличным тоном:

— Может, новая версия, точно не могу сказать.

Кевин еще минуту-другую постоял, глядя, как Элиз то ли перебирает корешки книг, то ли гладит их узкой сильной ладонью, и снова скрылся в «английской комнате». Жерар, тоже ставший невольным свидетелем разговора, хмыкнул. Пожалуй, впервые после их встречи на горной дороге, он не улыбался и выглядел лет на десять старше. Почувствовав взгляд Олеси, Жерар повернулся к ней.

— А какую книгу читаете вы? — Олеся сомневалась, можно ли в библиотеке Сен-Либрари задавать подоб-

ные вопросы и ждать на них ответа, но не могла не спросить.

— Нгози Адичи Чимаманда «Половина желтого солнца».

— Я слышала про этот роман. Он на английском, ведь так?

— У меня — в переводе на французский.

— Тут и переводные книги есть?

— Конечно. Мадам Ван, например, выбрала «Элегантность ёжика» на китайском.

Олеся, не решившись задать другие вопросы, перевела взгляд на Гафура. Случайно или преднамеренно он сел так, что свет от лампы падал лишь на книгу, оставляя лицо скрытым в густой тени. Какой надлом или преступление привели его в Сен-Либрари? Как и чем ударила жизнь по записному оптимисту Жерару? Героиней какой трагедии или драмы стала скромнейшая мадам Ван?

Олеся была почти уверена в том, что любой читатель попадал, попадает и будет попадать в библиотеку Сен-Либрари неслучайно. И выбор книг, и содержание «версий» предопределены. Кем? Может быть, тем, кто наложил семь печатей на Книгу, «написанную внутри и отвне». Когда-нибудь она попытается понять, какие пути ведут сюда людей. Но сейчас ей нужно успеть прочитать пять красных томов. С начала, вроде бы известного, но кто знает... И до конца, до последней точки.

Игорь Бурдонов

Пока ещё жив, всю жизнь занимался математикой, стихами, акварелями и Китаем.

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Публикуемый рассказ «Нежные грабли» занял 3-е место в номинации «Проза» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Колесо павловнии

Мой рассказ пойдёт в обратном хронологическом порядке.

Саженыцы дерева павловнии в середине XIX века привёз в Европу Филипп Франц фон Зиболд, немецкий медик, естествоиспытатель и японовед.

Он состоял на службе правительства Нидерландов и потому вместе с немецким ботаником Йозефом Герхардом Цуккарини назвал дерево в честь крон-принцессы, а позже королевы Анны Павловны Голландской, дочери русского царя Павла I.

Сначала они хотели назвать дерево «Анной», но оказалось, что такое название уже есть.

Поэтому назвали по отчеству, думая, что «Павловна» — это второе имя, как у немцев принято.

Но они были несильны в транскрипции, и потому получилось не «Павловна», а «Павловния».

Ну а жители Альп знают павловнию как дерево Австро-Венгерского императора.

Это было любимое дерево Франца Иосифа, который позволил ему расти как декоративному дереву в больших количествах в парках Австро-Венгерской монархии.

Но вернёмся к Анне Павловне.

Скорее всего, она действительно была дочерью Павла I, а вот сам Павел I вряд ли бы сыном Петра III, мужа Екатерины II.

Этот Пётр III вообще был императором всего полгода, потом дворцовый переворот, возведший на престол его жену Екатерину II.

А Пётр умер через неделю после переворота по пути в ссылку. По официальной версии — от приступа геморроидальных колик, усилившихся от продолжительного употребления алкоголя, а также поноса.

По другой версии его просто убил Алексей Орлов, о чём и доложил императрице.

Хотя Павел I и был внешне похож на Петра III, при дворе упорно ходили слухи, что он был зачат от первого фаворита Екатерины, Сергея Васильевича Салтыкова.

Это потому что родился он после десяти лет замужества Екатерины и был первым её ребёнком.

А ещё Пётр III страдал фимозом — невозможностью обнажения головки полового члена вследствие узости крайней плоти, из-за чего ему даже делали хирургическую операцию, но, видимо, без толку, так как детей не было.

Почему я уделяю внимание пенису Петра III, станет ясно ниже, когда речь зайдёт о других пенисах.

Чей был сын Павел I, так до конца и не ясно.

Александр III, узнав от Победоносцева о предположительном отцовстве Салтыкова обрадовался: «Слава Богу, мы русские!»

Услышав же опровержение, обрадовался снова: «Слава Богу, мы законные!»

Надо сказать, что у Екатерины II не только Сергей Салтыков был любовником, их у неё было много.

Вообще-то такой «разврат» был обычным делом в императорских семьях Европы, но всё же не для царствующих особ женского пола.

Австрийская императрица Мария Терезия писала об «отвращении и ужасе», которые ей вселяют такие персоны, как Екатерина II.

К. Валишевский сравнивал Екатерину II с Людовиком XV и писал: «...различие полов до скончания веков, думаем мы, будет придавать глубоко неодинаковый характер одним и тем же поступкам, смотря по тому, совершены ли они мужчиной или женщиной... к тому же любовницы Людовика XV никогда не влияли на судьбы Франции».

Ясное дело, в отличие от России.

Почему я уделяю такое внимание «разврату» Екатерины II, станет ясно ниже, когда речь зайдёт о другой развратной королевской особе.

Откуда же фон Зибольд привёз павловнию?

Он привёз её из Японии, где обслуживал местную голландскую колонию.

Кстати, в Японии ему предоставили наложницу, бывшую куртизанку Таки, от которой у Зибольда родилась дочь Инэ, первая из японцев ставшая врачом западного образца.

Но это замечание сбоку (хотя кто знает...).

В Японии павловния известна под названием «кири».

Согласно легенде, птица Хо-ох, похожая на феникса и известная из-за вечного возрождения, возрождается как раз на дереве кири, и только на нём.

В надежде на привлечение благих птиц, эти деревья посажены во дворах и садах.

Это символ удачи и плодородия.

А ещё она плохо горит, что практически полезно.

После рождения девочки сажают дерево кири.

Когда у девочки появляются свои собственные дети, дерево срубают и делают люльку из его древесины.

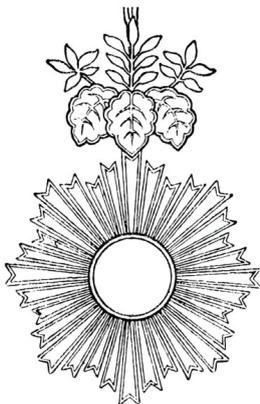
Павловния приобретает эротологический смысл.

А ещё политический: павловния используется в качестве эмблемы в кабинете премьер-министра Японии, а также на японском Ордене Восходящего солнца и на монете в 500 иен.

На японских игральных картах также изображена павловния.

Говорят, что и Якудза (японская мафия) использует их, но этот факт никто не посмел лично проверить.

Но не Япония родина павловнии.

Её родина — Китай.

Там она известна 3000 лет.

Древесина павловнии лёгкая и мягкая.

Её используют для изготовления музыкальных инструментов, мебели, мелких поделок, разделочных досок, а в наше время ещё и горных лыж, сноубордов и ракеток настольного тенниса.

В частности, из павловнии делали колёса, которые применялись во всяких цирковых трюках, где требовался лёгкий материал.

Самое известное применение колеса из павловнии относится к III веку до н. э.

Это история о восхождении на престол царства Цинь Ин Чжэна, будущего императора объединённого Китая Цинь Ши хуанди.

Мать Ин Чжэна, Чжао Цзи (趙姬) чем-то похожа на Екатерину II, да не чем-то, а вот именно этим: любвеобильностью своею.

Как пишут, королева-мать была совершенно без ума от своего «гигантского инь».

Надеюсь, не надо пояснять, что в данном случае «инь» — это женские половые органы.

В частности, у неё была связь с канцлером Люй Бувэем 呂不韋, да такая, что по версии Сыма Цяня именно он и был настоящим отцом Ин Чжэна.

Впрочем, это не удивительно: ведь Люй Бувэй первым нашёл эту девушку, счёл ей красивой и сделал своей наложницей.

А потом Люй Бувэй устроил банкет для правителя государства Цинь Ин Ижэня (嬴異人), он же Циньский Чжуансян-ван (秦莊襄王).

На том банкете Чжао Цзи послали за вином, её увидел Ин Ижэнь, и она ему понравилась.

Люй Бувэй отдал девушку Ин Ижэню, и скоро у них родился сын Ин Чжэн — будущий император Цинь Ши хуанди.

После смерти Цинь Чжуансяна связь вдовствующей королевы Чжао Цзи и Люй Бувэй возобновилась (а может быть, и до того не прекращалась, кто знает?).

Но тут Люй Бувэй чего-то запаниковал и забоялся разоблачения.

И тогда Люй Бувэй вот что придумал.

Зная склонность вдовствующей королевы ко всяким сексуальным излишествам, он нашёл человека с огромным пенисом.

Звали его Лао Ай (嫪毐), а пенис его был такого размера, что мог быть использован в качестве оси деревянного колеса.

Но всё же колесо должно было быть не очень тяжёлым, сравнительно лёгким, для чего лучше всего подходило лёгкое дерево павловния.

И вот на очередном большом банкете для развлечения гостей Лао Ай исполнял трюк с колесом из павловнии, насаженным на его, ну, наверное, уже не просто пенис, а фаллос.

А Люй Бувэй позаботился о том, чтобы шепнуть об этом на ушко вдовствующей королеве Чжао Цзи.

И, конечно, та не могла удержаться от соблазна.

А для того чтобы всё это замаскировать, был придуман хитроумный план.

Лао Ая схватили и решили наказать, как тогда бы-ло принято, кастрацией.

Но королева подкупила палачей, и те только обрили усы и брови Лао Аю, чтобы он был похож на евнуха.

Так этот фальшивый евнух получил доступ во внутренние покои вдовствующей королевы.

Ясное дело, для чего.

Похотливая королева родила двух сыновей.

Ну, потом всё-таки повзрослевший Ин Чжэн стал прибирать к своим рукам царство Цинь.

Тут Лао Ай попытался устроить переворот с фальшивой королевской печатью, обманутыми войсками, в общем, настоящее восстание, а на трон хотели посадить одного из сыновей Чжао Цзи от Лао Ая.

Ин Чжэн восстание подавил.

Лао Ая и двух его сыновей казнили, а свою развратную мать Ин Чжэн посадил в тюрьму в Юнди.

В то время заключение в тюрьму матери было вопиющим нарушением сыновней почтительности.

Но Ин Чжэн очень злился, он приказал всех, кто будет ходатайствовать за вдовствующую королеву, избить трибулусом.

Трибулус — это такое растение с очень колючими семенами: они прокалывают даже покрышки велосипедных колёс.

Двадцать семь советников-усоветателей были таким способом убиты.

Но всё же нашёлся ещё один усоветатель из царства Ци по имени Мао Цзяо (茅焦).

Он убедил Ин Чжэна в том, что заключение матери нанесёт ущерб репутации Ин Чжэна и затруднит убеждение людей всего мира; убийство министров, проявивших лояльность и преданность, охладит сердца талантов во всём мире, и всё это пагубно скажется на привлечении сердец шести народов и объединении Поднебесной.

Правда, историки-циники говорят, что на Ин Чжэна больше действовали не моральные аргументы, а прагматичные соображения о нарушении равновесия кланов: родственники семьи Чжао почти исчезли, что делало слишком влиятельными родственников из царства Чу.

Так или иначе, Ин Чжэн согласился, похоронил убитых министров и лично повел конвой в Юнди, чтобы отвезти королеву-мать обратно в столицу Сяньян и переехать во дворец Ганьцюань.

Отношения между матерью и ребенком были восстановлены.

По этой причине Мао Цзяо был удостоен звания Шанцин (1-й из цинов, старший канцлер, эквивалентно премьер-министру).

Вот такая история с колесом павловнии.

Но и это ещё не конец.

Знаете ли вы другое название павловнии?

Её ещё называют адамовым деревом.

Почему?

Потому что у неё большие бархатистые листья, похожие на листья фигового дерева.

Да, то самое фиговое дерево, оно же смоковница, листьями которого по преданию закрывал свой пенис первый человек Адам.

Иными словами, первым, кто крутил на своём фаллосе колесо павловнии, был Адам.

Ну, а дальше вы всё знаете.

Песнь о пурпурной деве

В китайском оркестре земных и небесных фей продумана вся партитура до самых простых мелочей. У небесного дирижёра нет упущений и всё по-честному: раз есть на земле отхожее место, пусть даже грязно оно и пахнет дурно, а всё равно назначить нужно фею отхожего места и назвать её Девой Пурпурной.

А когда-то была она девушкой, и звали её Хэ Мэй, что значит «Как Привлекательна!», а второе имя Лицин, что значит «Чистое Счастье». Родом была из Шаньдуна, отец её был бедняк, но с детства она училась читать и писать, освоила стихосложение и каллиграфию, изучила канонов девятикнижие, и ритуал чтла. Это было в эпоху Тан в правление императрицы У Цзэ-Тянь.

И так уж случилось, что стала она наложницей ревизора из местности Шоу-ян по фамилии Ли и по имени Цзин. Но невзлюбила её старшая злая жена за то, что была красива, за то, что была умна, за это её убила, за это её утопила в отхожем месте. Это было в пятнадцатый день первой луны.

И стала она являться хозяину дома в уборной. Прогоняли, а не уходила, и это было позорно.

Девушку ту пожалел нефритовый император, он сделать её захотел феей бессмертной. Это, конечно, был красивый и добрый жест, но только в оркестре небесном свободных не было мест. Не было их ни справа, не было их ни слева, осталось одно, да и то внизу. Так она стала Пурпурной Девой, феей отхожих мест. Об этом издаст указ императрица Цзэ-тянь.

По суевериям старым в ночь середины первой луны встречают духа Цзы-гу, что значит «Пурпурная Дева». Дух этот мог предсказания делать, да так, что порою сбывались они. Вы спросите, как разговаривать с духом? А вот как. В плошку какую насыпят песку, а над ней на верёвочке вешают палочку для еды. Вопрос зададут, а палочка пишет ответ на песке.

Об этом напишет учёный китаец Шэнь Ко, беседуя с кистью в саду у ручья, приснившегося во сне. Ещё когда маленьким был, наблюдал, как дети соседские ради забавы духа того вызывали. И взрослые тоже старались, но дух не хотел приходить. А вот уже позже, в годы Цзя-ю, гостил он в доме Ван Луня, тайчан боши, друга отца своего. Так там этот дух иногда появлялся: до поясницы пригожая девушка, а ниже клубится туман. Называла себя она девой из внутренних покоев Верховного Императора, а то говорила другое, что изгнали её с Пэнляя.

Однажды дочь Вана спросила ее: «А могу я с тобой полетать на облаке?» Дева согласно кивнула, и тут же во двор протянулось, как дерева ствол, белое облако. Дочь

Вана карабкалась на него, но облако её удержать не могло. «На туфлях твоих слишком много мирской пыли, — сказала дева, — сними их, тогда получится». Дочь Вана разулась и стала опять подниматься, и вот уж над крышей дома она, но снова свалилась. «Ты еще не можешь со мной полететь, — сказала тогда дева. — Может быть, позже когда-нибудь». Но позже дочь Вана вышла замуж, Цзы-гу приходиться перестала, и семья, как говорится, лишилась источника предсказаний удачи и горя.

Вот ведь Шэн Ко не простой человек, он учёный, поэт, астроном, математик, ещё музыкант, дипломат, генерал и министр финансов. А туда же: я, говорит, записал лишь то, что видел своими глазами.

Говорят, что Цзы-гу прекрасно играла на чжэне, извлекая прелестные звуки, а кто слушал, те, как говорится, об усталости забывали. Умела она и лечить, и гадать, а в облавные шашки играть с ней рисковали одни только лучшие мастера страны. Писала она литературные произведения в высшей степени изящные, их теперь называют «Собрание бессмертной девы», так они в свете распространяются. Её каллиграфия очень была выразительна, но не схожа совсем с известными стилями, будь то лишу иль чжуань. Назывались они цзаоцзяньли, чжоцзиньли, а всего было десять названий.

Очень любили Цзы-гу придворные танские дамы, в беседах с ней поверяя сердечные тайны свои. Но и мужчины, учёные и литераторы, её не чурались. С ними в беседах она походила порой не на серьёзного духа бессмертного, а на какую-нибудь куртизанку певичку, с которыми, как известно, любили они проводить своё время, вином напиваясь, слагая стихи.

Не только Шэн Ко, но также, к примеру, великий Су Ши, поэт, каллиграф и художник, чайный мастер и губернатор Ханчжоу, тоже общался с Пурпурной девой. Сначала он вроде высмеивал всякие там предрассудки, но позже

всё же оставил для нас шесть записей о беседах с ней. Наверное, дева влюбилась в Су Ши, всё время его просила.

*Дева приставала к Су Ши:
Напиши, да напиши
Семисловные сти-ши
Для моей несчастной души.*

*Отвечал ей учитель Су:
Не могу, да и не хосю.
Не такой уж я хороший поэт
А она: Что вы, что вы, нет, нет!*

*И приписка: я буду ждать!
А Су Ши ей пишет ответ:
Я не то чтобы плохой поэт,
А вот просто я не хочу
Стихи для тебя писать.*

仙女一再纠缠苏轼：
你写·求你写首诗·
安慰我不幸的灵魂·
写七言律诗或绝句·

苏夫子回答仙女说：
我不能·也不想写·
作为诗人我不出色·
仙女说：错！错！错！

就要你写：我等着！
苏轼写字回答她说：
作为诗人也还凑合·
确实不想为你写诗
无情无绪难以写作·

2021 · 2 · 12 伊戈尔

Ну, вот что тут можно сказать?
Пурпурную деву каждый оби-
деть может.

Ну а в наше-то время в наших
больших городах, в многоэтажных
домах, в малолитражных кварти-
рах где вы найдёте отхожее место,
чтоб там поместилась Цзы-гу? Не
живёт Пурпурная Дева среди ва-
терклозетов и унитазов фаянсовых.
Разве что где-то в деревне глухой,
куда не дошли дороги.

И у меня была деревня с назва-
нием Липовка, у края леса, за рекой
и без дорог. Я сам копал большую

яму и возводил дощатый домик около забора под старой вишней. А почва в Липовке как раз сплошной песок. Мне кажется, стихи слагались там не просто так. В тот год в деревне у меня гостил художник неизвестный по имени Белугин Александр. Я небо рисовал и написал эссе о небе, художник рисовал отхожие места. На вернисаже липовском я видел много юных дев. Быть может, одна из них была Пурпурной, но я не проверял.

Тот домик туалетный потом уж одряхлел и покосился. Строители из соседней деревни, что за рекой, избу мою подняли, крышу перекрыли, да заодно и яму вырыли, поставили над нею домик новый, красивый, без щелей. На этом всё и кончилось.

*В небе над Липовкой кружится облако света.
Вёсен и осеней дни улетевшие, где вы? где вы?
Что мне до них, до посланий Пурпурной Девы?
На песчаной дороге зачахли смерчки ветра.*

Каталог Южных Квартир

по мотивам Шаньхайцзин – Книга Гор и Морей

В «Каталоге Южных Квартир» первыми названы Сорочьи квартиры. Среди них главной названа Блуждающая квартира. Она выходит на Западную лестницу. Там много коричневых шкафов, много жёлтых металлических вилок и ложек и стеклянных рюмок и стаканов. Там на полке хранится лекарство, похожее на души-

стый лук, но с зелёными цветочками, называется заговорное. Съешь его, утолишь голод. Ещё там стоит диван, похожий на шёлковый, но с чёрными прожилками. А над ним бра, освещает всё вокруг. Его название — Дурманый диван. Если прилечь на него, то не поддашься дурману. Там живёт человек, похожий на обезьяну, но у него белые уши, ходит лицом к земле. Его называют СанСаныч. Выпьешь с ним, будешь ходить без усталости. Из этой квартиры берёт начало коридор Красивый Несоответствующий, ведёт на запад и упирается в лестничную площадку. В нём обилие детских колясок. Ходи с детской коляской и не будешь болеть желудком.

В трёхстах вершках к востоку расположена квартира под названием Площадка Присутствия. Там много буфетов из грушевого дерева, белых статуэток, хрустальных ваз, жёлтых металлических ножей.

Ещё в трёхстах восьмидесяти вершках к востоку находится квартира под названием Крыло Обезьяны. Там живёт много удивительных людей. В её коридорах много удивительных веников и щёток; много белых стеклянных плафонов, много ядовитых жидкостей и иных жидкостей, много удивительных тумбочек. В эту квартиру никто не может войти.

Ещё в трёхстах семидесяти вершках к востоку расположена квартира Дубового Мужика. В её южной стороне много медных тарелок. В её северной стороне много серебряных труб. Там живут люди, похожие на кобыл, но с белой головой; носят платья, полосатые как у тигров, но с красными поясами. Они кричат, словно поют; называются косули бездетные. Если залезть к ним под одеяло, то будет много сыновей и внуков. Там начинается коридор Привидений, который ведёт на восток и упирается в коридор Сбоку от Закона. В нём много старинных иконок; они совсем как обычные иконки, но люди на них с птичьей головой и хвостом удава. Называются

Возвращающие Иконки. Постучишь по ним, получится звук как при рубке дерева. Им молятся от глухоты. Могут излечить от этой болезни.

Ещё в трёхстах вершках к востоку находится Вежливая квартира. От неё начинается много коридоров. Там ходит женщина, похожая на корову. У неё причёска «змеинный хвост», на платье оборки и приклеены крылья по бокам. Она издаёт звук, похожий на мычание. Её называют Лукерья. Зимой дохлая, летом живенькая. Поцелуешь её, избавишься от опухоли.

Говорят, что ещё в четырехстах вершках к востоку расположена квартира под названием Обильно Там, в которой много коридоров, но в них ничего нет. Там живёт дикий человек, похожий на кошку, но с модной причёской. Его называют Подобный. Он вообще-то гермафродит. Кто укусит его, не поддастся ревности.

В трёхстах вершках к востоку квартира Хаза. В её южной части склад стеклянных бутылок, в её северной части множество удивительных табуреток. Там живёт человек, которого кто-то прозвал Басё. Вообще-то он баран бараном, за ним тянется девять хвостов нераскрытых уголовных дел, но у него есть свои уши в полиции и глаза в прокуратуре. Дружи с ним и не будешь знать страха. Ещё там живут ангелы, похожие на курицу, у них три головы и шесть глаз, шесть ног и три крыла на троих. Их имя непонятное. Увидишь их, не заснёшь.

Ещё в трёхстах вершках к востоку есть Корейская квартира. В её южной части много прозрачной посуды, в северной части — много тёмно-синей посуды. Там живёт человек, хитрый как лиса, и его девять детей. Звук его голоса напоминает плач ребёнка. Он может побить человека. Тому, кто его побьёт, не опасен яд змеи. Ещё там живёт женщина, кроткая как голубка, её крик напоминает звуки «а... а...», её зовут Печальная. Если возьмёшь её к себе жить, то не будешь испытывать сомнений. От

этой квартиры начинается Цветочный (по другой версии, Английский) коридор, который выходит в холл Приближение Сбоку. Там много детишек с красным телом; они кричат как утки. Приласкаешь их, избавишься от чесотки.

Говорят, что ещё в трёхстах пятидесяти вершках к востоку расположена квартира под названием Стрельцы и Скорпионы. Эти скорпионы даже выползают на Восточную лестницу. Там много строительного мусора. Квадратный коридор с южной стороны продолжается Белым коридором. Там много белой фаянсовой посуды.

Всего в Сорочьих квартирах, начиная от Блуждающей квартиры и до квартиры Стрельцов и Скорпионов, десять квартир и сто тридцать метров, шестьдесят восемь сантиметров, три миллиметра. Тамошние привидения летаю как птицы, а пасть у них как у змей-горыныча. Их подкармливают мухами одного цвета, которых закапывают со стеклянными трубочками. Ещё кормят рисовой кашей, одной стеклянной лупой и коричневым рисом. Это всё раскладывают на коврик из пырея.

Нежные грабли

Николай Петрович купил новые грабли для уборки мусора с газона своего дачного участка. Покупка оказалась удачной, грабли не рыли землю, не рвали траву, а как будто нежно гладили газон, снимая только то, что нужно: прошлогодние листья, веточки, огурки и бумажки, принесённые ветром. Даже когда Николай Петрович по рассеянности наступал на грабли, они не били его по лбу, а будто нежно гладили по щеке и причёсывали поредевшие волосы.

В инструкции было написано, что грабли сделаны по современной нанотехнологии в рамках программы конверсии оборонной промышленности. «Надо же», — думал Николай Петрович и освободил в кладовке угол от грязных лопат, заржавевших вил и допотопных мотыг. Тщательно вымел пол, постелил коврик, отряхнул пыль со стен и аккуратно поместил в угол новые грабли.

Шло время. Газон сверкал свежей зеленью и искрился первыми цветочками. Вроде бы и нужды уже не было, но Николай Петрович каждое утро доставал из угла грабли и нежно гладил ими траву. Так ему это понравилось. Даже само прикосновение к гладкой, тёплой на ощупь поверхности черенка было приятным. Время на даче тянулось медленно, делать было нечего, и Николай Петрович иногда доставал свои грабли даже днём, а то и вечером. Просто держал их в руках, проводил пальцами по черенку и осторожно касался тонких прутьев, сделанных из неизвестного конверсионного материала. Прутья под его пальцами слегка вибрировали.

А ещё Николай Петрович заметил, что если слегка постукивать по черенку или тихонько перебирать прутья кончиками пальцев, как перебирают струны мандолины, то грабли начинают издавать мелодичные звуки.

Так Николай Петрович начал использовать грабли как музыкальный инструмент. Тихими летними вечерами он любил перед сном поиграть на граблях, выводя нежные, убаюкивающие мелодии. Да подчас и засыпал с граблями в руках. И тогда ему снились странные романтические сны, в которых он был молодым и красивым, и его сопровождали молодые и красивые девушки в летних лёгких одеждах, всегда на лугу среди сочной травы и ярких цветов, где Николай Петрович и занимался с ними любовью.

Теперь граблям было не место в тёмной кладовке, и Николай Петрович хранил их в своей комнате, между кроватью и журнальным столиком. Казалось, грабли оценили такое к ним отношение и по вечерам издаваемые ими звуки всё больше становились похожими на нежный голос, какой могли бы иметь девушки из снов Николая Петровича.

И надо же было такому случиться, что как-то в субботу появился давнишний приятель, которому было скучно и который хотел выпить. Они сидели за журнальным столиком, вспоминали весёлое молодое время, пили и разговаривали. Николай Петрович не мог не похвастаться новыми граблями, играл на них мелодии юности и пел вместе с приятелем старые песни. Они напились, приятель ушёл за полночь, а Николай Петрович так и уснул с граблями в руках, едва его голова коснулась подушки.

Ночью Николаю Петровичу снилось вообще чёрте что, но утром он всё забыл. Проснулся, с удивлением обнаружил в своих руках грабли и хотел поставить их на место. Случайно коснулся прутьев, и грабли нежно и жалобно пропели: «Вот и ночь прошла. Где любимый наш? Ах, что делать нам — мы беременны».

Помни всё время о целом

«Помни всё время о целом», — твердил ученик слова Учителя. Твердил, твердил, но никак не мог понять: какое такое целое? почему о нём нужно помнить? что будет, если вдруг на какое-то время забудешь?

Вечерело. Над Поднебесной взошла вечерняя Луна. Она отражалась в водах реки Сышуй, у которой четыре русла. С реки возвращались по тропинке рыбаки, несли сети и пели песню. Шумел тростник.

Ученик повернул обратно. Он старался думать о целом, о времени, о памяти, но мысли его никак не могли соединиться вместе и разлетались в разные стороны, подобно весенним птицам над свежевспаханным полем. Когда сегодня ученик пришёл к Учителю и принёс ему связку сушёного мяса и кувшин старого вина, Учитель обрадовался, пригласил ученика к столу, велел разлить вино по кубкам и только потом, когда они выпили и съели по кусочку мяса, стал говорить свои мудрые речи. «Помни всё время о целом», — сказал Учитель в заключение и отправил ученика на прогулку: «Иди, подумай об этом и возвращайся через две стражи».

И ученик пошёл, гулял по берегу реки Сышуй, у которой четыре русла, и вот теперь две стражи подходили к концу, а понимание слов Учителя всё не приходило. Ученик бросил прощальный взгляд на воды реки Сышуй, у которой четыре русла, и увидел отражение полной Луны в водах реки Сышуй, у которой четыре русла. И тут его осенило: «Полная Луна! Полная — значит, целая, без изъяна или ущерба. Учитель говорил о полной Луне!»

Ученик предвкушал, как он вернётся в дом Учителя, пройдёт по дорожке через бамбуковую рощу, подойдёт к беседке около полукруглого пруда, заросшего камышом и покрытого ряской. Как станет подниматься в беседку и на третьей ступеньке остановится, воскликнет

громким и ясным голосом: «Полная Луна!» И поклонится Учителю.

Учитель обрадуется, пригласит ученика за стол. Снова велит налить вина в кубки и похвалит ученика. А ученик смиренно попросит Учителя о дальнейших наставлениях.

«Полная Луна!» — громким и ясным голосом сказал ученик на третьей ступеньке. Он хотел поклониться Учителю, но не увидел его на обычном месте. И только присмотревшись, ученик заметил Учителя, лежащего на лавке и громко храпевшего. Под столом валялся пустой кувшин из-под вина, разбившийся на мелкие черепки, а в воздухе распространился густой аромат выпитого вина.

От громкого и ясного голоса ученика Учитель проснулся, посмотрел на ученика и произнёс такие стихи:

*Кувшин был целым и полным, как полная Луна.
Помни об этом, прежде чем укорять
своего старого Учителя за пристрастие к вину.
Разве мог он противиться течению вина,
подобного течению вод реки Сышуй,
у которой четыре русла?!*

Друг Сократа

Бомж представился другом Сократа.

Так и сказал:

— Разрешите представиться — друг Сократа.

Обсудили, почему Сократ советовал послушаться Сократа и меньше думать о Сократе.

— А почему?

Бомж пояснил:

— Он говорил, что мы приступаем к людям, не владея искусством их распознавать.

— Так и сказал, «искусством»?

— Да запомнил я, может «искусством», может «чувством».

— Ну, и при чём тут?

Выпили.

— Он когда маленький был, ребёнком ещё, Конфуция встретил.

— Он что, в Китае был?

— Почему в Китае?

— Так ведь Конфуций в Китае жил.

— Да? Ну ладно, запомнил я.

— И что же?

Выпили.

— Конфуций тогда уже совсем старым был, вздыхал часто. И всё жаловался, что ученик его Хуэй умер, молодым умер, а мог людей чувствовать, а другие ученики не могут, как он, Конфуций, ни пытался их научить.

— А сам-то он чувствовал?

— Да кто его знает, запомнил я. Может, чувствовал, а может, хотел только, кто его знает.

— И что?

Выпили.

— Ну вот Сократ и запомнил.

— Чего запомнил? Про то, как людей чувствовать?

— Да нет же! Это он как раз не просёк, он решил, что это дело безнадежное. А раз так, то одно только и остаётся.

— Что остаётся?

Выпили.

Бомж пригорюнился и жалостно произнёс:

— Истина!

— А чего так жалостно?

— Так ведь я же друг Сократа.

— И что?

— Что-что... да на фига мне эта истина, а? Ну на фига она без людей-то?

— Ну как же...

— Да заткнись ты! — бомж обозлился.

Выпили.

— Больше нет?

— Нет.

— Ну, тогда я пошёл.

Бомж сплюнул и пошёл.

Бессонница

Он сидел в углу какой-то скрюченный, затюканный, затурканный, зачморенный, задрипанный и облезлый.

— Ты кто? — спросил я и приставил к его груди бейсбольную битку.

— Бе-э-э-э-с, — проблеял он.

— Без чего? — не понял я.

— Дурак, что ли? — огрызнулся он, перевернулся вверх ногами и прошёлся по полу на рогах.

В окошко заглянула луна, моргнула и закрылась тучкой. Я достал рюмки, разлил коньяк и покромсал колбаску.

— Будешь?

Он вывернулся наизнанку, потупил глазки, оправил юбку и сказала:

— А шоколадки нет?

— Блондинка, что ли? — возразил я.

Выпили. Закусили.

— Вообще-то я спать хочу, — признался я, — только не получается.

— Ну, это мы мигом, — согласилась она и раскраснелась.

Проснулись мы от яркого солнца и какого-то не местного шума.

— Это что? — спросил я.

— Это море, — сказала она.

— Какое море?

— Средиземное.

— Аа-а-а...

Мы погуляли по пустынной Ницце, съели краба в забегаловке и сели на лавочку. Море плевалось где-то внизу, и я кинул в него камешек.

— Мне скучно, бес.

— Всё утопить?

— Грамотная, да? Давай лучше домой.

Луна выглянула из-за тучки и опять уставилась в окошко.

— Чего зыришься? — рассердился я и задёрнул занавеску.

Бес куда-то ушёл, прихватив мою бейсбольную битку.

«Всё-таки это был вор», — подумал я и стал уныло размышлять о смысле жизни.

Наращивал реальность

Наращивал виртуальной реальностью реальную реальность.

Нитки использовал светящиеся.

Иероглифы кололись, латынь ныла, гноился церковно-славянский, проступала сыпь новояза.

Занимался самолечением, укрылся крыльями, всё оцифровал, потом запил водкой.

На ветке берёзы сидела прозрачная девочка и пела песню цикады.

Щупальца из земли тоже были, но оканчивались на «ы».

Рассвет над мусорной свалкой. Потом закат над нею же.

Звездообразно небо выло.

Сначала сложил все столбики чисел, потом все строчки чисел.

Коллекционировал гробики, потом перестал, сами стали расти.

По информационным каналам дотягивались до него сердца людей, но он чувствовал — не настоящие, он уже не различал.

Всё время уходил по тропинкам, скрывался за поворотами, таял в даях, только это была всё время одна и та же тропинка, один поворот и одна даль, только его было много, а потом он весь вышел, осталась только всё время.

В траве бегали маленькие человечки, похожие на муравьёв. В книгах тоже бегали.

Девочка слезла с ветки и ушла по тропинке.

Шарик, а внутри ещё шарик, а в шарике шарик, и в том шарике тоже шарик.

Он долго смеялся.

Из «Записок под изголовьем»: то, что трогательно...

Когда с дерева уже опали почти все листья, а на одной ветке ещё держатся два-три листка.

Когда родственник вырвал из книги почти все страницы и пустил их на самокрутки, но ещё остались две три страницы, и на одной из них — твоё любимое стихотворение.

Когда девушка уже сняла почти всю одежду и прикрывается шарфиком.

Когда почти все друзья уже поздравили тебя с днём рождения, а один ещё нет, и ты ждёшь, и — вот и он.

Когда почти все друзья забыли поздравить тебя с днём рождения, и ты ждёшь, и — вот один поздравил.

Когда девушка уже почти оделась и, помедлив, повязывает шарфик.

Когда родственник вклеил обратно в книгу почти все страницы, а страницу с твоим любимым стихотворением оставил у себя.

Когда на дереве распустились почти все листья, а на одной ветке остались две–три нераспустившиеся почки, потому что она сломана.

Когда вечером прячешь эту записку под изголовье, а утром находишь её рядом на столике.

Шпалы остались

Рельсов уже не было, но шпалы остались.

Ушли в землю и сгнили.

Сначала они привели в болото.

Он обошёл болото и на другой стороне нашёл продолжение.

Шпалы вели в... да какая на хрен разница, куда они вели?

Там ничего не было, только райские яблочки, несъедобные.

И счастливые люди. Траву жевали.

Они там храм построили. Из ворованных рельсов.

Чистый звук разлетался далеко, даже лягушки не квакали.

Он сел на пенёк и съел пирожок.

Счастливые люди померли, а он всё сидел.

Подошёл Бог и спросил: «И чего ты тут делаешь?»

Покурили.

И разошлись.

Возвращался по шпалам, чувствуя какую-то недосказанность.

Упс!

По утрам он громко требовал подъёма сельского хозяйства.

Днём — отстоя после долива.

А вечером — свободу альдебаранским политзаключенным.

И только по ночам... хотя нет: ночью он иногда тоже вскакивал и шептал в холодном поту: «Я требую Дездемону!»

«Типичный случай, — говорил врач, ковыряясь под мышкой и выписывая рецепт. — Заходите вчера». И засыпал, почёсывая в носу.

Планета входила в зону турбулентности. По социальным сетям распространялись инструкции «Как правильно застёгивать ремни».

Новорождённые заговорили на иностранных языках.

«Упс!» — сказал кто-то и отключил питание.

Без штанов

Один человек всё время ходил без штанов.

Но никто этого не замечал. Даже обидно.

И тогда он надел штаны.

И тут все стали подходить и спрашивать: «А чего это ты штаны надел?»

Пришлось снова снять.

Мария Сидлер

Окончила Московский университет культуры. Родной город — Москва. Работает в IT-компании, воспитывает двух дочерей.

Более пятнадцати лет пишет для детей и взрослых, работает в разных жанрах. Любимые — сказки и фэнтези. В своих произведениях старается помочь читателю ответить на важные жизненные вопросы через призму сказочных аллегорий.

Член Международного союза писателей «Новый Современник», участник и призер литературных конкурсов, участник различных печатных проектов, в том числе серии «Московский Дом».

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Ветер

Инга, откинувшись на спинку шезлонга, сидела на балконе своего гостиничного номера. Легкий ветерок обдувал ее стройное загорелое тело. Девушка наслаждалась минутами покоя. Все командировочные дела и заботы решены, осталось еще два дня, которые можно потратить на отдых. Глаза девушки были закрыты. Нет, она не спала — просто предавалась каким то своим мечтам. Думала о том, что хорошо бы позвонить Славику, своему молодому человеку, спросить, как дела. А еще хорошо бы налить себе бокал холодного белого вина. Но для выполнения этих важных дел требовалось встать с шезлонга, а ни сил, ни желания отрываться от ласк морского бриза не было.

«Вот бы мой Славик был таким же нежным в постели, как этот ветер!» — мелькнула мысль. Инга даже улыбнулась своей нелепой фантазии.

Неожиданно в правом ухе прошелестел голос: «Я не фантазия...» И по щеке, шее и груди кто-то легонько провел рукой. Инга в испуге открыла глаза и одним быстрым движением вскочила с шезлонга. На балконе, кроме нее самой, никого не было. Чего и следовало ожидать. На всякий случай Инга свесилась через перила — на балконе нижнего номера было пусто. Задрала голову — просматривается верхний балкон плохо, но, кажется, и там никого нет. Девушка сходила в номер, проверила ванную и туалет, распахнула шкаф, даже залезла под кровать — никто нигде не прятался. Она вновь вышла балкон и уселась на прежнее место, снова прикрыла глаза, но расслабиться больше не получалось. Ветерок прилежно обдувал ее разгоряченное лицо: «Не бойся меня!»

«Все, пора в отпуск! — Инга потеряла виски. — Уже голоса слышатся!»

«Ха-ха-ха!» — кто-то засмеялся в ее левом ухе, а по шее прошелся холодок.

«Да... мне не в отпуск, мне в Белые Столбы пора!» — Инга зябко передернулась и попыталась встать на ноги.

Резкий порыв ветра толкнул ее обратно в шезлонг. Ветер настойчиво гладил ноги, живот, грудь. Было одновременно странно и приятно получать ласки от невидимого поклонника.

«Перестаньте!» — задыхаясь от нахлынувшего возбуждения, прошептала Инга.

Бриз залепил ей рот соленым поцелуем. Со стороны казалось, что у девушки внезапно случился припадок — она извивалась на шезлонге, отплевываясь и размахивая руками, как будто пыталась кого-то оттолкнуть.

«Не сопротивляйся мне! — шептал этот кто-то ей прямо в уши. — Я буду самым жарким и нежным твоим любовником!»

— Нет, нет, нет! — закричала Инга и зажала уши руками. — Я не сошла с ума! Я не сошла с ума! Это просто переутомление!

Она улучила минуту затишья и, резко вскочив, убежала в номер. Очугившись внутри, девушка с силой захлопнула балконную дверь.

«Глупая!» — прошелестело ей в спину.

Инга перевела дух и села на кровать.

«Глупая! — повторили рядом. — Ты оставила открытой форточку! И я снова с тобой... Ложись, я доставлю тебе неземное удовольствие...»

Ветер сначала похолодил стопы, потом начал забирался выше — обволок икры и колени, коснулся прохладным поцелуем бедер. Инга с криком бросилась в ванную. Следом по ногам нежно подул сквозняк: «Теперь нам точно никто не помешает...»

Девушка кинулась обратно в комнату, подлетела к шкафу и начала одеваться. Ветер рассердился — он рвал

из ее рук юбку, запутывал рукава блузки, трепал волосы. Инга выбежала из номера с таким видом, как будто за ней гнался маньяк–убийца. Горничная с удивлением проводила взглядом странную постоялицу, которая, застегивала на ходу блузку и что-то бормотала себе под нос, собирая волосы в неаккуратный хвост.

Инга сходила в лобби–бар выпила чашку кофе и постаралась успокоиться. «Это всего лишь ветер!» — она повторила фразу несколько раз, одновременно стараясь ровно дышать: когда-то занималась аутотренингом и решила, что сейчас это поможет.

«Мне все почудилось!» — перешла девушка к следующей ступени самовнушения. Через некоторое время ей стало легче, произошедшее наверху начало казаться чьей-то идиотской шуткой или временным помешательством. Инга решительно направилось к выходу. На улице было полное безветрие, и девушка облегченно вздохнула: «Мне все почудилось!»

Инга не спеша дошла до набережной. Ветра по прежнему не было. Присев на парапет, девушка засмотрелась на лениво–спокойное море.

«Кажется, такая погода у моряков называется “полный штиль” — подумала она и вдруг заметила, что от горизонта отделилось что-то черное. — Туча? Неужели будет дождь?»

Инга посмотрела на залитую солнцем набережную, подняла глаза вверх — на небе ни облачка — и снова тревожно уставилась на море. Черный столб стал ближе. Теперь было ясно видно, что это небольшой смерч. Он шел, петляя из стороны в сторону, вбирая в себя морскую воду и все, что в этот момент в ней находилось. Поднялся сильный ветер, и отдыхающие ринулись с пляжа. Они лезли через парапет, не разбирая дороги, увязая в песке, бросая по дороге вещи, с единственной мыслью — убежать от смертоносного столба. Ингу тол-

кали со всех сторон, но она продолжала сидеть и неотрывно смотреть на смерч. С невероятной скоростью тот приближался к пляжу. Уже можно было различить огромную воронку, уходящую прямо в кипящую воду. Что-то едва различимое, какие-то тени мелькали в чудовищно извивающемся рукаве. Пляж и набережная опустели, и только Инга по-прежнему не могла двинуться с места. Смерч вышел на сушу, и к бешено крутящейся воде добавился пляжный песок и мусор. Пара лежаков, краешком задетые воронкой, рассыпались, будто были собраны из спичек. Инге показалось, что сквозь завывание ветра она слышит грозные слова: «Я пришел за тобой! Ты должна быть моей!»

Словно во сне, Инга смотрела, как смерч катится прямо на нее. Волосы рвались с головы, точно безумные, блузка и юбка стремились утащить свою хозяйку из опасного места... И внезапно труба рассыпалась прямо перед парашютом. Ингу с ног до головы обдало брызгами воды и песка, что-то больно ударило по плечу...

«Я не могу взять тебя силой...» — грустно дунуло ей в ухо.

«Зачем я нужна тебе?» — беззвучно спросила Инга.

«Потому что я полюбил тебя...» — выдохнул ей в лицо ветер.

«Почему именно я? Ведь у тебя на пути встречается столько девушек!»

«Разве можно объяснить причины любви?» — бриз нежно потрепал ее по макушке.

«Но у меня есть Славик...» — растерянно подумала Инга.

«Но ты же сама хотела, чтобы он был похож на меня? Значит, я лучше...» — ветер игриво приподнимал подол юбки.

«Да, но...» — Инга не нашлась, что ответить...

...Девушка шла по набережной. На море снова ца-

рил полный штиль. А у нее то внезапно начинали развеваться длинные волосы, то пузырилась на спине рубашка, то вокруг ног закручивалась юбка... Девушка время от времени принималась весело хохотать, размахивать руками, но что ее так веселило, для удивленных прохожих оставалось загадкой...

...Через девять месяцев у Инги родился мальчик. Она назвала его Леван¹. Когда ее спрашивали, откуда такое чудное имя у ребенка, она честно отвечала: «Я назвала сына в честь его отца...»

Я подарю тебе Северное сияние...

В больничном коридоре около врача стояли двое мужчин: старик и молодой здоровяк.

— Что-нибудь можно еще сделать? — спросил молодой.

— Нет, Ким, это переохлаждение... Извини, врачи — не боги...

— Ах я старый дурак, зачем отпустил ее одну! — старик утирал кулаком слезу на морщинистой щеке.

— Не плачь, Матвейч... Север забирает самых лучших...

— При ней нашли диктофон, видно, она с ним не расставалась... Возьмите.

День первый

«...Выходить из самолета страшно: пять минут назад капитан борта Москва – Якутск объявил посадку и уточнил погоду в городе прибытия: минус пятьдесят градусов. Лично я не могу себе представить такой холод. На мгновение показалось, что я превращусь в глыбу льда, стоит только перешагнуть люк самолета».

¹ Леван (левант) — восточный ветер на Средиземном, Черном и Азовском морях (от Гибралтара до Кубани).

— Девушка, вы заснули? — недовольно спросил мужчина, стоявший позади миловидной девушки, одетой в ярко-красный пуховик, белый пушистый шарф и белую же вязанную шапочку с большим красным помпоном.

— Нет-нет... — Яна отпустила кнопку диктофона и заторопилась по узкому проходу, ловко переставляя ноги в щегольских сапожках на шпильках.

«...Первый же вздох обжег легкие. Я поскорее замоталась в теплый шарф так, чтобы только глаза торчали. В очередной раз (в какой по счету даже не припомню — давно сбилась) спрашиваю себя: зачем? Зачем я прилетела в этот холодный мир? Ответ, знаю, лежит так же глубоко в душе, как и вечная мерзлота в здешней земле.

Я прилетела за алмазами. Только не за камнями, а за тем, что составляет алмазный фонд культуры — за якутскими сказаниями, эпосом Олонхо и прочими легендами сурового края.

Неудачно проявив оригинальность, я выбрала тему якутских эпосов для диплома. Но, сидя в Москве, сложно проникнуться духом северных легенд настолько, чтобы написать более или менее сносное исследование. Вот и пришлось кланчить денег на билет до Якутска у родителей, потому что даже работающей студентке не осилить перелет в другое измерение. Моих подработок хватало лишь на половину, а еще надо будет на что-то жить в течение месяца, который я отвела себе на исследования».

— Вы сегодня выступаете в роли моего личного злого духа? — Мужчина с недовольным голосом не мог выбраться из люка — Яна снова загородила проход.

«Оглянулась и сразу же уткнулась в меховое плечо. Надо мной навис настоящий Боотур! Огромный, закутанный

в лохматую шубу из неизвестного мне животного. Только глаза сверкают из-под ушанки из того же меха, что и шуба. Удивительно: первый же человек, встреченный мной на земле мифов, — оживший герой Олонхо».

— Извините, — сдавлено пропищала девушка из недр шарфа, — очень холодно! Да и все незнакомое... Давайте я вас вперед пропущу, чтоб не мешать.

Посторонилась, и он, протиснувшись мимо нее, бегом спустился по трапу. И уже внизу обернулся:

— Вы слишком легко одеты для наших морозов! Надеюсь, вас встречают?

Яна отрицательно помотала головой.

«Боотур укоризненно покачал головой и... остался у трапа. Ждал, пока я спущусь. А у меня уже в московских кожаных перчатках пальцы застыли... Что уж говорить про ноги в сапожках!»

Новый знакомый сердито, но не грубо схватил девушку за руку:

— Пойдемте, я вас хоть до гостиницы доведу! Не хватало еще, чтоб вы в первый же день замерзли насмерть! Гостиница-то забронирована?

Яна лишь кивнула: открыть рот — значило выпустить последнее тепло.

В машине девушка немного пришла в себя, отогревшись.

— Спасибо! Я правда не ожидала, что у вас тут так холодно... Наверное, мне надо будет запастись какой то одеждой... Более подходящей...

— Командировочная, что ли?

— Я приехала диплом писать по якутскому фольклору... Студентка филологического... Кстати, меня Яной зовут. А вас? Неудобно не знать имя спасителя...

— Ким.

«Да уж, многословием якутские мужчины, судя по всему, не славятся. Ну и ладно! Я же не напрашивалась меня подвозить! Не хочет разговаривать — посмотрю в окно. Можно считать поездку первой обзорной экскурсией по столице Северного сияния.

Но за окном почему-то туман. Удивительное явление природы — туман при сильном морозе. Здания кажутся призраками, пришельцами из другого мира. А быть может, это заснеженная крона Великого Дуб-дерева раскинулась? Ну вот, меня уже на эпос потянуло, еще немного — и сама слагать начну сказания!»

До гостиницы доехали быстро. Ким-Боотур коротко кивнул на прощание:

— Одежку купить не забудь, студентка!

— Спасибо за заботу, случайный попутчик! — небрежно ответила Яна.

И вдруг добавила:

— Не ожидала, что мне прямо у трапа самолета попадется герой Олонхо!

Ким сначала не понял, но уже через секунду захохотал.

«Смех у него добрый. Я бегом отправилась в гостиницу, спать — перелет все-таки долгий, тяжелый, да еще и эта странная встреча с эпическим богатырем... Слишком много всего накопилось. Усталости, эмоций...

Кстати, в том, что Ким — потомок Нюргуна Боотура Стремительного, я не сомневаюсь!»

День второй

«Все утро посвятила покупке теплых унт и меховых рукавиц. Хоть финский пуховик оправдал надежды — гре-

ет исправно. А вот на традиционный меховой колпак из шкуры бобра пришлось изрядно разориться. Но пройти мимо этого чуда скорняжного искусства я не смогла! Богато расшитый, он манил примерить себя и обещал необычайное тепло и уют своему владельцу. Продащица назвала его дьябака. И такой колпак якутские женщины надевали на свадьбу.

У меня свадьба не намечается, но тепла хочется. И вот я, одетая в обновки, стою на пороге гостиницы и наконец понимаю, что минус пятьдесят — это еще не приговор. При условии, что ты одет по-якутски!»

Ким–Боотур объявился к вечеру. Неожиданно. Яна решила сходить поужинать и на ресепшен угодила аккурат в его широкую спину.

— Отлично! А то я уж отчаялся тебя дождаться! — обрадовался великан. — Ты ужинать?

— Хотела попробовать местную кухню, — призналась Яна.

— Отлично! — еще больше оживился Ким и увлек девушку за собой на выход.

«...Ресторанчик оказался до того маленьким, что я не понимала, как официантке хватает места проходить с подносами между густо натыканными столиками».

— Попробуй еще... — Ким как маленькую подчевал свою гостью. Стол был плотно заставлен разнокалиберными тарелками.

— Я больше не могу, — Яна с трудом заглатывала последнюю ложку наваристого супа из конины. — Как-то нехорошо лошадку кушать.

Ким рассмеялся над ее детской реакцией.

— Будешь в тундре — обязательно строганину попробуешь. Это настоящая еда!

— Кстати, насчет поездки к сказителю... Ты правда можешь устроить? Это так здорово! Я уж думала в Якутский универ ехать за помощью...

— Завтра водитель мой отвезет тебя на аэродром. Как раз самолет с грузом отправляется в Чокурдах, так и ты с ним...

«Моей радости нет предела — так все легко складывается, что не верится! Максимум послезавтра я уже буду в селении с труднопроизносимым названием — Чокурдах».

Но Ким прервал потоки благодарности, которые принялась изливать девушка:

— До зимовья, где сказитель обитает, на вездеходе придется ехать. Не забоишься?

Яна отрицательно помотала головой: такое приключение разве можно пропустить?!

— Тогда пошли обратно в гостиницу — тебе надо выспаться. Завтра в пять утра тебя будут ждать в холле. Вещей с собой — минимум. И... оденься теплее!

День третий

«...Утренняя поездка и сам перелет в маленьком, тряском самолетике почти не оставили впечатлений в памяти. Мне все время страшно хотелось спать: сказалась полубессонная ночь накануне — от волнения мне никак не удавалось заснуть. Но стоило погрузиться в дрему, как самолет ухал в очередную воздушную яму, и я в страхе просыпалась — казалось, что мы вот-вот рухнем.

Аэродром больше напоминал заснеженное поле, и я была поражена почти полным отсутствием привычной для столичного аэропорта техники. Так, стояли несколько самолетов, подобных нашему, да вертолет готовился на взлет, разметая снежную пороху вокруг себя... А больше и разглядеть

ничего не удалось — вся территория терялась в сумерках длинной полярной ночи... Я поискала глазами место, откуда шел скудный красноватый свет. Это солнце улеглось на горизонте и будет спать до яркого полярного лета.

...Здание, явно служившее чем-то вроде аэровокзала, по крайней мере, было достаточно теплым. Внутри ко мне подбежала служащая и попросила подождать — мой сопровождающий опаздывал. Не беда. Я свернулась клубком в кресле в зале ожидания и мгновенно заснула».

— Яна! Яна! Пора ехать, иначе до темна не доберем-ся! Я Володя, меня Ким просил вас встретить!

— Я только на минуточку! — сонно пробормотала девушка, пытаясь скрыть зевоту.

— Я вас минут двадцать уже бужу, а служащая сказала, что вы час как прилетели — и сразу спать! Скорее, вездеход прогреет, в нем и поспать можно!

«Я поплелась следом за своим проводником, толком даже не успев его разглядеть. Да и что можно увидеть в этом косматом существе, по уши закутанном в какой-то тулуп с шапкой, надвинутой на глаза?! Неудивительно, что легенды о снежном человеке такие живучие, встретишь такого вот «космача», точно за снежного человека примешь!

Громадина вездехода высилась почти возле самого крыль-ца. С трудом втиснувшись в кабину, я кое как разместилась на жестком сиденье. Через лобовое стекло виднелся поселок. В синих сумерках он выглядел точно как из детской книж-ки о Деде Морозе — весь обвешанный сосульками, приземис-тый, он, казалось, врос в снежную целину.

Пока мы ехали по улицам, нам лишь пару раз по-пался на встречу транспорт: джип да диковинная помесь «Нивы» с вездеходом. Около одного из домов мужчина интенсивно расчищал снег широкой лопатой».

Заметив удивление девушки, Володя сказал с усмешкой:

— Жизнь тут раньше марта не начинается. Как солнце начнет от горизонта отрываться хоть на немного, так и люди оживут...

Новый знакомый уверенно вел вездеход, поселок давно остался позади, пейзаж быстро наскучил — снег везде. Яна снова начала дремать...

Неожиданно синее небо пронизало зеленая молния. Девушка резко открыла глаза:

— Володя, это что было?

— Северное сияние. Сейчас еще прорежет...

«Померещилось? Но небо снова озарилось зеленой вспышкой и уже не погасло. Сияло несколько минут, переливаясь несколькими оттенками: малахита, нефрита и алмаза. Красотища! Будто радуга вытянулась по небу, но не дугой, как обычно, а плавным изгибом, и через весь небосвод. Я заворожено смотрела на чудо природы, мой проводник же едва бросил на красоту рассеянный взгляд. Вот что значит — привык!»

— Володя, а вы давно здесь живете?

— Да, лет пятнадцать назад на заработки подался, за алмазами... Богатства не добыл, а к краю привязался...

«...Зимовье тоже выглядело как сказочное — просторный рубленый дом, утопающий среди бескрайних снегов. Внутри спартанская обстановка: огромная печь — главный предмет мебели, широкий стол, стулья, шкаф в углу. Хозяин этой сказки такой сморщенный, что видно: больше сотни полярных ночей пережил».

— Принимай, Матвейч, гостью! Яной зовут, ее Ким прислал сказки твои слушать! — Володя громогласно представил свою пассажирку сухонькому старичку, ки-

вавшему головой в такт каждому сказанному слову. Девушка немного смущенно поздоровалась.

— И тебе здоровья, дочка! Хорошо, что уважила старика, приехала! Одиноко тут зимой...

— Матвеич у нас к важному делу приставлен — к рации. Вдруг в тундре беда случится: вездеход у кого застрянет, или посадку вынужденную вертолет совершит? Матвеич сигнал бедствия услышит, на помощь придет — у него вездеход здесь есть, стараниями Кима.

— А как вас по имени-отчеству?

— Так он Матвеич и есть! — Володя хохотнул, а старичок сказал неожиданно сильным голосом:

— Матвей Матвеевич я. Ты, Яна, как удобно тебе, так и называй.

День четвертый

«...От усталости я заснула вчера (или уже сегодня?) прямо за столом, уронив при этом ложку с какой-то похлебкой, и Матвеичу ничего не оставалось, кроме как показать мне гостевую комнату.

Утро принесло гордость собой — я сделала это! Я приехала за Полярный круг, на Крайний Север — севернее почти некуда! И для меня расскажет Олонхо настоящий мастер своего дела! Наверное, так же чувствовали себя первые покорители этих северных широт: мы молодцы, мы смогли! Хотя, чего лукавить, без помощи Кима-Боотура вряд ли я с таким комфортом и так быстро достигла бы своей цели. Но это лишь подтверждает, что любые чудеса возможны на легендарной земле!»

День пятый

«Матвеич сегодня несколько часов подряд нараспев рассказывал Олонхо. Я настолько увлеклась, что не только на часы

не смотрела, но даже заметки в заранее подготовленном блокноте делать забывала. Хорошо, что мой диктофон рассчитан почти на шесть часов непрерывной работы, потом еще раз прослушаю, смогу сделать записи. Перед моим внутренним взором рождались и погибали целые племена, богатыри и богатырки побеждали силы зла, добывали честь и славу, умирали, но на их место вновь приходили новые герои.

Что-то гипнотическое было в перемежении торопливого говора старика с плавными напевами. Пространство передо мной давно уже было закручено в спираль, центром которого был сам олонхосут.

Но не Матвеича видела я — он превращался в тех героев, о которых пел. Стоило чуть измениться ритму, и менялся старик. Он был молодым и сильным богатырем племени Айыы, он был послушною женою богатыря, он был младенцем, он был врагом из племени Абаасы, он был богами Верхнего мира, он был самым Аал Луук Мас — деревом мироздания...»

— Ну все, красавица, на сегодня хватит, а то ты того гляди в обморок упадешь... Экая ты чувствительная! — спокойный голос Матвеича вывел девушку из транса.

— Удивительно, вы даже не запыхались, а ведь... — Яна посмотрела на часы и ужаснулась. — Вы ведь пять с четвертью часов непрерывно пели и говорили!

— Пять с четвертью! — передразнил старик. — Было время, когда я по восемь–десять часов к ряду пел! А мой прадед мог без остановки петь сутки! Эх, было время... Сейчас старею, да и практики мало. Кто будет слушать столько времени сказки? Все сейчас торопятся, спешат... Вот Ким приедет иногда, ему и пою... Но он тоже деловой человек и приезжает не старика слушать, конечно. Но ничего, Ким уважительный к предкам и ко мне, старому... Тебя вот прислал, сказания мои записывать...

— А кто он, Ким?

— Большой человек в здешних местах... А остальное он тебе сам расскажет, красавица, если нужным сочтет.

«Остаток дня пролетел незаметно. Я прослушивала записи, делала пометки, старик занимался по хозяйству. Пару раз я предложила свою помощь — неудобно все-таки, старый человек работает, а я бездельничаю, но Матвеич только отмахнулся».

— Дома находясь, а здесь ты моя гостя. Уважь старика. Кстати, сегодня я тебе Олонхо в переводе читал с якутского. Между прочим, сам сделал перевод-то! — Матвеич гордо вскинулся. — Завтра на родном языке почитаю.

День восьмой

«...К концу восьмого дня пребывания у старика в гостях, я перестала понимать, где реальность, а где эпос с его мирами и богатырями. Мне стало казаться, что я сама превращаюсь в героиню Олонхо и вот-вот спущусь в Нижний мир, чтобы покарать злодеев Абаасы».

Матвеич читал и на русском, и на родном якутском языках, при чем по звучанию последний мне понравился больше, но кроме отдельных слов, знакомых по русскому варианту, остальной смысл ускользал. Правда, Матвеич всегда делал позже перевод для меня. Стопка записей Олонхо с диктофона растет, радуя меня хорошим, качественным материалом для диплома. Со стариком мы подружились и, если не занимались эпосом, он рассказывал мне о местных традициях и своем житье-бытье...»

Северное сияние вспыхнуло неожиданно — будто кто-то нажал невидимый выключатель. Над горизонтом

замерцала северная зарница холодными своими красками, отбрасывая сполохи в скудно освещенную избу.

— Матвеич, я пойду посмотрю?

— Иди, красавица, только далеко не уходи от дома! Северное сияние — оно знаешь, какое коварное? Уманит за собой, век дороги назад не найдешь!

Яна засмеялась над суевериями старика, оделась и вышла на мороз.

«Красота открылась такая, что я жалею, что с собой нет фотоаппарата! Небо надо мной сверкает! В этот раз сияние раскинулось от горизонта до горизонта. Чахлые сосенки рядом с домом под этим волшебным светом кажутся стройнее и величественнее, а само зимовье стало точной копией домика из сказки Бажова «Серебряное копытце» — так щедро разбросало оно по крыше свои драгоценные искры!

Зарницы то вспыхивают ярче, то ровно мерцают на синем бархате неба. Звезды даже светить стараются скромнее, чтобы не оттягивать на себя внимание восхищенных зрителей.

В переливах северного сияния я вижу все те истории, о которых мне поведал в эти дни сказитель. На небе происходят битвы и победы, рождаются и гаснут судьбы богатырей и их племен. Я должна лучше разглядеть развернувшиеся передо мной картины... Но горизонт по-прежнему остается недостижимым, как я ни спешу к нему...»

Незаписанное на диктофон

...Надо мной навис Боотур, странно похожий на Кима. Он предлагает мне стать его женой, уверяя, что в честном поединке завоевал право на сватовство. Надо мной раскинуло крону Древо мироздания, призывая присоединиться к легендам. Подо мной разверзся ледя-

ной мир, обещая показать еще более удивительные свои тайны.

«Останься!» — зовут они. «Останься!» — манит сияние.

Боотур берет меня за руку, помогает встать с ледяной кровати... «И когда я успела прилечь?» — удивленно думаю я.

Боотур молвит:

— Пойдем, Яна, я подарю тебе северное сияние! Ты же хотела его достичь? Теперь мы вместе будем создавать наши легенды, и в веках нас прославят все сказители Среднего мира!

Я доверчиво вкладываю ладонь в его большую и крепкую руку. И мы вместе делаем шаг навстречу северному сиянию...

Танцовщица

...Вероятно, мне больше ничего не остается, кроме как убить его. Убить — потому что ты никого не замечаешь вокруг. Убить — потому что ты не замечаешь меня. А ведь я каждый вечер сижу за правым угловым столиком кафе, прямо около сцены! Но ты стремительно проходишь мимо, лишь рассеянно бросив взгляд в мою сторону. Ни на мгновение не задержавшись, не уделив ни микрона внимания самому пылкому возлюбленному... Да, да, именно возлюбленному, а не поклоннику — иначе невозможно, иначе никак нельзя назвать то чувство, которое горит в моей груди вот уже несколько дней! И пускай ты еще даже не догадываешься о нашей связи, поверь, она есть! Прочная нить, соединившая наши сердца... Только он лишний! Он отнимает тебя у меня, уводит в свой мир! Мир, где мне пока отведено только место зрителя.

...Вчера ты снова промелькнула мимо, взмахнув пышными юбками, обдав меня неповторимыми запахами. Легко вспорхнула на сцену и замерла в грациозной позе фламинго. Зазвучали гитарные переливы, голос кантаора¹ подхватил их и повел дальше, а ты ожила. Дрожь прошла по твоему совершенному телу, затрепетали руки, и ты ответила страстным призывам музыки и стихов. Нет таких слов, которые могли бы передать всю живость твоего танца! Стук каблуков не заглушал слов песни, голос певца вел тебя дорогой любви к нему. Ты и страдала, и плакала, и дарила себя ему снова и снова. Гитара то смолкала на полу-аккорде, замороженная гибким извивающимся станом твоим, то с неистовой силой обрушивалась новыми переборами, заставляя тебя двигаться еще стремительнее.

...Сегодня я даже не смог досмотреть до конца твое выступление... Выбежал из кантанте² и долго блуждал по темным узким улочкам, совершенно не разбирая пути. Очнулся на берегу. Море катило свои пенные барашки на берег, и я снова вспомнил тебя — вот так же воланы твоего огненно-пестрого платья ходят приливами и отливами по твоим ногам.

...Как жестока судьба, забросившая меня в этот дрянной городишко на Андалузском побережье! Жестока, потому что я не обрел тебя, но потерял себя. Я был обречен с того момента, когда черт дернул меня спросить портье, что интересного можно здесь посмотреть, а он назвал адрес этого кафе. Жена, теперь уже бывшая, ушла после первых же нескольких минут представления, увидев, как быстро и прочно твои чары околдовали мое сердце. Но потеря той женщины — это не главное! Наоборот, теперь я свободен от всех обязательств и могу отдаться тебе весь! Я уже растворился в той музыке, что тебя окружает.

¹ Певец фламенко.

² Кафе, где звучит музыка фламенко.

...Начал учить испанский — ведь я так хочу поговорить с тобой! Накануне я кинулся тебе под ноги и заговорил о своей любви... А ты только беспомощно улыбалась на мой далекий от совершенства английский и жалкие крохи испанского! Мне потом сказали, что ты все равно никогда не поймешь меня, потому что безумна. Кажется, именно так сказал бармен: «*She is crazy!*»¹. Еще он сказал, что тебя интересуется лишь *он*. Но я не верю ему! Я верю в то, что ты все таки обратишь на меня внимание! Я счастлив, что смог хотя бы на несколько минут похитить тебя у него! И пусть ты не сказала ни слова — я верю, что связующая нить стала прочнее!

...Ты снова не узнала меня! Как будто и не было тех секунд близости! Я схватил тебя, проходящую мимо, за руку и прошептал «*buenas noches*², *amor*³», а ты вырвалась и посмотрела сквозь меня, будто душу прожгла.

...Сколько образов живет в тебе, *amor*? Сколько вечеров подряд я прихожу на твои выступления и ни разу не видел тебя одинаковой. Иногда твоя страсть способна устроить пожар в кантате, иногда ты плачешь вместе с гитарой, иногда нежно подпеваешь кантаору. Ты будто диковинная птица, и цветастая шаль — твои крылья. Ты — гремучая змея, и кастаньеты подтверждают это трескучим перестуком. Но никогда не ты существуешь отдельно от *него*. Только *он* дает тебе многоликость и многогранность. Как я ревную! Ненавижу его и в то же время не могу оторваться от тебя — *его* байлаоры⁴.

...Казалось, невозможно полюбить тебя больше, чем я уже люблю. Но как же жестоко я ошибался! Нынеш-

¹ Она сумасшедшая! (англ.).

² Доброй ночи (исп.) – приветствие после 8 часов вечера.

³ Любовь (исп.).

⁴ Танцовщица фламенко.

ним вечером токаор¹ начал исполнять особенно пламенную мелодию. Ты будто взаправду обезумела. Твои руки, тело, платье превратились в сплошной калейдоскоп причудливых фигур.

...Я уже немного понимаю по-испански, поэтому смог разобрать, о чем поет кантаор, и твой танец предстал передо мной в совершенно новом свете. Это была песня о женщине, которая сгорела в огне страстей! Страстей, которые дарил ей *он!* Как стонала гитара! Так вот, где прячется мой соперник! Токаор перебирает не струны инструмента — он перебирает струны твоего сердца! И ты становишься послушной марионеткой в его руках.

...Ты необычно задумчива в последние несколько вечеров. И даже выступления приобрели печальные оттенки. Гитара все больше плачет, а кантаор поет о женском одиночестве... Быть может, ты страдаешь от невозможности быть рядом со мной? Смею ли я на это надеяться? Но вдруг... Вдруг ты заметила мою преданность, мое обожание! Я же засыпаю тебя цветами! Я иду за тобой до твоего дома, хотя ты редко ночуешь там. Обычно ты до рассвета бродишь по улицам. Мне кажется, что во время прогулок ты все еще находишься под впечатлением от очередной встречи с ним. Уличные плюшки и хмельная матросня часто кричат тебе в след обидные слова, но я знаю, что ты не слышишь их. В твоей голове всегда звучит его музыка. Но я рядом, а вот, я смогу защитить тебя от грубой реальности! А если понадобится, то и от *него*.

...Вероятно, мне больше ничего не остается, кроме как убить *его*...

¹ Гитарист фламенко.

* * *

Из материалов газеты La Vanguardia (Испания):

Сумасшедший фанатик сжег танцовщицу

В среду вечером турист облил бензином начинающую, но подававшую большие надежды, танцовщицу. Девушка мгновенно вспыхнула факелом. К сожалению, спасти ее не удалось. Убийца арестован. Он определен в тюремную психиатрическую лечебницу для установления возможных психических заболеваний. В настоящее время полиция города В. ведет расследование. Установлено, что до трагедии преступник некоторое время преследовал девушку. Испанская культура понесла невосполнимую потерю...

* * *

...Ты снишься мне каждую ночь. Я вижу, как ты танцуешь, вся объятая языками пламени. Это был твой главный танец, самый страстный, самый красивый... Я стоял рядом, кажется, меня схватили какие-то люди, не помню, потому что это неважно... Я смотрел только на тебя. Все замерли в ужасе, но ты продолжала танцевать, и неслышимая музыка окутывала тебя так же плотно, как и очищающий огонь. И только с последними беззвучными аккордами ты рухнула на сцену бездыханная.

Глупец, я верил, что освобождаю твою душу из рабства Танца, но лишь погубил твоё тело. Душа байлаоры вознеслась на небо под музыку безумного Flamenco¹...

¹ Музыкально-песенно-танцевальный стиль фольклорного искусства Испании.

Зинаида Кокорина

«Раз словечко, два словечко...»

Весеннее солнышко ласково пригревало лицо, шею, пробиралось под легкую светло розовую курточку спортивного костюма.

*Раз дощечка, два дощечка — будет лесенка.
Раз словечко, два словечко — будет пе-сен-ка!*

Навязчивая песенка не выходила из головы Настеньки.

— Вот привязалась... — улыбалась, тихонько напевая, девочка и, доверяясь теплым лучам, позволила себе расслабиться на пригретой лавочке возле дома бабушки, и даже попыталась вытянуть ноги... но тут что-то легкое подкатилось к ним и уперлось в носки. Настенька замерла, боясь наклониться и потрогать это, хотя подсознательно опасности не ощущала.

Зашуршали приближающиеся шаги, и оживленный голос подростка недовольно выкрикнул:

— Ну что же ты?.. Неужели трудно пнуть мячик?! Заставляешь бежать сюда...

Настенька внутренне выдохнула и улыбнулась. Теперь понятно: неподалеку слышались голоса ребят, играющих в футбол и, вероятно, их мячик прикатился к ней.

— Он, наверно, захотел поиграть со мной, — пошутила девочка, — так зачем же я буду его отбрасывать?!

— Странная... — миролюбиво отозвался футболист и, подхватив мяч, помчался назад.

— Пинай, Серый!.. — донеслось до Настеньки. Голоса возбужденных мальчишек, то отдалялись, то снова приближались. Игра была в разгаре.

— Раз дощечка, два дощечка... — Какая-то теплая волна вдруг прокатилась внутри и влилась в солнечное настроение девочки. Захотелось запеть во весь голос! Но не могла же она себе этого позволить, да и пора уже было возвращаться домой. Наверняка бабушка беспокоится, все глаза проглядела в окошко: «Я сама, я сама! Вот ведь настырная... а ты тут изводишься за нее. Ну да ладно, пусть хоть на каникулах расслабится и проявит самостоятельность. Умница-то какая! Не знай, что слепенькая, так и не догадаешься. Вон как уверенно держится!»

Настенька почти открыла калитку во двор, как вдруг опять услышала приближающееся шуршание мяча и догоняющие его шаги. Замерев на секунду, девочка повернула голову:

— Серый, это ты?!

Молчание и недоуменный вопрос:

— У тебя что, сзади глаза?.. А откуда ты знаешь, как меня зовут? — Ну не будет же он признаваться, что специально запнул сюда мяч. — Я не видел тебя здесь раньше. Ты в гостях?

— Да, я приехала к бабушке на каникулы. — Настенька осторожно повернулась, и подросток мимолетно отметил, что смотрит она не на него, а куда-то вдаль... и в руках у нее не длинный зонт, как ему показалось раньше, а тросточка.

Только одно мгновение выдало состояние девочки. Перед ним стояло милое создание с сияющим лицом и задорной улыбкой.

— Такое впечатление, что ты поешь! — Серезке как будто передалась волна ее теплого настроения.

— А ты что, умеешь читать мысли? — и девочка задорно повернулась на открывающуюся из дома дверь.

— Ну что, Настена, нагулялась? — и женщина со смеющимися глазами взяла ее за руку. — Уж не в футбол ли собралась играть?!

— А что, можно и попробовать! — засмеялась девочка.

— Пообедаешь, выходи, научу! — подзадорил удаляющийся голос. И мячик, отскакивающий от руки подростка, ритмично отстукивал по земле: «Раз дощечка, два дощечка...»

— Ну вот, только приехала, а уже и друга себе нашла. Серезка наш сосед. Тоже приезжает на каникулы. Хороший парнишка, — радовалась бабушка настроению внучки.

Однако после обеда она почему-то категорически воспротивилась отпустить Настю гулять одну.

— Я тоже хочу прогуляться, пока солнышко радуется, да и с соседями пообщаться.

На улице было действительнолюдно. Радовались хорошей погоде и взрослые, приводившие в порядок дворы, и детвора, отдыхающая от занятий, и воробьи, шустро порхающие с веток к подсыхающим лужицам и обратно. Мальчишки, видимо, уставшие от футбола перед обедом, оседлали велосипеды или гоняли на скейтбордах, и только два подростка лениво перекидывали ногами друг другу мяч вдоль дороги.

Заметив прогуливающихся дам, они отошли в сторонку и один из них, подбросив мяч, подкатил его к ногам Настеньки: «Пинай!» Узнав знакомый голос, девочка усмехнулась и с силой ударила по мячу! Всем стало смешно от такого неожиданного поворота дела.

— Ничего себе ударчик!.. — воскликнул второй подросток. — Тебя можно брать в нападающие!

— А давайте так, — предложил Сережа, — Настя будет пинать, а мы с Костяном по очереди отбиваем... или перехватываем — кто быстрее.

Так и порешили. Началась оживленная игра. Бабушка некоторое время аплодировала ударам девочки по мячу и азартно кричала «Го-о-ол!». Вскоре она сказала, что пора заниматься делами и что она доверяет внучку ребятам, надеясь на «мужское» внимание к даме.

Вдоволь надурочившись и насмеявшись друг над другом в забавной игре, ребята уселись на лавочку.

— Загоняла я вас, вратари?! — подшучивала над ребятами Настя.

— Это кто кого загонял... — не сдавался Костя, — смешно играть с девчонкой! Те, которые приезжают сюда, такие воображалы и задиры, все им не так. А у тебя удар такой сильный. Занимаешься спортом?

Услышать ответ ему не удалось.

— Кости-и-ик, иди-ка помоги мне! — послышался женский голос из ближайшего двора.

— Пока, ребята! Не скучайте, — и подросток солидно удалился.

Молчание несколько затянулось.

— Что ты молчишь? — спросила Настя.

— Так ты же не ответила на вопрос Кости. Расскажи о себе...

— А ты о себе...

Вообще-то для обоих подростков обстановка была непривычной. Одно дело в школе, где Сережа уже шесть лет учится с ребятами, с первого класса. Все давно привыкли друг к другу: девчонки постоянно воспитывают ребят, шлепают ранцами, пишут записки, а те — или дергают обидчиц за волосы, или попросту не замеча-

ют их и, уединившись, не отрываются от телефонов и смартфонов.

А у Насти жизнь протекает по-иному. Учится она в школе–интернате для слабовидящих. Там тоже общаются, узнают друг друга по голосам и чувствуют на расстоянии, отдают себя любимым занятиям. Таким увлечением для Насти давно стала гимнастика. Ее мечта — получить высокий разряд и выступать на соревнованиях. Она и сейчас уже достигла хороших результатов и даже получила диплом за участие на областной паралимпиаде.

С взаимным интересом ребята узнавали друг о друге все больше и больше, когда оставались вдвоем. Настя, сделав утреннюю разминку и пробежку под присмотром бабушки, с нетерпением ждала, когда же ее новый друг устанет от общения с пацанами и забежит к ней во двор. А у Сережки и желание-то совсем пропало общаться с ребятами, но надо было, ведь не поймут же они его привязанности к девчонке, да еще и цепляться начнут с дразнилками, и Настю могут обидеть. А мысли все были рядом с ней: хотелось, и поддержать, и больше узнать о ее характере. Она обладала каким-то внутренним притяжением, завидной силой воли, но вместе с тем казалась хрупкой и незащищенной. Однако при всем при этом она никогда не вызывала чувства жалости к себе.

А на четвертый день небо с утра вдруг прослезилось, да так обидчиво, что залило все дворы и дороги, и, по всей видимости, еще долго не собиралось разгонять свою грусть. Настя сидела дома, то пытая бабушку о годах ее молодости, то без большого энтузиазма надевая наушники, чтобы потренировать память школьной программой или просто послушать музыку.

Расстроенный Сережка, подгоняемый каким-то трепетным волнением, несколько раз выходил под на-

вес и подолгу стоял в ожидании. Казалось, что вот-вот прекратится этот предательский, так не ко времени начавшийся да еще затянувшийся дождь, совсем не сочувствующий детям, приехавшим сюда всего на несколько дней отдохнуть. Ну должно же, должно появиться такое желанное, а сейчас просто необходимое солнышко и разогнать эту дождливость! Но дождевые тучки как назло стремились именно сюда откуда-то с запада небольшими растрепанными клочками, обещающими раствориться еще там, далеко, но прямо над головой притягивались друг к другу ртутными шариками и превращались в дождевую тучу, нехотя и тяжело уступающую место такому же отвратительному, лениво льющему слезы монстру. Безнадежно постояв так в очередной раз, уже после полудня, подросток печально вздохнул и направился в дом.

— Что скучаешь? — раздался от калитки голос Кости. — Давай порулдим на великах.

— Да ну, — отмахнулся Сергей, — по лужам нет желания.

— Понятно... друг называется. Ну и жди свою инвалидку... по лужам-то и она не побежит разминаться.

Словно сразу несколько разрядов: и ярости, и обиды, и боли — пронизали Сережку! В секунду он оказался возле друга и дернул за куртку так, что разлетелась молния и тот еле удержался на ногах.

— Ин-ва-лид-ка! Да ты... ты... — отчаянно тряс он друга, — как же ты можешь! После этого ты мне больше не друг! Видеть тебя не хочу...

Со всех ног Сережка бросился в дом.

— Что с тобой?! — воскликнула мама, удивленно глядя на рыдающего сына.

Случилось что-то невероятное! Он же никогда не плакал, даже в тот единственный раз, когда отец крепко врезал ему, десятилетнему мальчишке, ремнем за то,

что тот сел без разрешения за руль автомобиля и въехал задом в дощатый забор. Тогда сын сам крепко испугался и осознал, что был наказан заслуженно. Что же случилось теперь?

— Мама, давай завтра уедем домой... Он назвал Настю инвалидкой... Мама, ты тоже о ней так думаешь?

— Да что ты, сынок! Потому ты и расстроился так, что он не прав. Настя настоящий друг. Просто Костя ревнует тебя к ней. Успокойся. Завтра будет хороший, солнечный день, и все опять изменится. Все будет хорошо!

Плохо спалось Сережке. Как только он погружался в сон, появлялась Настя с грустным, искаженным от злого смеха лицом: «Ин-ва-лид-ка!»

— Не-э-эт! — кричал как в бреду метавшийся подросток.

За ночь небо совсем очистилось от серости, и ранний рассвет заалел медленно выплывающим из-за горизонта солнышком, которое, постепенно озаряя небосвод, снимало с него маску грусти. Как только первый лучик коснулся краешка окна, Сережа забылся в глубоком сне.

Не хотелось просыпаться. Чья-то рука ласково теребила и поглаживала волосы, и смеющийся мамин голос проникал в сон. Сережка открыл глаза. Мама с чашечкой чая, сидела на краешке его кровати, с тревожной улыбкой поглядывая на него, а рядом... стояла Настя.

— Вот разоспался, сонюшка. Уже все лужи просохли. Каникулы-то не закончились, мальчишки тебя ждут не дождутся.

Смущенный подросток резко сел и потянулся к ладони девочки, словно хотел убедиться, что это не сон. За окном послышалось какое-то царпанье. Подойдя, мама приоткрыла раму, и на подоконнике появился футбольный мяч, а за ним — голова Кости:

— Серый! Настя! Ну, чего вы?.. Так не пойдет, оставили меня одного... Насть, а кто напевал, что вместе весело шагать по просторам?! Не представляю, друзья, что бы я делал здесь без вас на каникулах! Ло-ви-и-и!

Прямо от окна мячик полетел в Серезжку и Настю, и одновременно взметнувшиеся руки друзей перехватили его. Ладонь Сергея крепко прижимала к мячу ладонь Насти.

Наталия Букан

Родилась в Москве. По воле судьбы детские и школьные годы прошли в Архангельской области, в Котласе, городе, ставшем для нее малой родиной...

Окончила Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) по специальности инженер-электромеханик. Работала в проектных и конструкторских бюро в Риге, Ленинграде – Санкт-Петербурге, где живет по настоящее время.

Не иначе как благодаря генетической предрасположенности Наталии к слову (дед, журналист С. Г. Озеросский, вел блок в газете «Речь» еще в царской России), ее разнообразные жизненные впечатления порою выливаются в рассказы.

Публикуемый рассказ «Бусы для Таисии» занял 2-е место в номинации «Проза» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Бусы для Таисии

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья
И вместо сердца — пламенный мотор...*

Рвущийся из репродуктора задорный оптимизм добавляет огонька и без того приподнятому настроению Таисии, она начинает подпевать и пританцовывать, ведь для радости так много причин! Взять хотя бы то, что в этот весенний воскресный день тысяча девятьсот двадцать восьмого года ей исполняется двадцать пять лет! И еще! Нынче же в военной школе морских летчиков состоится смотр летной подготовки на поплавковых самолетах МУ-1 и новых летающих лодках «Савойя»! Настоящий праздник-испытание для ее мужа — начальника школы, для инструкторов, учлетов... Для всех! Позади учебные задания, волнения... И вот — показы мастерства, восторги зрителей и восхищенные взгляды влюбленных в авиаторов мальчишек! И не только их.

*Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ...*

Она убирает звук и подходит к окну. За сияющими стеклами блестит, переливается бухта Голландия, проворный катер мчится к Килен-бухте, а дальше — в пронизанной солнцем воздушности купается утренний Севастополь. Тая открывает окно, аромат пенящейся сирени и шум проснувшейся округи влетают внутрь. Оса неувидимыми зигзагами стремится к охалке красных

маков, волшебному кусочку Крымской степи, привезенному домой на новеньком наградном «харлее».

Ах эта поездка в весеннюю степь! Лучезарный свет, душистость ранних цветов и терпкой молодой полыни... Это головокружащее раздолье с серебристым звонком жаворонков в бездонном поднебесье, таком же синем, как глаза у Лео. Она, и только она зовет мужа этим именем, одним из двух, данных ему в младенчестве при крещении...

Тая прислушивается к шорохам в детской и приоткрывает дверь — проснулись! Серьезный четырехлетний Миша, или Михалка, как ласково зовет отец, уже стягивает с себя ночную пижамку, и маленькая Иринка, с бронзовыми, как у мамы, кудряшками, трет спросты глаза.

— Ах вы, мои сокровища! Доброе утро! Помните ли, что нас ждет сегодня?

— Гидр-родр-ром, — Миша старательно выговаривает звук «р». — А папа будет летать?

— Конечно будет! Он уже давно там, и, если мы хотим все увидеть своими глазами, надо поторопиться!

— Ой, мамочка, поздравляем тебя с днем рождения! — спохватывается сынишка, вовремя вспомнив отцовские вечерние наставления...

Тая берет в руки подарок мужа, бусы из черноморского янтаря, похожие на связку темных виноградин, с крупной посередине и плавно убывающими по бокам. Примеряя их при Лео, она увидела вспыхнувшее в его глазах восхищение и как будто бы удивление. Да ей и самой кажется, что бусы словно созданы кем-то специально для нее! Она вглядывается в вязкую глубину необыкновенного цвета. Бордо? Нет, красное вино с гречишным медом, замешенное на солнечном сиянии. Прямо какие-то стуски счастья, а не бусины! Она гладит пальцами, перекачивает согревшиеся в ладонях шарики

и, чтобы еще полнее ощутить теплоту этого волшебного янтаря, поднимает бусы к горлу и перекручивает их сзади петлей... Только так, вплотную прилегающими к шее, Таисия будет носить их всю жизнь.

...Не хватало воздуха, что-то невидимое мучило ее, душило. Она растегнула ворот кофты. Вот оно что: бусы охватывали шею плотным живым удавом, больно впивались в кожу невесть откуда взявшимися острыми шипами! Тая задыхалась, торопливо распутывала заднюю петлю, но та не поддавалась. Она звала Лео и не могла дозваться, судорожно пыталась разорвать нить и... проснулась от собственного хрипа. Ощупала себя — никаких бус, конечно же, не было. Вздохнула — дышалось свободно, насколько позволяла духота в теплушке с двойными нарами, где на тюфяках вповалку спали женщины. Перестука колес и привычного покачивания не ощущалось. Вагон, направлявшийся поздней осенью сорок первого года на Север из Акмолинского лагеря для жен изменников Родины, стоял. Ночные всхлипы, вскрики были привычны для обитательниц этого замкнутого пространства. К тяготам заключения, разъедающей горечи несправедливости с началом войны прибавилась пугающая неизвестность о судьбах близких в страшном круговороте событий.

Кошмарный сон показался Таисии зловещим предзнаменованием. Разбередил он и боль, сидевшую в ней с той декабрьской ночи тридцать седьмого года, когда был арестован муж. По Москве, куда он был переведен из Севастополя задолго до этих событий, ползли слухи, будто приговор «десять лет без права переписки» на самом деле означал расстрел. Она содрогнулась... Лео — враг народа?! Трудно было представить что-либо более неправдоподобное. Непрошенные доброжелатели настоятельно советовали ей публично отказаться

от мужа. Такие объявления иногда попадались на глаза в газетах...

— Ты не сделаешь этого! — раздался однажды голос сына, неожиданно возникшего рядом во время подобного разговора.

— Конечно не сделаю, не волнуйся, — Тая погладила его по голове и мягко оттолкнула подальше от своих собеседников.

О чем они говорят? Отказаться от мужа. То есть согласиться с возведенными на Лео обвинениями, предать его? И как она жила бы после этого? Как смотрела бы в глаза детям, в том числе и недавно родившейся малышке?.. Дети... Нет, они не попали в детский дом. Мать и братья Таисии забрали их к себе, в Ленинград. И она была за них спокойна, но только не теперь. Как ни гнала от себя мысли о блокаде, бомбежках, страх кружил, цеплял и при малейшем попустительстве заполнял все поры леденящим ужасом.

Ночь наполняла вагон мраком и знобкой сыростью. Под потолком мутным пятном отражался тусклый свет из маленького окошка. С открытыми глазами, еще во власти сновидения, Таисия слушала уличные постукивания, грохот, громкие объявления. Большие станции, как раз и навсегда заведенные механизмы, не прерывали своей работы ни днем ни ночью. Их звуки были хорошо знакомы: теплушкам нередко приходилось подолгу простаивать на запасных путях, пропуская вперед эшелоны, идущие к фронту.

— Где мы? — тихо проговорила Тая наугад в темноту. И с верхних нар ответили:

— В Шарье.

Шарья! Слово засело занозой и не отпускало. Что же было с ним связано в прошлом?.. Что?.. Вспомнила! В небольшом городке с этим названием работал земским врачом отец ее невестки, жены брата. Что, если

он по-прежнему здесь? Что, если попробовать передать записку? Все местные наверняка его знают... От нечаянно возникшей идеи, сначала робкой, но постепенно все больше и больше распалявшей ее воображение, Таисии стало жарко. Она беспокойно задвигалась на своем месте, задышала, как в лихорадке... Да она просто обязана воспользоваться этим пусть зыбким, пусть вовсе не многообещающим, а все-таки — шансом!

И тут же из чьей-то бережно хранившейся записки ей выдали бумагу, карандаш, в фонаре опять затеплили свечной огарок, погашенный дневальной после вечерней переклички. И записка, свернутая треугольником, с именем доктора, была выброшена на волю.

Вера в успех, как на ржавых качелях, со скрипом взбиралась вверх и тут же слетала вниз, и опять — вверх-вниз... Но где-то в глубине подспудно таилась надежда на то, что не просто так добивались ее пробуждения бусы! Звучало, однако, нелепо. Впрочем, в поверьях разных народов янтарь почитался как живой камень, имеющий душу. И хоть его в этот момент не было при ней, но, коль речь о душе, то и расстояния — не помеха? Что только не придет в голову!

Ей вспомнились цветная мозаика разноликого сева-стопольского рынка и она сама, счастливая, в окружении этого многообразия. Древняя турчанка в монистах, коричневым узловатым пальцем поманившая к себе Таю, сверкнув глазами на бусы, наказала: «Носи всегда! Этот цвет самый сильный... — и, видимо, приняв улыбку за сомнение, строго потребовала: — Говорю, носи!»

Она и носила! С ними было уютно, и дошло до того, что никто из близких уже не мог представить себе Таю без бус. Они стали естественным продолжением ее лучистых золотисто-карих глаз...

Где-то поблизости чихал, сипел паровоз. Вскоре он бойко пропыхтел мимо, обдав теплушку дымной гарью.

Вагоны дрогнули от прокатившегося толчка. Отправление?! Таисия инстинктивно вскочила, будто собираясь что-то предпринять. Но что она могла? А могла она лишь отчаиваться, оттого что неведомая сила, поманив, посмеялась над ее ожиданиями и теперь возвращает все на круги свои...

Состав между тем медленно маневрировал, пока не добрался до формировавшегося поезда. Остановился. Надолго ли? Сидя на нарах, опустив голову, она раскачивалась, как маятник, взад-вперед, стараясь успокоиться. В конце концов, записку могут подобрать и после ухода поезда; главное, она сообщила свой новый адрес, и ей обязательно скоро напишут, а теперешнее отсутствие писем еще ничего не значит, они и раньше, бывало, пропадали...

Но, чу! Кто-то повторяет ее имя?! Снаружи! Она всем телом подалась навстречу звуку. Зашевелились и соседки. «Тая... Тая... Тая...» — опять! Зов приближался, и из окошек состава поочередно раздавались ответные возгласы, смех, а то и ругань. Одновременно пронеслись угрожающие окрики охраны. И вагон «взорвался»! Растревоженные женщины топотали, яростно колотили в дверь, сыпали проклятия на охранников!

Она неуклюже — мешал недавно заживший перелом ноги — взобралась на приставленный к стенке высокий табурет, припала к зарешеченному окошку и крикнула: «Я здесь!» Слабый свет со стороны вокзала падал ей в глаза, а лица стоявших на соседнем пути оказались в темноте.

«Пришли... дорогие мои, хорошие... Не побоялись!» — Тая еще даже не поняла, кто эти трое, а все накопившееся, как бывает в таких случаях при виде родных людей, уже готово было пролиться слезами. Но она сдержалась — рядом с невесткой, которую узнала с первых же слов, и сестрой невестки стояла... Иринка?... Да!

Не могла она ошибиться, это была ее выросшая девочка! Какой-то она стала за три прошедших года?

— Ирочка... — Таисия всматривалась сквозь сумрак осенней ночи, а черты ускользали, растекались, превращались в расплывчатые кляксы. Невестка торопливо говорила и говорила — о спешной эвакуации, болезни матери, об уходе Миши добровольцем на фронт... Временами опасливо оглядывалась на конвоира, но тот молчал.

Внезапный луч света вынырнул из темноты, заметался по вагонам, разыскивая кого-то, и следом появился путевой рабочий, решительно направившийся прямо к ее посетителям. «Уж не он ли и привел их сюда?» — мелькнула мысль, и еще подумалось, что записки возле вагонов с заключенными вряд ли были большой редкостью для железнодорожников, но все ли принимали их близко к сердцу, так, чтобы быть готовыми откликнуться, помочь? И Таю захлестнул прилив горячей благодарности, любви к этому человеку, а слезы вылились-таки из глаз — когда он своим поднятым фонарем осветил Иринку.

— Мамочка, смотри, какие у меня косы, — вагон вдруг дернуло, рядом зашипело, засвистело, окуталось клубами пара, и поезд тронулся. Стоянка оказалась короткой.

Вот уж исчезла полуосвещенная станция, и тьма поглотила теплушку. Как полный штиль приходит после шторма, так и здесь после бурного всплеска установилась тишина. Тая не спала, не могла отойти от встречи, этого живительного глотка, уже придавшего ей сил на оставшиеся два года. Она прокручивала подробности, вновь видела в свете фонаря напуганное и несчастное, узнаваемо-родное личико, пушистые косички из-под белого беретика. Думала о том, с какими чувствами осталась на опустевших путях ее дочка. Возвращалась ко

сну, с которого все началось, и жалела, что не догадалась спросить, берегут ли они ее бусы...

Ранним утром по хрусткому снегу Таисия медленно шла домой, к бараку, стоявшему на высоком берегу широкой северной реки. В конце ноября сорок пятого года на дворе стояла настоящая зима. Здесь, на Севере, будучи еще в заключении, Таисия начала работать в зоне по своей специальности, врачом. И после освобождения вот уже два года оставалась там же вольнонаемным начальником медсанчасти.

Она медленно шла домой. У нее на руках, в лазарете, этой ночью умер ее Миша, вернувшийся с войны тяжело больным. Позже, когда появится спасительное для его случая лекарство, она будет приходить в отчаяние при мысли о том, что, произойди это хотя бы на полгода раньше, сын был бы жив... А сейчас она медленно по хрусткому снегу шла домой.

Обе дочери уже знали. Няня, давно ставшая членом семьи, родная и любимая с Мишиного рождения, ночью была тоже при нем. Вернувшись домой раньше Таи, она молилась в углу перед своими иконками. Опухшая от слез Иринка помогла матери раздеться и, глядя на бусы, испуганно спросила:

— Мама, а что с твоим янтарем?

— Не знаю, — отмахнулась Таисия, — а что с ним?

— Мамочка, ты посмотри сама. Мне ведь не кажется?

Тая сняла бусы — на каждой бусине виднелся едва заметный туманный ободок, как будто вглубь попала капля какой-то мути. Это не вызвало ни удивления, ни огорчения. Ей было все равно. Она машинально опять надела на себя янтарь, привычным движением подтянула его вверх и закрутила сзади.

Через месяц, в преддверии Нового года, медсанчасти выпала трудная бессонная ночь: пришел большой этап,

который предстояло пропустить через медосмотр. В последнее время такое бывало не часто, в отличие от периода до лета сорок пятого года, когда этот обширный, мрачный лагерь служил одновременно и пересылкой. Тогда этапы тяжелыми, черными волнами накатывали один за другим. Здесь были «ворота» на Север. Вновь прибывшие рассортировывались по пунктам дальнейшего следования и по состоянию здоровья. В зоне имелся вместительный, в несколько бараков, лазарет. В него и направлялись снятые с этапов больные, истощенные, подчас недержавшиеся на ногах люди, коих бывало немало. Среди них Таисии порою мерещился Лео.

Новое пополнение уже выгружалось на санобработку из вагонов, стоявших на подъездных путях, у зоны. Она заранее запаслась табаком и чифирем. Несколько глотков последнего помогали сохранять бодрость лучше, чем что-либо другое.

Под утро, когда в голове уже стоял звон, Таисия не сразу заметила, как очередной заключенный, войдя в кабинет, тотчас заинтересовался ее бусами. Он часто останавливался на них внимательный взгляд и наконец задал вопрос:

— Давно у вас янтарь?

Этот пожилой литовец из Каунаса оказался ювелиром. И пока она после краткого ответа размышляла, уместно ли спросить о причинах перемены в бусах, литовец сообщил:

— Он умер.

Таисия вздрогнула:

— Кто?!

— Ваш янтарь умер.

Эти слова были так неожиданны и столь удивительны, что она даже не нашла, что сказать, только недоуменно посмотрела на сидевшего перед ней человека...

— Жаль, что ты его не расспросила, мама. Как понять — умер? — сокрушалась дома Иринка.

- Долгие разговоры были не к месту.
- Но этот человек, он ведь теперь в нашей зоне?

Тая утвердительно кивнула.

— Ты можешь потом поговорить с ним, узнать, что все это значит? Янтарь умер... Он что, потерял свойства? Какие?

- Поговорить могу. Но... зачем?

Да, зачем? Там, в кабинете, как только прозвучало, что янтарь «умер», у нее мелькнул было вопрос: почему это случилось именно в ту ночь, когда не стало сына? Но, пожалуй, ответ ей и самой был известен... Что касалось потери свойств... Когда-то давным-давно ее занимала эта спорная тема о целительных, магических силах янтаря... Теперь она твердо знала лишь то, что для нее эти бусы своих «свойств» не потеряют никогда.

Снимая их перед сном, Тая задержала в руках теплую, приятную на ощупь связку. Несмотря на произошедшие в нем изменения, янтарь оставался красивым, необычным, по-прежнему привлекающим внимание. Впрочем, для чужого глаза эти изменения вряд ли были заметны... Таисия покатила шарики в ладонях, это успокаивало, и положила бусы на место. На ночь она убирала их в шкатулку.

И все-таки море останется морем

Памяти сына

Михаил не успел вернуться в каюту, когда раздался телефонный звонок:

— Мишенька, здравствуй, дорогой! Мы хотим уже поздравить тебя с наступающим Новым годом! А то вдруг потом опять связи не будет, как в прошлый раз. Будь счастлив, сыночка! Мы соскучились... Но почему вы так долго стоите? Стоите и стоите!

С тех пор, как на просторах интернета стало возможно определять местоположение судна, домашние Михаила всегда находились в курсе его перемещений.

— Сейчас же велю сниматься с якоря! Скажу: моя мама следит по карте и ей наша стоянка не нравится...

— Не смейся! У вас все в порядке?

— Мам, в порядке, не волнуйтесь там. Мы в бухте, укрылись от шторма, еще сутки наверняка простоим. Так что все нормально!

— Ну, слава богу! Пойдете туда же?

— Да, мам, да, в Саутгемптон, розовую мечту моего безоблачного детства. Я только что из кают-компаний, мы уже Новый год по судовому времени встретили...

Вот и еще один Новый год он встречает вдали от дома. А сколько их уже было... Михаил оглядел свое жилище. Подошел к тумбе и на расправленные ветки искусственной елочки, предусмотрительно положенной в чемодан женой и дочкой, повесил пару светящихся красных шаров. Их яркое отражение в черном иллюминаторе напоминало заключенную в круглую раму картину. Он придвинул лицо вплотную к стеклу, всмотрелся в густую, непроглядную мглу... И привиделась ему сверкающая елка, появились родные лица, красивые, нарядные, они что-то говорили, улыбались...

Естественное желание быть в эту минуту рядом с ними обернулось приступом ностальгии, и где-то в глубине кольнули острые буравчики сомнения в правильности приоритетов: а не пора ль осесть на берегу?.. Э нет, парень, ты это брось! Ты знал, что так будет! Сам выбрал, шел к этому от молодых ногтей... Да, шел, с детства... В пятом классе сочинял повесть про капитана Смита и порт Акапулько? Мечтал стать капитаном? Мечтал, еще как мечтал!

Уже девять лет он ходит на сухогрузах немецкой компании. Последние шесть — капитаном. Как же у

него вначале не лежала душа к работе под чужим флагом! Да и сама работа от прежней, рыбацкой, с которой начиналась его морская жизнь, отличалась непривычно частыми погрузками–выгрузками в коротких европейских рейсах. Хотя теперешнее мелькание портов не так уж плохо, ведь порой доводится и в свой родной зайти ненадолго.

Михаил взял висевший на переборке календарь с густыми вычеркиваниями отработанных суток. От ста двадцати сейчас их оставалось сорок. В последний месяц тоска по дому всегда усиливается, становится тягучей, неотступной. Это бывало очень заметно на траулерах! Все становились хмурыми, раздражительными... Еще бы! По шесть месяцев в океане, иногда подряд, без единого захода в какой-либо порт для отдыха! Первоначальный настрой на долгое плавание обычно сходил на нет за месяц до прихода домой.

Как сложилась бы его судьба на море, если бы он до сих пор оставался рыбаком? Ох уж это загадочное «если бы», скользкое, обманчивое в своей извечной неопределенности... Во всяком случае, штурманская работа на промысле ему нравилась — увлекательностью, а подчас и сильными ощущениями. Ходили там не курсами, а изобатами, рыскали, постоянно следя по приборам и картам за погодой, глубинами, за рыбными косяками, чуть что меняющими свое местонахождение.

От правильного штурманского расчета, предвидения, умения вовремя подвернуть куда надо зависел успех дела, и много здесь крылось тонкостей! К примеру, лов кальмара! Хитер был этот зверь, старался пасть на мелководье, но все же удавалось, удавалось подкараулить ту пору, когда он забирался на большие глубины! Называлось это «вспышкой» — вот тут его надо было хватать! И такой азарт появлялся! Охотничий!..

А ненароком попадавшие в трал, жадные до рыбы касатки, потешные морские котики и прочая океаническая живность? Добытчики освобождали их из сетей и живыми отправляли по слипу обратно, в родную стихию. А те еще и сопротивляться умудрялись... Михаил любил приходить на палубу к выборке трала. Зрелище красивого полновесного подъема, по его мнению, никого не могло оставить равнодушным!

Он открыл тумбочку и достал фотографии. Вот «Перекат», его первый пароход — так они называли свои большие морские рыболовные траулеры. А вот и друзья-добытчики, морской котик гоняет их по палубе, а на этом снимке — пересечение экватора, праздник Нептуна...

Наверное, так и плавал бы он на «рыбаках», если бы не пронесся разрушительный ураган перестройки. Как карточный домик развалилась их крепкая рыболовецкая контора. Почти все суда были пущены за границу «на иголки», то бишь, на металлолом! И это была если не трагедия, то точно — драма: многие его товарищи были вынуждены навсегда попрощаться с морем. Они устраивались кто куда, лишь бы не остаться совсем без работы...

Эх, да разве редко бывает, что во всяких перипетиях за человека решают обстоятельства? Сплошь и рядом! И приходится уповать на то, что «все, что ни делается, к лучшему».

Михаил тщательно набил табаком трубку и закурил. Да, уход из рыбаков не был его собственным выбором. Может быть, это и случилось бы когда-нибудь потом. И то — только из-за слишком длинных рейсов...

В перестройку немало пришлось ему потрудиться над получением международных сертификатов, изучением английского языка, чтобы не быть выброшенным за борт, чтобы заново найти свое место в морской про-

фессии! Но некоторое сожаление об утраченном осталось с ним навсегда. Не забывался дух товарищества, открытости шутке и задушевым беседам с друзьями в длинных рейсах. Все это вкупе с интересным делом и составляло способ существования в рыбацких буднях на безбрежных просторах морей и океанов...

Отправляя снимки обратно в тумбочку, Михаил мимоходом взглянул в зеркало. Вместо тогдашнего синеглазого, темноволосого штурмана рыболовецкого флота на него смотрел довольно молодой капитан дальнего плавания с седоватой шевелюрой, с внимательными светлыми глазами...

Раздумья прервало треньканье будильника. Приближался Новый год по московскому времени! Он принял-ся названивать домой, но переполненный эфир не давал прорваться. На судне хлопали двери кают, кто-то протопал по палубе, общее оживление говорило о готовности к встрече Нового года «по Москве». И к нему тоже обещал заглянуть старпом, чтобы пропустить по рюмочке коньяку.

За стеклом иллюминатора лучи прожекторов подсвечивали гребни невысоких волн. Сильное волнение не проникало в тихую, безопасную бухту. Михаил представил, что в это же самое время какой-нибудь «рыбачок», как малая игрушка в лапах шторма, борется за жизнь в открытом океане...

И вспомнил он свой первый Новый год в море, в Атлантике, первое после училища плавание в роли третьего помощника капитана... Казалось, что в те дни все ветры мира слетелись на Флемиш-Кап. Они разбойнички свистели в снастях, подымали горы тяжелых волн, заливали палубу! Валяли судно с борта на борт как хотели! Особенно после того, как утром тридцать первого декабря, на вахте Михаила и его рулевого, Славы, внезапно был остановлен главный двигатель. Пароход лег

в дрейф, его тут же развернуло лагом, бортом к волне, и при каждом крене люмы погружались в бурлящую воду. Мощная волна зашла на бак и выбила иллюминатор в носовой ходовой рубке! Михаил успел присесть, прижаться к переборке, а Славка — спрятаться за рулевую стойку. Удар был такой силы, что своротил вьюшку, выгнул дверь и пообрывал все провода прожекторов на носовых грузовых колонках! В трюме, как при горном камнепаде, сыпались короба с замороженной рыбой, и, чтобы они не образовали «большой хаос», матросам приходилось время от времени спускаться вниз и водворять груз на место.

Отдохнуть в своей койке, отключиться от изматывающих качелей не выходило ни у кого. Попеременно то голова, то ноги упирались в переборки, будто стремились их продавить во что бы то ни стало. Но если уж кому-нибудь все-таки удавалось устроиться — да еще и заснуть! — то его не тревожили без самой срочной на то необходимости. Палуба вздымалась, уходила из-под ног! Не только люди с трудом пере-двигались, но и любимец парохода пес Кузьма, как бывалый моряк, пытался балансировать, широко и цепко расставляя короткие лапы. О лове не могло быть и речи! Трудно было поверить, что всего не-сколько дней назад они спокойно таскали трал, любовались северным сиянием, ходили на катере на соседние суда из своей же конторы — обмениваться фильмами и почаевничать с корешами.

Главный двигатель запустили в тот же день. Второй помощник капитана, Юра, друг Михаила, заядлый турист-палаточник, кофеман и гитарист, принес слух о том, что пироги непременно будут и Новогодний ужин состоится! Народ приободрился, и, невзирая на усталость и удрученность от простоя в работе — прогорим, прогорим! — все, кроме тех, кто уже совсем изнемог,

находились на подъеме в предвкушении встречи Нового года. И в кают–компании, и в столовой команды по возможности наряжали извлеченные из боцмановых закровов елки, развешивали бумажные гирлянды, флажки, мишуру. Столы застилали большими кусками мокрой марли, чтобы не ездил посуд. Расторопный боцман, хлопоча по хозяйству, помимо своей любимой присказки «Рыбак — дважды моряк!», не уставал твердить и новоиспеченную: «Вот вам и Новый год!»

И то правда: в штормовой круговерти, несмотря на ухищрения поваров, камбуз с приготовлением яств сильно запаздывал. Посему было объявлено по трансляции, что торжественный новогодний сбор переносится с девятнадцати на двадцать один час. Так что Михаил, заступавший на вахту в двадцать часов, на общее праздничное застолье не попал! Поздравления, пожелания, раздача радиogramм Дедом Морозом–радистом и Снегурочкой–врачихой — все прошло без него. Зато на мостике он от души наговорился по УКВ со знакомыми штурманами. А в полночь его неожиданно–негаданно нашла — «Вот вам и Новый год!» — работа верхолаза. На грани выхода из строя оказались недремлющие глаза траулера, локатор...

На верхней палубе, куда он поднялся вместе с судовым акустиком, свирепствовал ветер, колючий снег, словно искрами, жег лицо. Ноги соскальзывали со скоб, по которым Михаил забирался на мачту. Судно то носом, то кормой, казалось, проваливалось в бездну, и это были уже не качели, а настоящее колесо обозрения. Наверху, не имея возможности встать, полулежа на марсе, на четвереньках он сражался с фалом, который обвис под тяжестью льда и снега и грозил намотаться на локаторную антенну...

И каким блаженством после этого было тепло родной каюты, принесенная Славкой кружка горячего,

крепкого чая и наконец — настоящий Новый год у друзей—тральцов с его, михайловой, вахты!

— Давай, Мишка, опаздываешь!.. Пей, это бражка! — бригадир добытчиков, Валентин, уверенный в себе остроглазый парень, протягивал металлическую кружку с мутноватой жидкостью. — Давай, давай, за тех, кто в море!

— И за тех, кто на земле!

Привязанная к переборке елочка, конечно, была тоже искусственной, но Мишке казалось, что она источает волшебнейший запах свежей хвои с явственной примесью мандаринового аромата. Только так и может пахнуть новогодний праздник! Но откуда эти мандарины в туда-сюда болтающейся сетке? Ведь не дошла еще до них база с продуктами, подарками и прочими благами, отправленными из конторы — шторм! Значит, приберегли с прошлой лавочки? И строганину из морского окуня соорудили!

— Ну вы даете! — восхитился он увиденным.

— Учись, Миха, пока живы!

И он действительно у них учился. Юра тоже был здесь, в четыре утра он должен был менять старпома. Пока же лились шутки, байки, велись споры и под Юркину гитару пел дружный хор: «...и все-таки море останется морем и чем-то похоже оно на тебя!..»

В дверь постучали, и она приоткрылась:

— Кэп?

— Заходи, Сергей, заходи! С Новым годом тебя еще раз! Располагайся... — Михаил выдвинул кресло. — А я тут развспоминался не на шутку...

— Бывает в море. По себе знаю...

— Вот думаю, каково сейчас в океане... Ты на «рыбаках» не плавал? Помню случай... Впрочем, в Новый год давай — только о хорошем! Говорят, как встретишь, так и проведешь! — Михаил пригласил гостя за стол...

До знакомства на нынешнем судне каждый из них уже прошел свой немалый моряцкий путь, имел свою историю. В эту неожиданно спокойную новогоднюю ночь им было чем друг с другом поделиться и над чем поразмышлять.

Поживем — увидим

— Как некстати эта твоя командировка, Степа, — Вера аккуратной стопкой укладывает вещи мужа, уезжающего с дачи прямо в аэропорт. — И Дашка огорчится, что тебя не будет у нее на дне рождения.

— Я позвоню ей, и ты поздравить от нас обоих. Вера, давай все же поедем отсюда вместе, я завезу вас с Чушкой домой!

— Не, не, я останусь! Утром пойду соберу ягоды для Даши!

Упомянутый Чушка, пес по имени Чак, внимательно следит за приготовлениями, готовясь по первой же команде занять в машине свое законное заднее сидение.

— А Чак в это время побудет в доме, — говорит Вера псу и ободряюще треплет его по загривку, — потом мы спокойненько уедем на электричке. Да, Чушечка? — По ягоды его не берут, только — по грибы.

Набрать в подарок подруге корзинку обожаемой ею брусники Вера задумала сразу, как только обнаружила в себе чудесную способность ходить в лес без провожатых. Почти как Вероника Сергеевна! Бесстрашием пожилой соседки она всегда восхищалась и даже немного завидовала той. Сама она леса вроде бы и не боялась, но отправиться туда в одиночестве до некоторых пор было выше ее сил.

И вот однажды Вероника позвала Веру с собой. На большой заново зарастающей вырубке с четкой каймой окружающего леса, сразу у кромки, начинался чернич-

ник. Ровный свет пасмурного дня подчеркивал простую, понятную завершенность открытого пространства. Заблудиться здесь было невозможно! В тот же день Вера дала себе слово как-нибудь вернуться на приглянувшееся место, испытать себя, преодолеть...

И все! И отпала необходимость вечно искать компанию или упрасивать Степана пойти с ней по ягоды. «Схожу-ка я сегодня на вырубку», — будничным тоном независимой ягодницы говаривает она теперь в иной погожий денек...

Спустившись с железнодорожной насыпи, Вера привычно преодолевает вязкую жижу по уложенным толстым жердям, ныряет в лес. Настороженно оглядывается и ступает на хлюпающую во мху тропинку... Тонкоствольный лес и сырость вскоре сменяются крепкими, широкими березами, елями и твердой почвой под ногами. Все явственнее становится просвет...

А вот и вырубка, ее левада! Озаренные солнечным светом молоденькие деревца, редкие налитые ягоды на прозрачном безлистном черничнике, сплошной зеленый пояс со всех сторон... Вера полна жадным желанием успеть вобрать в себя все это, пока солнце не коснется высоких вершин и они не начнут укладывать на землю контрастные тени.

Она спешит к песчаным грядам, на которых растут низкие кустики брусничника, и к мшистым низинам, где под густыми шапками нетронутых кочек прячутся обильные красно-бордовые залежи. Методичный кропотливый сбор доставляет удовольствие, приводит к состоянию умиротворения. Она это любит, неслучайно ее дизайнерские работы всегда отличаются тщательной отделкой мельчайших деталей...

Мысли блуждают бесцельно и, не успев ни на чем задержаться, разлетаются и исчезают, как выпущенные

на волю мыльные пузыри. Но вот Вера думает о Даше, о том, что соскучилась по ней. Все лето та проработала в детском лагере на черноморском побережье, да и по возвращении им все никак не удастся состыковаться. А у нее ведь там, похоже, происходит что-то такое-этакое... Обещала рассказать при встрече, намекала на какой-то сюрприз.

Сдружились они в седьмом классе, в пору тайных влюбленностей, сокровенных девичьих мечтаний. Вере всегда было легко с открытой, доброжелательной Дашкой. Только однажды... Угораздило же ее тогда, во время студенческой практики, влюбиться по уши в этого Эдика, парня из исправительной колонии! За год до освобождения. Ожидая его, Даша, как сомнамбула, не видела тревоги близких, не слышала ничьих осторожных предостерегающих слов... Радость же оказалась недолгой, пронеслась, как мимолетный сон: почти сразу после своего приезда Эдуард внезапно исчез, не оставив никаких объяснений. Вот тут Даша и замкнулась. Осунулось и будто окаменело ее всегда живое выразительное лицо, и всем своим поведением она не допускала ни малейших вопросов. Даже Вере в том, что Эдуард их с мамой еще и обворовал, призналась лишь спустя полтора года... Пять лет прошло с той историей...

В округлую устойчивую корзинку со слегка загнутыми внутрь краями — заказанную специально для этого случая! — Вера собирает для Дашки самые лучшие, самые зрелые ягоды. Неподалеку копошатся в кочках пестрые, сверкающие голубыми перышками сойки. Вокруг — безлюдье, тишина и широкое чистое небо... Лесная сказка, царство Природы... А вот и трон! Она садится на теплый, серый в трещинах пень, подставляет лицо солнцу, расстегивает куртку и оттягивает стоячий ворот футболки. Как приятно распрямиться, свести вместе лопатки, снять наконец сапог с ноги, ухнувшей, как в

преисподнюю, в бездонную щель с водой... В кармане оживает телефон.

— Пора домой! — звучит короткий приказ.

— О, привет! Ты угадал, я еще на вырубке. Фотку получил?.. Степ, ты не представляешь, какая здесь сегодня благодать!.. Корзинка? Почти полная! Вот Дашка-то возрадуется! Чунечка? Спит без задних ног на диване, я уверена...

Солнце касается леса в положенный срок. Еще не-сколько мгновений — и рядом станет темно, как будто выключат яркую лампу. Она не любит этот момент и тотчас начинает собираться домой, хотя и уходит почти всегда с сожалением, со смутным ощущением, что чего-то ей немного не хватило...

Затемно Вера с Чаком выходят из электрички и вливаются в городской круговорот. Вместе с толпой они плавно перетекают с высокой платформы к длинному наземному переходу. В едином потоке перед грозным строем осаженных железных коней перемещаются на другую сторону широкого проспекта. Троллейбусы, автобусы, маршрутки вереницей подкатывают к остановке. Шуршанье шин, скрежет тормозов, людской говор и прочие звуки растворяются в шуме большого города...

И Вера решает пройтись пешком по боковым зеленым улицам. Первые числа сентября все не отпускают летнее тепло. А невидимый художник, предвестник многоцветья, уже мазнул по ясеням и липам золотистой краской, она сияет в свете фонарей. Прохожие попадают редко, и на обычно оживленной дубовой аллее тоже малоллюдно.

Прогулки с Чаком на большие расстояния ей не в диковину. Игры, повторение уроков послушания и всевозможные трюки приносят радость обоим... Подброшенного в приют щенка неизвестных кровей Вера и Степан взяли к себе полуторамесячным. Воспитанием

любимого питомца занимается в основном Вера, и у нее это хорошо получается, несмотря на то что в клубе своенравный Чак считается проблемным. Выручают явные способности и проснувшийся живой интерес к дрессировке. Раньше Вера не могла бы даже представить себя просиживающей целое воскресенье на семинаре по собачьей психологии! Теперь она добивается того, что двухлетний красавец овчаристо-лаечного вида ловит ее команды на лету! Ну почти на лету. Иногда все-таки верх берет ретивое...

До дома остается совсем немного, когда возникают зловещие силуэты бродячих собак. Она боится таких встреч и всегда специально обходит соседнюю улицу, где за синим забором заброшенной стройки живут бездомные псы всяких мастей. Иногда к Вере с Чаком приближаются один-два, но сейчас...

Собак десять, не меньше. Они безмолвно движутся легкой рысцой, растянувшись лентой по ширине перебегаемой улицы. Вера оглядывается — никого, кроме молодого человека, мимо которого они только что проходили. Он все еще занимается колесом у своей машины. Его присутствие чуть-чуть успокаивает, но ненадолго, струящийся по спине противный холодок никуда не девается. Хочется поскорее скрыться, однако Вера не прибавляет шаг, чтобы не привлечь к себе внимания... Вдруг три пса отделяются от общей массы. Приближаются... Вера напрягается, на мгновение опускает корзинку и быстро шарит в кармане — перцового баллончика нет! Чак лает, и троица несется к ним как подстегнутая, а за ней разворачивается вся стая! Сердце бешено колотится, во рту пересыхает... Прямо на них летит свора собак! За несколько метров псы притормаживают и начинают яростно облаивать. Вера жмет к столбу, стремясь защитить спину, и во всю мочь кричит: «Фу! А ну, пошли отсюда вон! Нельзя! Убью!..» — без разбора все,

что приходит в голову... Парень все еще у машины. Но что же он — как истукан?! Ведь близко же, рукой подать, мог бы хоть что-нибудь сделать! Крикнуть, бросить камень, палку! Так нет! Он выпрямляется, взглянув на них, садится в машину и... уезжает! Козел!.. Перед Верой — клыкастые пасти, ошетиленные спины, сзади — верещащая мелюзга... С трудом удерживаемый Чак рвется в бой... Не прекращая крика и не выпуская из поля зрения собак, она нагибается, делает вид, будто достает что-то с земли... Срабатывает! Это или что-то другое, но словно по команде псы враз смолкают, опускают морды и убираются восвояси...

Веру трясет. Она снимает рюкзак, усаживает около него Чака и, собрав часть просыпавшейся брусники, опускается рядом. Чак тычется в лицо, тоненько покусывает и быстро лижет ей щеки, лоб, нос, все подряд. Вера обхватывает родную шерстистую шею и, уткнувшись в горячее песье ухо, раздражается слезами.

Даша просила прийти пораньше, до прихода гостей. Вручая подруге неполную корзинку, Вера шутит:

— Остальное съели собаки! Фигурально. Вчера, представляешь, чуть не напали бездомные, стоя от синего забора, думаю. Окружили нас с Чаком! В общем, потом расскажу...

— Ужас какой! Но с тобой ничего не случилось? А Чак как?

В это время из соседней комнаты, покручивая на пальце брелок, выходит тот самый парень, молчаливый свидетель ее встречи с собаками! Как под воздействием гипноза, Вера застывает на месте и не слышит, о чем говорит Даша.

— Вера! — Даша повторяет свой призыв. — Я хочу вас познакомить, пока все не собрались. Вера! Это Олег, мы с ним решили пожениться. Знакомься! —

она подталкивает подругу к своему жениху и весело смеется.

Тот «тип у машины», как она называла его в телефонном разговоре со Степаном, — Дашкин жених?! Эта невероятная новость бьет как обухом по голове! Сделав над собой усилие, она протягивает руку:

— Очень приятно.

— Олег, ты только послушай! Вчера на Веру с Чаком...

— Даша! — обрывает Вера резко. — Я не хочу сейчас об этом вспоминать! Не надо!

— Вера, что такое?

— Да ничего, ничего, не очень хорошо себя чувствую... Все, прошло! Не беспокойся!

Может ли он в причесанной, подкрашенной кареглазой девушке в нарядном платье признать вчерашнюю насмерть перепуганную «собачницу»? Она считает, что вряд ли. Ее знакомые по собачьему выгулу, да и она тоже, нередко попадают в смешные ситуации, не узнавая друг друга в «цивильном» платье.

Он непринужденно себя ведет, удачно шутит, у него приятный голос и обаятельная улыбка. Одним словом, хорош! Но Вера помнит то холодное, если не сказать — преступное, равнодушие...

Даша успела ей сообщить, что Олег компьютерщик, работал в том же лагере, что и она. Вместе они, как говорится, хорошо смотрятся. Дашка за лето очень похорошела. Темные вьющиеся волосы красивыми полудокольцами лежат на плечах — вот что значит морской воздух! Голубые глаза на загорелом лице выглядят посветлевшими, какими-то русалочьими, таинственными. И — счастливыми.

Как она могла бы сейчас радоваться за подругу... Еще вчера днем все было лучезарно, нынче свет внезапно превратился в темень... как на ее вырубке. Там она

попросту уходит домой... А здесь... Вере хочется немедленно рассказать Даше, как наплевательски отнесся Олег к происходившему рядом, как пальцем не пошевелил, чтобы помочь, фактически — бросил человека в опасности! Но она боится вот так с ходу вихрем негодования ворваться в Дашкино радужное настроение! Боится навредить... Значит, воды в рот набрать? Не будет ли от этого еще больше вреда? И чиста ли будет совесть перед подружкой? А что, если тот момент был как раз моментом истины? Вера теряется, она полна сомнений. Уверена только в одном: о том, что Олег и есть тот тип у машины, Степану знать не надо, пока. Он такого не простит...

— Вера! — около нее стоит Даша. — Ну, ты чего сегодня такая? У тебя все в порядке? Идем пить чай!

Олег выдвигает для нее стул, поднимает оброненную салфетку... Приглашает танцевать. Ни слова, ни жеста, ни хотя бы озадаченного взгляда — ничего, говорящего о том, что он ее узнал. Похоже, и впрямь не узнает...

Среди гостей есть приятель Даши и Олега по черноморскому лагерю, вместе они рассказывают забавные истории о тамошних приключениях, перебивают, дополняют друг друга интересными подробностями. Вера тоже могла бы рассказать одну «забавную» историю, не будь здесь ее героя. Его присутствие ей вообще мешает. Она пока не знает, как вести себя с ним, еще слишком близко, живо вчерашнее. Неприязнь, смятение сковывают, не дают ей с открытым сердцем участвовать в общем празднике, как, к примеру, путешественник с засевшей в ступне занозой не может всей душой наслаждаться красотами природы...

Через несколько дней Вера со Степаном и Чаком прогуливаются по дубовой аллее. Осень не успела устлать землю шуршащим ковром, набросать под ноги коричневых плодов — лишь легким намеком на угасание

чуть-чуть высветлила фигурные листья пока еще густой кроны.

А как отрадно бывает в это время в лесу! Вера уже намечает поход на вырубку за поздними опятами, а все вместе, втроем, они собираются в дальний лес, за три оврага, по грибы для соленья.

Этим вечером супруги возвращаются от Даши, устроившей совместный ужин для знакомства Олега со Степаном.

— Хороший парень, я рад за Дашку... — делится впечатлениями Степан.

Вера довольна, что сдержалась и не открылась мужу. Хоть камень за пазухой и тяготит, она все же принимает твердое решение ничего не говорить и Даше. Во всяком случае, пока... А вот с Олегом в ближайшие же дни непременно объяснится! Пусть он знает, что в тот злополучный вечер девушкой с собакой была она. Пусть знает, как она относится к той ситуации, что о нем думает. Пусть знает... Но больше всего на свете она сейчас хочет, чтобы оказалось, что там, у машины, был кто-то другой, например брат близнец, двойник или, наконец, чтобы Олег привел какие-то убедительнейшие доводы, оправдания... Растопил бы, развеял, разрушил напрочь преграду, на которую она все время натывается, когда хочет от души расхохотаться над его шуткой или когда на сердце теплеет при виде Дашкиных счастливых глаз... А как все получится на самом деле...

— Поживем — увидим, — произносит Вера вслух.

Галина Димитрова

Родилась в Ленинграде, но уже давно живет на самом западе России. После окончания Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской работает в Калининградской областной научной библиотеке. Любит путешествия, рыбалку, море, лес, кошек. Пишет стихи и прозу. Регулярно печатается в региональных и российских журналах и альманахах. По итогам регионального конкурса правительства Калининградской области в 2018 году была издана книга рассказов «Просто жизнь». Член Союза российских писателей.

Публикуемый рассказ «Легкое касание чужой любви» был отмечен грамотой в номинации «Проза» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Легкое касание чужой любви

Лиля зашла в квартиру, открыла дверь в комнату. Стояла нереальная, какая-то тревожная тишина, и только старинные часы тихо, но неумолимо отсчитывали время. Раньше Лиля не прислушивалась: дин-дон, дин-дон — и утекает минутка жизни. Девушке показалось, что вот здесь и сейчас можно потрогать такую странную субстанцию, как время, ведь дом пережил и революцию, и блокаду, а часы все тикали и тикали, как бы предупреждали: ничто не вечно, только время было, есть и будет. Еще как-то не верилось Лиле, что это жилище на улице Марата теперь принадлежит ей. Вчера с соседями отметили сороковины со дня смерти Александры Юрьевны Ярцевой. Говорят, пока душа не отлетела, нельзя никакие вещи из дома выносить. Лиля про души мало понимала, но решила традицию соблюсти. И вот только сегодня она стала прикидывать, что из мебели можно продать, что выкинуть, а что и себе оставить. Продавленный диван, хоть и старинный, на котором последние дни своей жизни провела старушка, пожалуй, восстановлению уже не подлежит — его на помойку. А вот буфет, довоенный, из натурального дерева, с изогнутыми ножками и витражами, если чуть подреставрировать и лаком покрыть, еще долго послужит. И столик этот, хозяйка называла его бюро, — это вообще антиквариат, начало прошлого века, авторская работа мастера то ли Вальде, то ли Вельде, надо будет уточнить. Его бы продать, наверняка хорошие деньги дадут. А вот напольные часы с мелодичным звоном, что ангел, как будто парящий над часами, из-влекал своей флейтой: дин-дон, дин-дон, сколько бы ни стоили, обязательно оставить, пусть напоминают, как жизнь быстротечна.

И ремонт не помешает, последний раз делался, когда соседи решили большую коммуналку на две

отдельные квартиры разделить, продавать-то свою комнату старушка никак не соглашалась. Александра Юрьевна рассказывала, что до революции весь этаж принадлежал их семье, и жили здесь ее бабушка и дед — в прошлом земский врач, мама, отец — профессор медицины, она и два младших брата. После революции их «уплотнили», осталось шесть комнат. Во время войны братья погибли на фронте. А в блокаде умерли бабушка и мама. Деда и отца, как многих не того происхождения, не миновал тридцать седьмой год. Когда Александра Юрьевна после снятия блокады вернулась в Ленинград, ей осталась дальняя большая комната с нишей, бывшая когда-то родительской спальней. Жильцы в соседних комнатах постоянно менялись, а вот лет десять назад новые соседи умудрились из просторной коммуналки сделать две отдельные квартиры.

Лиля всю жизнь провела в деревне. Пока мама здорова была, они часто в Питер выезжали, по музеям ходили, любовались северной столицей. С детства Лиля любила спектакли, выбегала на сцену театра Ленсовета — у мамы была возможность достать туда билеты, чтобы вручить скромный букетик Боярскому или Фрейндлик. Девушка мечтала жить и учиться в этом замечательном городе, где даже аура была особенной. А потом мама слегла и провела долгих десять лет прикованной к постели.

В Питер Лиля попала в двадцать семь лет, приехала к Пашке, своему однокласснику, с которым в школе был роман. Он предложил вместе жить, она и согласилась. Устроилась в службу социальных работников, потому как ничего не умела, кроме как ухаживать за больными и немощными. Участок ей достался сложный: Разъезжая, Марата, Свечной переулков, часть Лиговки — почти сплошные коммуналки и беспомощные старики, дожи-

вающие свой век как бы вне времени. Так она и попала в этот дом. Александра Юрьевна была из той касты пиетерских старушек, которую Лиля заприметила с детства. Они называли подъезд парадной, бордюр поребриком, а батон — булкой, были интеллигентными до мозга костей, с благородной сединой, аккуратно одетыми и никогда никому не могли сказать грубого слова.

Лилия очень любила вечерние посиделки с Александрой Юрьевной. Горячий ароматный чай и неспешная беседа. В свои девяносто лет Лилина подопечная была в здравом уме и обладала хорошей памятью.

— Ты зачем, Лилия, живешь с мужчиной, которого не любишь? — спросила как-то Александра.

— Да ну, какая любовь, — Лилия усмехнулась. — Я уже не девочка, чтобы в эти сказки верить. Живем вроде неплохо. Бывает, конечно, что выпьет лишку, так главное, не лезть к нему в таком состоянии. Я и не лезу. Проспится — и все по-прежнему. Работает, деньги почти все отдает, не бьет. И я в сторону других мужиков не гляжу. Вот она и вся любовь. Детей он, правда, не хочет. Думаю, это пока.

— А ты сама-то детей от этого мужчины хочешь?

— Я вообще хочу ребенка. Инстинкт, наверное. А Паша, может, и не идеальный, и не совсем тот, о ком мечталось, но ведь всё не одна, хоть есть с кем словом перемолвиться. Да и куда мне деваться? В деревню обратно не хочу, что там делать-то — самогон гнать? А здесь даже комнату снять моей зарплатой не хватит.

— Лилечка, так разве в этом счастье? Должно быть родство душ. Ты же романтичная, тонкая натура. По-нимаешь, любовь — такое состояние, когда без этого человека дышать трудно, когда он буквально прорастает в тебе и уже никто другой занять его место не сможет. Есть любовь, Лилечка, легкое ее касание — и вся жизнь.

— А вы замужем были? — поинтересовалась Лиля.

— Была, — старушка тяжело вздохнула, мечтательно прикрыла глаза, и Лиле показалось, что разгладились морщинки на щеках, и взгляд стал озорным, как будто искорки посыпались. — Была, Лилечка, целых три дня. И всю жизнь.

— А где ваш муж?

— Он давно там, куда и я скоро отправлюсь. Заждался, наверное. Ничего, скоро наши души встретятся, — старушка улыбнулась.

— А дети?

— Не успели мы с Сашей, к сожалению. Хотела ребенка, конечно. Но ни с кем другим не могла — это ж память предать. Из детдома надо было сразу взять, столько сирот после войны осталось, да горевала я тогда шибко. А потом не получилось — не дали усыновить, мол, неполная семья. А где же полную взять? Ушел мой Александр Петрович туда, откуда не возвращаются.

— Вы его любили?

— Что значит — любила? У этого глагола не может быть прошедшего времени. Любовь или есть, или нет ее. А Саша не умер, просто сейчас его нет рядом. Но я каждый день с ним разговариваю, о тебе ему тоже рассказывала. Ты не думай, я из ума не выжила, — Александра Юрьевна хитро улыбнулась. — Знаешь, Лилечка, я совсем плоха стала, трудно мне за собой ухаживать, лишний раз и чайку себе не сделаю. Я вот тут подумала, может, ты ко мне переедешь? Заодно и Пашу своего проверишь на прочность...

Лиля тогда обещала подумать. А на следующий день, когда только заикнулась об этом сожителю, столько гадости услышала в свой адрес: и дура-то она за бесплатно чай подносить, он ее содержит, а она хвостом вилять будет, и какая-то старушенция ей дороже, чем кормилец, и всякое такое прочее. Разругались в пух и прах. В

общем, у нее и сомнений никаких не осталось — давно нужно было расстаться с этим человеком. Школьный роман и совместная жизнь — вещи совершенно разные. Собрала Лиля свои нехитрые пожитки и поселилась на Марата.

Ушла из этого мира Александра Юрьевна с умиротворенной улыбкой, как будто действительно отправилась на встречу с любимым. А незадолго до смерти оформила дарственную на квартиру своей жилитке, что для Лили оказалось полнейшим сюрпризом.

* * *

Лилин взгляд опять упал на бюро. Красивая вещь. Столик с ящичками, крышки которых — львиные морды, а ножки стола — львиные лапы. В пасти львов вставлены резные ключики. Лиля подошла, повернула один ключик, выдвинула ящик. Там лежали фотографии. Девушка взяла одну: на ней был изображен молоденький военный с треугольниками в петлицах. На обороте картонки надпись: «Любимой Шурочке от Сашки». С другой фотографии на Лилю смотрела очаровательная, совсем юная девушка, повеяло чем-то неуловимо знакомым. Лиля не сразу поняла, что это молоденькая Александра Юрьевна. Надпись на обороте гласила: «Любимому Сашке от Шурочки». И еще одна фотография, где молодые люди были вместе, красивые, счастливые, влюбленные. А на обороте четким округлым почерком выведено: «Наша свадьба. 20 июня 1941 года». Лиля стала перебирать остальные снимки, немного, видимо, муж присылал их с фронта. И фотографии самой Александры Юрьевны в форме санинструктора. Еще в ящичке находился пожелтевший от времени листок с заметкой из «Красной звезды» 1944 года о подвиге Александра Ярцева и присвоении ему звания Героя. Посмертно. Лиля

бережно сложила все в ящичек. Не выдержала, открыла второй: там лежали легендарные треугольники фронтовых писем. Она осторожно взяла один треугольник, раскрыла, рука дернулась, ведь нехорошо заглядывать в чужие письма, но начала читать поблекшие строчки, написанные неровным почерком, и оторваться уже не могла.

«Здравствуй, любимая моя Шурочка!

С огромным приветом к тебе твоей Сашка. Сегодня нам наконец разрешили написать письма, и я сразу воспользовался такой возможностью. Надеюсь в скором времени получить и от тебя весточку, так хочется знать, как ты там без меня в это тяжелое для всей страны время, что чувствуешь, о чем думаешь.

Теперь немного о себе. Пишу тебе письмо, а на улице дождь и поднялся сильный ветер, хотя утром было жарко. Скоро нас отправят на фронт. Из Ленинграда нас везли сюда в вагонах—теплушках без окон, я даже не знаю, как называется этот населенный пункт. Сегодня приезжал майор из политотдела, рассказывал про обстановку на фронтах. Фашисты быстро продвигаются, но мы обязаны их остановить.

Сегодня день начался по-сумасшедшему. Подняли нас в пять часов утра по тревоге, и побежали мы к месту сбора, а оттуда — в лес. Я сам толком ничего не знаю, а у меня в подчинении целая рота. И вот мы через лес где-то пять километров бежали, одежда к телу начала приставать, а когда пришлось бежать через бурелом, вот уже тут мы попотели: ветки бьют по лицу, цепляются, а мы напролом. Выбрались на шоссе, а там нас посадили на грузовики и привезли сюда. Говорят, линия фронта недалеко отсюда. Сейчас роту поведу на ужин. Целую крепко. Твой Сашка. Передавай привет своим. Береги себя».

«Здравствуй, хорошая моя Шуручка!

С приветом к тебе твой Сашка. Шуручка, любимая, письмо твое я получил, спасибо. Это здорово, что при такой неразберихе доходят письма. Я расстроился, что ты решила идти на фронт. Здесь мужчинам-то тяжело. А ты у меня такая хрупкая, тебе же придется с поля боя здоровенных мужиков со всей амуницией выносить. Очень я боюсь за тебя, родная моя. Недавно пришлось драться с врагом врукопашную. Это страшно, когда видишь этих гадов буквально глаза в глаза. Одно дело — стрелять в ту сторону, где враг, а тут пришлось колоть штыком конкретного человека. Хотя какие они люди! Столько горя нам принесли. Не знаю, как выжил в этой мясорубке. Тобой, наверное, храним. Столько бойцов моих полегло. А потом подошли наши танки, и враг отступил.

Ты не подумай, родная, что я жалуюсь. За тебя, за Родину, за Сталина я готов отдать свою жизнь. Знаешь, я подал заявление в партию. Надеюсь, заслужу высокое звание коммуниста.

Ужасно, что твои не смогли эвакуироваться, кольцо сжимается. Но я уверен: Ленинград мы никогда врагу не отдадим.

То, что ты пишешь, будто мы сможем встретиться где-то на фронтовых дорогах, хотелось бы, конечно. Каждую свободную минутку я представляю твои голубые глаза, щечки в солнечных подарках. Почему ты так не любишь свои веснушки? Они очаровательны и тебе очень идут. Если бы ты с госпиталем уехала за Урал, я бы был спокоен. Но ты такая, не можешь сидеть сложа руки, когда Родина в опасности. И братья твои такие же, может, где-то рядом воюют... Так хочется прижаться к тебе... Мне без тебя даже дышать трудно, ты как будто проросла во мне, милая моя Шуручка. Кончится война, мы снова будем вместе.

Крепко-крепко целую тебя, родная моя женушка. И запомни: я всегда буду тебя любить, пока живу. И потом тоже. Твой Сашка»

«Шурочка, родная, любимая!

Вот получил от тебя весточку, долго же твое письмо меня искало. Но ведь нашло! Я тут отдыхал в госпитале — ранение не тяжелое, так, царапина. Случилось побывать в Ленинграде. Страшно это. Разделяю с тобой твое горе. Держись, родная...

Сейчас я снова в строю. И намерен бить фашистов с удвоенной силой. Ты спрашиваешь, как мне на фронте. Человек ко всему привыкает: на войне как на войне. Только к ежедневной гибели товарищей при-выкнуть невозможно.

Ты спрашиваешь, соскучился ли я по тебе хоть капельку. Глупенькая, целую тучу капелек, больших и маленьких. Я тоже очень тебя люблю, девочка моя ненаглядная. Береги себя.

А сейчас пора. Отдам письмо — и снова в бой. Я теперь коммунист, а это ко многому обязывает.

Целую, родная. Твой Сашка».

* * *

Лиля читала и плакала, как будто проживая чужую жизнь. Все письма были пронизаны такой чистой нежностью и любовью, как будто и не война это вовсе была. Возникло странное чувство, что она сама потеряла близкого человека. Нашла и похоронку, датированную тысяча девятьсот сорок четвертым годом, — это случилось после снятия блокады Ленинграда. Шура после тяжелого ранения вернулась домой. Не удалось им встретиться на дорогах войны. Из заметки в газете Лиля узнала, что Александр Ярцев погиб, удерживая энную высоту, и враг не прошел.

«Дин-дон, дин-дон», — пел ангел на старинных часах, возвращая Лилю из далеких сороковых. Бережно, чтобы только не повредить эти свидетельства любви, Лиля сложила бесценные реликвии в ящичек бюро. Она теперь

твердо знала, что сохранит этот удивительный кладезь нежных отношений двух любящих людей. Сколько книг читала Лилия о войне, сколько фильмов смотрела... Читала подвиг солдат, уважала ветеранов. Но вот только сейчас, всей кожей ощутив легкое касание чужой любви, она как бы прожила эту страшную войну, пропустила ее через себя, но не громом пушек и визгом бомб, а тем, раньше не понятым Лилей, что называется любовью. И поняла: права была Александра Юрьевна, есть любовь, видимо, просто еще не встретила Лиле. А ведь где-то на свете живет тот человек, без которого трудно дышать, который буквально прорастет в ней, и уже никто другой занять его место не сможет...

Сквозь призму времени

1900 год

Теплый летний день близился к вечеру. Девушки пили ароматный чай, не особенно налегая на яблочный кекс. Молодой человек был несколько растерян: ему очень нравилась младшая княжна Полянская, совсем девочка еще, но какая-то внутренняя сила в ней уже чувствовалась. А глаза... Он никогда не видел таких глаз — зеленых в крапинку.

— Алексей, сыграйте, пожалуйста, — сказала старшая, Маша. — И где вы только научились так играть на гитаре?

— Пожалуйста, граф, — поддержала младшая, Лиза.

— Конечно, дорогие мои княжны. Но с одним условием: Лиза нам споет. Сейчас схожу к лодке, принесу гитару.

Девушки кивнули. Лизе не терпелось пошептать с кузиной. До молодого человека доносился девичий раз-

говор, и он улыбался: так приятно было слышать то, о чем говорили девочки.

— Маша, Маша, ты заметила, как он на меня посмотрел? И спеть попросил. Скажи, ведь это что-то значит?

— Лиза, ты не о том думаешь, тебе всего тринадцать лет.

— Маша, тебе самой нравится граф Панин. Ну сознайся, сознайся. Я же вижу, что ты строишь ему глазки...

— Лиза, перестань говорить ерунду. А граф скоро уедет в Петербург — в школу юнкеров. Так что не обольщайся, Лизонька.

Лиза нахмурилась. Подошел Алексей, сел на траву, настроил гитару. Струны зазвучали сначала жалобно, потом призывно. Темп нарастал. Девушки слушали заворожено. Потом Алексей заиграл известный романс, Лиза пела, а он отгонял странные видения и запрещал думать себе об этой девочке как о женщине. Но когда тебе шестнадцать лет, разве можно не мечтать о запретном? Хотя бы просто прикоснуться к ее шелковым волосам. Он стяхнул наваждение, отбросил греховные мысли.

— Ну что, княжны, пора бы двигаться на бал, не зря же мы так вырядились.

— Граф, а правда, что вы скоро уезжаете? — Лиза поправила локон прически, сооруженной специально для костюмированного бала.

— Да, правда. Моя мечта — быть военным. Поэтому сначала школа юнкеров, а потом — в офицеры. Мы живем на рубеже веков. Представляете, сколько интересного ожидает нас впереди?

— А что будет с нами? Алексей, вы сможете взглянуть сквозь время? — спросила Маша.

— Я не провидец, но попробую. Вы, Маша, скоро выйдете замуж за какого-нибудь соседа-помещика, родите детей. Вы будете верной женой и хорошей хозяйкой в поместье, — граф улыбнулся.

— А я? — Лиза внимательно посмотрела на молодого человека. — Вы же понимаете, я никогда не буду хорошей хозяйкой поместья.

— Да, Лиза. Мне кажется, что вас закружит во времени. У вас в глазах чертики прыгают. Вам поместья будет мало. Вам целый мир подавай.

— Вы правы. Я тоже уеду в Петербург. Может, мы с вами когда-нибудь там встретимся?

— Все возможно, Лиза, все возможно. — Алексей подхватил гитару. Девушки собрали оставшуюся еду и посуду в корзинку для пикника. — А теперь все в лодку — и на бал, пока ваши родители не успели беспокоиться. Будем изображать чопорных англичан. Я надеюсь с вами потанцевать — просто не могу отказать себе в таком удовольствии.

1905 год

Граф Панин шел вдоль Гостиного двора, размышляя, куда бы ему податься вечером, когда увидел карету, запряженную четверкой вороных. Но его привлекли не столько кони, сколько женщина, сидевшая в карете. Он пригляделся. Точно, не ошибся. Княжна Маша Полянская. Граф поклонился и заговорил:

— Марья Андреевна, простите, вы меня узнали?

— Граф Панин, конечно. Как не узнать друга детских игр? Очень рада вас видеть.

— Вы теперь в Петербурге?

— Да. Вы тогда почти угадали. Я вышла замуж, только не за соседского помещика, а за его брата. С ним и уехала в Петербург. После январских событий государь взял его на службу. Я теперь княгиня Луховицкая.

— Рад за вас. А...

— Не продолжайте. Я знаю, что вы хотите спросить. Она в Петербурге. В шестнадцать лет сбежала

из дому, поэтому у нас в семье не принято говорить о ней.

— Где ее найти?

— Ищите там, где собираются поэты, только не те, что были ранее, а очень странные. Их много стало после январских событий. Я в таких местах не бываю, — она понизила голос. — Ее видели в бывшей кондитерской на Мойке.

— Спасибо, Марья Андреевна. Рад был повидаться, — Алексей откланялся.

В кафе граф Панин еле нашел свободное место. Было шумно, за соседними столиками громко переговаривались странные люди, непривычно одетые. Изредка они поднимались на сцену и, завывая, читали какие-то непонятные вирши. На него никто не обращал внимания. Он уже было подумал, что попал не туда, где можно встретить Лизу. Но тут заиграла музыка, и на сцену вышла она. Граф загляделся. Это была уже не та восторженная девочка. И хотя волосы были подстрижены под пажа, она стала еще красивее. Несколько необычное обтягивающее платье подчеркивало формы.

Между столиками ходила цветочница. Алексей купил букетик фиалок и подошел к сцене. Как только Лиза закончила петь под бурные аплодисменты, граф протянул ей цветы. На лице княжны Полянской можно было прочесть все эмоции — от удивления до нескрываемой радости.

Она легко прыгнула со сцены и оказалась в его объятиях. Эту ночь и еще три дня и три ночи они провели вместе. Ему казалось, что все эти пять лет, когда не видел Лизу, мечтал об этой встрече, об этих днях и ночах.

А потом его срочно вызвали в полк.

1910 год

Так получилось, что целых пять лет граф не был в Петербурге. После соглашения между Великобританией и Персией о противодействии российским планам на Ближнем Востоке графа Панина в составе небольшой группы российских офицеров направили наблюдателями в Персию. Он думал, что его тегеранские приключения продлятся недолго, но задержался в Персии на пять долгих лет. И лишь после отставки правительства Сепакдара граф Панин получил приказ вернуться на родину.

Все эти пять долгих лет и в минуты отдыха, и в минуты опасности Алексей мечтал о Лизе. А как только вернулся в Петербург, сразу отправился в бывшую кондитерскую на Мойку. Там почти ничего не изменилось: все также шумно, и также люди, считавшие себя поэтами, завывали свои вирши со сцены. Алексей ждал, когда же выйдет Лиза. А ее все не было. Граф увидел посетителя, показавшегося смутно знакомым. Было такое впечатление, что он не переодевался все эти пять лет, во всяком случае, широкая рубаха явно та же самая. Алексей тронул мужчину за плечо.

— Скажите, любезный, а поет ли здесь Лиза Полянская?

— Здесь никто не поет, — заносчиво ответил поэт. — Это храм поэзии. Хотите, я прочту вам свои стихи?

— Извините, любезный, как-нибудь в другой раз. Я ищу Лизу.

— Я помню, красивая девушка, но не поэтесса. Так ее уже лет пять здесь нет. В одночасье пропала и не появлялась больше.

Алексей подошел к дому князей Луховицких. Дверь открыл камердинер. Граф представился и попросил доложить о его визите княгине Марье Андреевне.

Хозяйка встретила его холодно. «Кто бы мог предположить, что та деревенская девочка, которая просила предсказать ей судьбу на пикнике, из непосредственной княжны превратится в холодную, надменную княгиню», — подумал Алексей.

— Хочу засвидетельствовать вам свое почтение, княгиня. Не подскажете ли мне, как найти вашу кухню?

— Извините, граф, в нашем доме не говорят о ней, — на минуту холодность исчезла из ее взгляда, и она почти шепотом добавила: — Поезжайте в поместье, граф. Это все, что я могу сказать.

В поместье мать Лизы встретила его радушно, напоила чаем с вареньем, расспрашивала о его службе. О Лизе говорила неохотно.

— Дочь моя живет в Европе. То в Париже, то в Германии. Работает в газете. Я не очень разбираюсь в политике, знаю только, что она вместе с какой-то Кларой Цеткин за права женщин борется. К сожалению, семья с ней не общается, — в это время в комнату вбежал мальчонка лет четырех-пяти, графиня обратилась к нему, не в силах скрыть нежность в голосе: — Николенька, у нас гость, иди к няне.

В комнату вошла няня и увела мальчика. Алексей не стал расспрашивать графиню о нем. И так было ясно, что это сын Лизы. Возможно, даже наверняка, и его сын тоже. Или не его? Незаконнорожденный. Внутри все сжалось: неужели у него есть ребенок? Он был готов жениться, признать мальчика. Но где искать Лизу?

А потом опять Персия. И Великая война, которую граф Панин встретил в звании штабс-капитана.

1915 год

Варшаву пришлось сдать. Штабс-капитан Панин злился, но приказ есть приказ. Они с князем Кириллом Зубовым отвечали за отход своего полка.

— Что голову повесили, граф?

— Что-то не вяжется с этой войной. Весь мир воюет, а мы все больше отступаем. Не нравится мне это.

— Вы прокламаций начитались, которые среди солдат гуляют? Помните о присяге государю, граф.

Обозы тянулись на восток. Офицеры проверили, не осталось ли в штабе документов. Потом сели в телегу, управляемую денщиком, и отправились догонять колонну. Пули засвистели неожиданно, видимо, авангард немцев заходил в опустевшую Варшаву. Денщика скосило сразу, а Алексею пуля прошила грудь. Сильно жгло, но он был в сознании. Лошади понесли, телега мчалась со скоростью, которую только могли развить взбесившиеся лошади, пока не перевернулась. Алексей сам идти не мог. Князь Зубов буквально тащил его на себе.

— Бросьте меня, князь, — молил Алексей.

— Я русский офицер, и этим все сказано, — это были последние слова, что услышал граф Панин прежде, чем упасть в забвенье.

В горячечном бреду ему мерещилась Лиза. В белом фартуке и белой косынке сестры милосердия, она вытирала ему пот со лба и губы смачивала водой. Он слышал ее шепот:

— Алешенька, родной. Врач вынет пулю, и ты выкарабкаешься. Все будет хорошо.

Она делала ему уколы, и он проваливался в беспокойный сон. И лишь на операционном столе, перед тем, как вдохнуть пары эфира, он на короткий миг пришел в себя и действительно увидел Лизу. Попытался взять ее за руку и, набравшись сил, спросил:

— Мне важно, вдруг умру. Я хочу на вас жениться. Николенька — мой сын?

— Граф, а вы сомневались? Плод любви наших птербургских ночей. Только сейчас не время. Оставьте эти мысли.

А после операции перед отправкой в тыл Алексей увидел Лизу лишь раз.

— Алексей, будете жить. Скоро война закончится. И начнется новая жизнь, — глаза княжны загорелись, стали еще зеленее. — Вот увидите, Алеша, как изменится мир.

А ему хотелось услышать слова любви. Не дождался. Лишь прощальным поцелуем наградила.

Потом продолжились военные действия, дальше — хуже: революция и гражданская война.

1920 год

После взятия красными Киева остатки полка, в котором служил штабс-капитан Панин, в жуткой неразберихе прибились к армии Пилсудского. А в октябре воюющие стороны Польши и Советов заключили перемирие. Сослуживцы Алексея разбрелись по свету: кто-то остался в Варшаве, кто-то предпочел Берлин и Париж. И только граф Панин маниакально стремился в Петербург, не мог он привыкнуть к новому названию города. «Найти Лизу, а там, как карта ляжет», — думал он, будучи уверенным: эта женщина в гуще событий. Пришлось снять шинель с убитого красноармейца и с частями Красной армии добираться в тот город, где он был так счастлив. В темном вагоне, плотно прижатый солдатами, Алексей пытался понять, как белая гвардия сплошь из профессиональных военных проиграла войну этим фанатикам. И не мог найти ответ.

Красный Петербург, вернее, теперь Петроград, встретил неприветливо. Граф сразу отправился к дому князей Луховицких. Он не особо надеялся встретить Лизу, но была маленькая зацепка, вдруг там знают, где можно ее найти. Алексей долго стучал. Когда собрался уходить, дверь чуть-чуть отворилась. Камердинер, заикаясь, произнес:

— Товарищ, здесь никого нет, э-э, ваших.

— Любезный, ты меня не узнал? Я как-то приходил к княгине Марье Андреевне.

— Тише... Хозяева с детьми и тетушкой уехали. Еще в феврале семнадцатого.

— А мальчик, Николенька, был с ними? А Лиза?

— Мальчик был. Лизу не знаю.

Камердинер впустил Алексея в дом и сразу закрыл дверь.

— Какими судьбами, граф? — услышал Алексей знакомый голос. — Вы удачно зашли. Думаю, завтра уже будут эти хозяйничать в доме. И я сегодня случайно здесь.

— Князь, как я вам рад! — Алексей действительно обрадовался князю Зубову. — Как будто в другой город попал.

— Вы попали в другую страну, граф. Не знаю, что собираетесь делать. Надеюсь, примкнете к нам. И мы вместе будем давить эту чернь красного цвета. Представляют, они живут в моем доме, спят в моей постели, едят из моей посуды. Я теперь злой...

— Я с вами, князь. Но вы не слышали, где сейчас княжна Полянская?

— Простите, не слышал. Однако нам надо уходить. Пойдемте, там, где я сейчас остановился, можно погреть воду, помоемся с дороги — до сих пор не могу выносить амбрэ, — князь поморщился. — Главное, миновать патрули.

Алексей не узнавал город: почти нигде не горели фонари, пустынные улицы, грязь. И только Нева все также величаво несла свои воды.

Они шли по набережной Елизаветинского канала, когда князь Зубов заметил патруль. Он подтолкнул Алексея в открытую дверь первой попавшейся парадной. Тут же раздались выстрелы. Одна пуля попала князю в ногу.

— Граф, бегите, вдвоем нам не уйти. Вы не знаете, что такое ВЧК.

— Русский офицер своих не бросает. Обопритесь на меня. Я хорошо знаю эти места, выйдем через черный ход, а там дворами. Сейчас темно, не найдут.

Князь, сильно хромая, пытался идти быстрее. Они нащупали дверь в полуподвал в какой-то парадной. Было слышно, как по двору пробежали люди.

Алексей подстелил шинель, уложил на нее князя. Зубами разорвав рубашку на полосы, как смог в темноте перевязал рану. Решили, что останутся в этом сыром полуподвале до утра, а там видно будет. Граф сел рядом, иногда проваливался в короткий сон.

А когда слабый утренний свет едва проник в узкую щель, что служила окошком, Алексей совсем рядом услышал голоса. Говорила женщина:

— Они не могли далеко уйти, один ранен, здесь кровь. Осмотрите дом, чердак, проверьте черный ход, — звучали отрывистые команды.

Алексею показалось, что он сходит с ума. Этот голос — сильное контраalto с хрипотцой — он не мог не узнать. Едва затих топот ног, дверь распахнулась и в проеме показалась Лиза с наганом в руке. Она осветила фонариком. Князь попытался приподняться.

— Вот это да! Князь Зубов. Давно охотимся за вами. Именем революции вы арестованы, — Лиза явно торжествовала.

— Лиза... — Алексей не знал, как себя вести в этой ситуации. — Князь Кирилл ранен, ты же была сестрой милосердия, он человек, которому нужна помощь.

— Алеппа? — фонарик осветил Алексея. — Но как? Не время, сейчас сюда придут мои люди. Я их задержу. Бегите. Это все, что я смогу для вас сделать, — скороговоркой выпалила Лиза.

— Русский офицер, дворянин, бегством не спасается. Проявите милосердие к раненому.

— Нет, Алеша. Он враг. Милосердие к врагу? У вас странные понятия. Алеша, — взмолилась она, — бегите, иначе вас расстреляют.

В углу зашевелился князь Зубов, Лиза направила на него фонарик и увидела в руке револьвер. Она первая успела нажать курок, князь вздрогнул и затих.

— Лиза! — Алексей шагнул к ней и наткнулся на наган. — Вы и меня убьете? Что с вами стало? Я так долго мечтал хотя бы прикоснуться к вам. Но не так же. Не так...

С этими словами граф схватил Лизу за руку. Прижав девушку к себе, попытался вырвать оружие. Она отстранилась чуть, дернулась, и прозвучал выстрел. Ноган упал на сырой пол полуподвала. Алексей подхватил Лизу. В свете фонарика, который еще оставался в руке девушки, он увидел ее бледное лицо. Только сейчас разглядел черную кожаную куртку, красную косынку. И в этом наряде она была красива.

На выстрелы прибежали люди в таких же черных куртках, вырвали у него Лизу, связали руки за спиной. Но графу Алексею Панину было уже все равно: нет страны, которой он присягал на верность, нет больше женщины-мечты, сын далеко. Разве мог он это предвидеть тогда, сквозь время? А теперь пусть расстрел. Больше ничего не имело значения.

ЧП новогоднего масштаба

Светлана посмотрела на часы и ахнула — до боя новогодних курантов оставалось два часа. Она быстро привела лицо в порядок, надела вечернее платье и собрала сумку с баночками разной снеди. Муж с работы должен

приехать прямо к друзьям, где они договорились встречать Новый год. Она взялась за телефон, чтобы вызвать такси, но мобильник сам ожил. Звонили с работы, и звонок этот не предвещал ничего хорошего. Дело в том, что у Светланы Петровны была очень ответственная должность, на которой она пребывала не так давно. По идее, ее подопечные праздник не отмечали. Когда она уходила с работы, все было тихо и спокойно. Странно, кому мог понадобиться директор зоопарка за два часа до Нового года?

Сан Санычу опять не повезло. Вот уже второй год ему выпадало дежурство в Новогоднюю ночь. Но куда не денешься — работа есть работа. Заступив на пост, Сан Саныч немного посмотрел телевизор, а потом решил чуток проводить старый год. Разложил на столе салатики, плеснул в пластиковый стаканчик горячительного, чтобы старый год на него не обиделся. Немного-то можно. Тепло разошлось по организму, хрустящий огурчик на закуску напомнил о жене, которая в данный момент находилась у сына в гостях. Сан Саныч погрустнел. К тому же надо было обходить владения. После того как в зоопарк пробрались какие-то отморозки и забили палками кенгуру, ночным сторожам было предписано каждый час проверять вверенную им территорию. Погода не располагала к прогулкам — шел мелкий противный дождь. Сан Саныч решил еще немного проводить старый год, а потом просто заставил себя выйти в сырость новогодней ночи.

Он шел по главной аллее зоопарка, когда при тусклом свете фонарей впереди увидел темную стену. Странно, в прошлое дежурство еще никакой стены не было. Построили, что ли за два дня? А зачем стена на главной аллее? Сан Саныч остановился, размышляя, что это могло быть. Вдруг стена шевельнулась. «Свят, свят,

вроде выпил-то немного, — прошептал сторож, — а живые стены видятся». Он решил подойти поближе, но стена сама приблизилась к нему и остановилась под фонарем. Холодок пробежал по спине Сан Саныча. Прямо перед ним стояла бегемотиха Берта, что-то пережевывавая. Почувяв человека, Берта радостно шагнула к нему. Но Сан Саныч этой радости не разделил и что есть сил рванул в административный корпус. «Вот же зараза, все бочок о заборчик чесала, дочесалась. Что делать-то? Я эти три тонны в вольер не загоню», — лихорадочно соображал Сан Саныч. И стал звонить директору.

Светлана нажала кнопку и услышала взволнованный голос сторожа:

— Светлана Петровна, извиняюсь, конечно, что беспокоил в такое время, но ЧП у нас. Тут это, в общем, Берта погулять вышла.

— Сан Саныч, ты уже старый год проводил?

— Светлана Петровна, я это, не пьяный. Вышел на обход, а там стена. Присмотрелся, а не стена вовсе, а Берта. Что делать-то?

— Ну, сюрприз! Говорила же Рожнову, что забор надо укрепить. Все самой проверять нужно, — Светлана растерялась. Если Берте вздумается в город выйти, то ворота центральные, может, еще и выдержат, а вот двое других вряд ли. — Сейчас приеду. Попробую спасателей вызвать.

Светлана представила картинку, как по улицам города в новогоднюю ночь гуляет бегемотиха весом в три тонны. С виду она как будто миролюбивая, но ведь и разозлиться может. Или фейерверк напугает — со страху нападет на кого-нибудь, а клыки у нее не маленькие... Вряд ли кому понравится встреча с такой «снегурочкой». Рожнов не отвечал. Светлану холодный пот прошиб.

Она позвонила в диспетчерскую такси:

— Вам куда ехать? — спросила женщина-диспетчер.

— В зоопарк, — машинально отозвалась Светлана.

— Нашли время для шуток, — на том конце бросили трубку.

Светлана перезвонила. Пришлось сказать, что ехать нужно на улицу Зоологическую.

Машина пришла через полчаса. За это время Светлана успела мысленно нарисовать страшные картины. Перезвонила Сан Санычу. Тот сказал, что Берта мирно гуляет рядом с административным корпусом.

— Вам куда на Зоологической? — поинтересовался таксист.

— К зоопарку.

— Гы! Клетка освободилась?

— Слушайте, везите уже, не до шуток, ей-богу!

Таксист с открытым ртом смотрел вслед пассажирке, которая за час до Нового года, открыв ворота зоопарка, скрылась на его территории.

По дороге Светлана позвонила в МЧС, заикаясь от волнения, проговорила скороговоркой:

— Приезжайте, пожалуйста. Тут бегемот сбежал, вернее бегемотиха, надо ее как-то в вольер вернуть.

— Кто говорит? — в трубке раздался смешок.

— Директор зоопарка.

— С наступающим, девушка! Мы оценили вашу шутку. Постарайтесь окончательно не наклюкаться до Нового года.

Да, за час до боя курантов Светлана со сбежавшей бегемотихой выглядела не лучшим образом. Она по-вторила вызов.

— Ребята, правда, я трезвая и совсем не шучу. Седова Светлана Петровна, директор зоопарка.

Видимо, тревога в голосе все-таки была услышана.

— Ну ладно, выезжаем. Только смотрите, если это шутка, оштрафуем за ложный вызов.

Спасатели приехали быстро — двое молодых парней на легковой машине.

— Ребята, она вашу машинку как игрушечную раздавит. Вы вообще бегемотов видели?

— В вашем зоопарке и видели.

— Это когда из воды глаза торчат? Тогда пойдете, только тихо.

Бегемотиха, видимо, решила размяться и устроила пробежки туда-обратно по главной аллее. Несмотря на вес и неуклюжесть, бегемоты бегают довольно быстро. Увидев гуляющую Берту, спасатели впечатлились. А до Нового года оставалось полчаса. Ребята долго пытались убедить пожарных, что они не шутят и без брандспойтов тут не обойтись.

Светлана так распереживалась о судьбе бегемотихи, что совершенно забыла о муже. Звонок от него застал врасплох. Муж был крайне недоволен.

— Света, ты где? До Нового года полчаса. Тебя все ждут.

— Ох, не надо меня ждать. Празднуйте без меня. У меня ЧП. Я в зоопарке.

— Странно, а что за мужские голоса? Я чего-то не знаю о своей жене?

— Извини, о жене ты знаешь все, а вот о бегемотах, наверное, нет. Я жду пожарные машины.

— У тебя пожар? Какие бегемоты?

— Потом все расскажу.

Пожарный расчет с сиренами подъехал к зоопарку как раз под бой курантов, который раздавался в камерке Сан Саныча. А Берта тем временем направилась к боковым воротам.

Светлана подбежала к пожарным.

— Ребята, там ворота на ладан дышат. Вы машину с внешней стороны поставьте, может, девочка не полезет, — с надеждой произнесла она.

А в воздухе взрывались фейерверки, летали ракеты и цветные фонарики. Похоже, Берте это не понравилось, и она стала издавать какие-то недружелюбные звуки.

Светлана и глазом моргнуть не успела, а около боковых ворот нарисовался трехтонный грузовик: видимо, пожарные решили не рисковать своими машинами.

Берта остановилась, замолчала, лишь открывала пасть, как будто хотела поймать светящуюся точку.

Светлана наконец дозвонилась Рожнову.

— Светлана Петровна! — голос зама был совершенно счастливым. — И я вас поздравляю.

— Поздравляться позже будем. А сейчас ноги в руки — и на рабочее место.

— Вы шутите?

— Сколько раз говорила, что забор у бегемотов надо серьезно укрепить! Как Берта повадилась бок об него чесать, так и талдычу. Вот теперь приезжай и что хочешь, то и делай.

— Почему именно сейчас-то? Еще шампанское выпить не успел...

— Потому что Берта погулять вышла. Сейчас попробуем ее брандспойтами в вольер загнать. И не думайте, что я шучу, — Светлана Петровна умела быть грозной.

Рожнов позвонил в диспетчерскую такси и попросил машину до зоопарка. Можно представить, что ему ответила диспетчер. На место он приехал как раз тогда, когда Берта под тугими струями воды ретировалась в свой вольер.

Светлана, вздохнув, взглянула на часы. Новый год уже всю шагал по планете. Рожнов и Сан Саныч, вооружившись инструментами, укрепляли забор. Берта, нагулявшись по аллеям зоопарка, спала. Пожарные предложили отвезти Светлану домой. Она поблагодарила и отказалась: не могла понять, куда ехать — домой или в гости. Набрала номер диспетчерской такси.

— Куда прислать машину? — спросил знакомый женский голос.

— К зоопарку, — устало ответила Светлана.

— Да вы что, с ума там все посходили? И шутки у вас дурацкие.

— И вас с Новым годом.

Светлана отключила мобильник, закрыла за собой ворота зоопарка. Около входа остановилось такси. Из машины выскочил взлохмаченный муж, куртка нараспашку, в руках бутылка шампанского и два пластиковых стакана.

— Светка! Что за пожар? Новый год как встретишь, так его и проведешь, — разлил шампанское. — Давай, Светка, с Новым годом!

— С Новым годом! — Светлана выпила шампанское. — Эх, нелегкая это работа — вновь в болото загнать бегемота.

— О, машина уехала. Сейчас такси закажу, домой поедет, а то уже что-то спать хочется, — муж широко улыбался.

— Ага, дорогой, заказывай. Не забудь сказать, чтобы машина к зоопарку подъехала.

Юлия Тужилкина

Родом из города Сарова Нижегородской области. По профессии учитель русского языка и литературы, окончила Арзамасский педагогический институт им. А. П. Гайдара. Работала в дополнительном образовании, в школе, на телевидении, руководила пресс-службой российского федерального ядерного центра ВНИИЭФ.

Живет в Тбилиси, является внештатным корреспондентом «Хабар 24» (ТВ Казахстана), публикуется в грузинском русскоязычном журнале «Русский клуб».

Литературным творчеством занимается с 2006 года, отдает предпочтение в основном кратким формам: рассказам и эссе. Считает, что литературные способности, любовь к слову и творчеству — генетический подарок от родителей: мама — учитель—филолог с большим стажем, папа — член Союза писателей России.

Член Союза журналистов России.

Публикуемый рассказ «Воспоминания» был отмечен грамотой в номинации «Проза» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Воспоминания

О обоняние! Ты сильнейшее из всех чувств! И поистине нет для тебя ни времени, ни пространства. Ты можешь захватить, овладеть и перенести в давно забытые дни, позволив прочувствовать все так остро, близко и в то же время неуловимо и отчужденно.

Сажая цветы в своем палисаднике, волей-неволей получаю информацию из окружающего мира: справа соседи жарят шашлыки, слева только что скосили траву, а вдалеке кто-то выгуливает лошадей. И вот оно открытие: грузинское лето пахнет так же, как и российское. Особенно ярко это ощущается, когда мзе¹ — раскаленный огненный шар, откатывается за горизонт.

И всё вокруг начинает дышать, глубоко, жадно, с наслаждением. Ожившая трава пахнет влагой и свежестью, цветущие кустарники — парфюмерией. А шутник-ветер, играя с ароматами окраины Тбилиси, приносит издалека знакомый пахучий букет и забытые воспоминания...

Мне десять лет. Я — грустная, недовольная и вырванная, как засидевшаяся репа, из своей привычной среды — городской квартиры. Папа забрал меня на неделю в сельскую местность, к бабушке. Мы с ней очень похожи, но мало знакомы, так как приезжаю сюда крайне редко. От этого я чувствую себя неуютно и потерянно. Отец на рыбалке с братом. А я с бабушкой. Она невысокая, но полная, сильная и какая-то неутомимая. Она всегда в движении, а я вынуждена помогать. И мне это не нравится.

Раз уж я здесь, то непременно хочу валяться на воздушной сказочной перине. Хочу сорвать кисейную накидку, разломать конструкцию из взбитых и уложенных друг на друга огромных перьевых подушек, последняя

¹ Солнце (груз.).

из которых стоит треугольником... И нырнуть лицом в эти самые подушки! Вообще кровать здесь какая-то чудная: голубые железные прутья с облупившейся краской на выступах, кое-где просвечивает ржавчина, а нижняя часть, прямо от матраса прикрыта подзором — такой белой кружевной оборкой. Она свисает почти до пола и стыдливо скрывает все, что припрятала под кроватью хозяйственная бабушка. Скрипящие пружины позволяют и попрыгать, и исчезнуть в перине. Как приятно лениво нежиться на этой невероятной кровати, разглядывая вечных оленей на коврике! На улице жарко, а дома царит прохлада и дышится легко. И как здесь сладко спится! На удивление бабушка за все эти годы так и не поменяла кровать. И она так же манит меня.

Когда спадает жара, мы идем с бабушкой на огород, к реке. На душе немного тоскливо от того, что все здесь для меня чужое. Вечерний ветер поднимает сельскую пыль, и она вместе с песком попадает мне в открытые сандалии. Неприятно. Но бабушка упорно идет вперед, а я боюсь отстать и потеряться. Так и иду.

Это большое село называется коротко и емко — Вад. По этому поводу у нас есть семейная история. Моя мама, красавица-студентка, сообщает своим родителям новость, что выходит замуж за сельского парня.

— Так откуда он? Как его село называется? — спрашивает мой дедушка.

— Вад, — смущенно отвечает новоявленная невеста.

И в этот момент ее мама, всепоглощающе добрая, мягкая и веселая, всплескивает руками и удрученно восклицает:

— Тань, да что ж это такое? Все в рай, а мы в ад?!

Оказалось, свое название село получило от речки Вадок. Все просто. Без мистики.

А мы продолжаем идти. Нам встречается стадо коров, бредущих домой с пастбища. От них пахнет не-

вероятно резко, жарко и душно. Это и запах навоза, и парного молока. Необычно, но притягательно, и я не зажимаю своего презрительного носика. Худой, какой-то скрюченный и черный от солнца пастух лениво и устало плетется сзади. Он не принимает никакого участия в судьбе этих коров. А они с тяжелым мычанием расходятся сами по своим дворам. Удивительно, как это коровы сами знают, куда идти. Эта мысль полностью поглощает меня. И я постоянно оглядываюсь на стадо и больше ни о чем не могу думать.

Пробираясь вдоль узких сельских улочек, окруженных высокой травой с репейником, мы спускаемся к огородам. Вот он, этот запах, что вернул меня сюда! Скошенная трава дурманит голову, а упавшая роса заставляет очнуться от парализующей жары все живое. Я не знаю эти запахи, они новы и в то же время близки мне. Около реки свежо. Мне кажется, что пахнет тиной. Или водорослями. Бабушка проходит по подмосткам, нагибается, зачерпывает воду большим ведром и, сгибаясь под его тяжестью, медленно идет поливать грядки. Мне становится ее жалко. Начинаю неохотно помогать и неожиданно с головой ухожу в работу. Мы болтаем обо всем и ни о чем. Я узнаю, что изначально эти подмости у реки сделаны для женщин, полощущих одежду в реке. Всматриваюсь в темную, чуть потревоженную течением гладь реки. Хаотичное и резкое мелькание стрекоз над кувшинками завораживает: я пытаюсь угадать, куда они полетят дальше. Яростно хлопаю комаров по своим рукам, бью так, словно это не мои руки. А все потому, что комариные киллеры кусаются невероятно больно. Управившись с работой, мы — уже почти подружки — направляемся в обратный путь.

Вдруг совершенно неожиданно меняем маршрут и заходим в гости к родственникам. Там уже вернувшиеся с рыбалки мужчины сидят на кривой лавочке около

деревянного дома, облокотившись о круглые, почерневшие от времени балки. Меня заводят в сени и прямо там дают парного молока в железной кружке, наливая прямо из эмалированного ведра. Белое, теплое молоко пенится. Я пью с опаской, запах молока чужой и какой-то уж очень... живой. Но вкусно! Особенно с горячим черным хлебом, отломленным специально для меня.

Мужчины на улице курят и смеются: оказывается, мой дядя, тот еще озорник, учит курить козу, тыча ей в удивленную морду «Беломор». А у этой козы какие-то инопланетные глаза: я бы так и не поняла почему, если бы отец не обратил на это внимание. Зрачки у нее горизонтальные! Почему-то я помню об этом всю жизнь.

И вот мы уже вместе с бабушкой и папой идем домой. Тихо и не спеша. И снова запахи накрывают нас: где-то сжигают траву, откуда-то ветер несет неприятный запах курятника, а рядом с палисадниками — какая-то родная аура от пряной травы и цветов. У порога нас встречает толстая полосатая кошка Манька. После нее все кошки у бабушки были такие же камышовые и с такой же кличкой.

Поздно вечером, сполоснув пыльные ноги в тазике с нагретой в чайнике водой, мы смотрим черно-белый телевизор — одну-единственную работающую программу. В кромешной темноте, не включая свет, чтобы не налетели комары, мы смеемся, глядя моноспектакль Аркадия Райкина. И мне уютно.

Много позже эта самая бабушка Таня, когда-то в детстве казавшаяся мне немного чужой, невероятно помогла мне. Она взяла мою полуторагодовалую дочку Танюшку к себе на Вад и два года воспитывала ее. Ради меня и моей учебы в институте. Помимо этого, она ухаживала за своей девяностолетней матерью Марией. А мой дядя, приходя в гости к ним, восклицал с сильным нижегородским говором, припадая на «о»:

— Ох уж ваш тут женский монастырь! Две Таньки, да две Маньки! — вторая Манька — это кошка.

Сейчас бабушке уже восемьдесят пять, она такая же неутомимая и уравновешенная. Все так же застилает кровать с подзорами, ходит на огород и ведет неторопливую, размеренную жизнь. Только сильно сдала за последние годы. И я тоскую, что далеко от нее...

Запахи, ароматы, всплески сознания... Грустно ли мне? Немного. Но в то же время рада, что все это было и есть в моей жизни. Как же сладостны порой бывают воспоминания! Они размытыми импрессионистскими картинками вспыхивают все чаще. И только сейчас понимаешь, что тогда, в детстве, ты был свободен по-настоящему и как-то искренне и без оглядки счастлив.

Светлый путь

Наверное, у каждого есть уголок, место, дом или на худой конец скамейка, куда он жаждет вернуться. Хоть ненадолго. Лишь бы взглянуть. Только одним глазком. У меня тоже есть такое место. Это старая большая квартира в двухэтажном сталинском доме маленького городка. Она мне снится. С завидной регулярностью. Да так, что я просыпаюсь каждый раз с желанием во что бы то ни стало купить, ну или хотя бы вновь увидеть эту квартиру, вероломно ворвавшись к новым жильцам...

Это было недавно... Нет, это было давно. Длинный, нескончаемый коридор, деревянный крашенный коричневым пол, на кухне жестяная раковина, на дне которой маленький дырочки для слива, напоминающие дуршлаг, и кран с какой-то резиновой насадкой в виде душа. Три больших комнаты — и в каждой по семье. В одной бабушка с дедом, в другой мамин брат с женой, в третьей — мы с родителями. Колхоз «Светлый путь» —

так называли нашу семью соседи. Там всегда было шумно, суетно и беспокойно. Жизнь бурлила, била ключом и казалась длиннее того самого огромного коридора.

При входе в квартиру стоял массивный шкаф с зеркалом, скорее это была какая-то кладовая для всего на свете. Тысяча мелочей, и не только. Я точно знала, куда бабушка кладет помаду, а где мамины босоножки. Все это, наверное, прятали от меня, но напрасно. Я знала каждый закоулок этого монумента со скрипучими дверками.

В нашей комнате было два окна, одно — полукруглое, с этакой нишей, совсем как в княжеских усадьбах. В этой нише у нас стояла большая швейная машинка с ножным приводом. Я очень хорошо запомнила трос и огромное колесо, но так и не могу вспомнить, кто ж тогда шил. В нашей семье не было выдающихся портных. Наверное, бабушка перешивала свои старые платья на фартуки. Ох уж эти ее разноцветные и неизменно полинявшие фартуки! На кухне бабушка всегда надевала такой фартук и часто пыталась вытереть мне нос или рот этим чудом печворка, невыносимо пахнущим супом! А я всегда была категорически против. Правда, в карманы этих фартуков заглядывать очень любила: там были конфеты.

Помню, что иногда бабушка меня укладывала. Спать я не любила, поэтому спала бабушка. А я лежала и смотрела на нее. Она отворачивалась на бок, одну руку клала под голову, а вторую — вдоль тела и чуть откидывала за спину. И я лежала и смотрела на эту полную, уставшую и такую родную и красивую руку и думала, какая у меня добрая и мягкая бабушка. Вообще видеть бабушку тихой и спящей было непривычно. Она была душой всей семьи: самая веселая, самая громогласная, самая добрая и абсолютно беззлобная, совершенно не умеющая защищаться или таить обиду. К слову, спать я и сейчас не люблю.

И вот лежу и смотрю, как засыпает моя грузинка дочь. Вижу, как моя малышка переворачивается на бочок, кладет правую ручку под щеку, а левую на другой бок вдоль тела... и слегка откидывает ее за спину. Ее ослабленная и пухлая ладошка лежит совсем так же, как рука моей бабушки. И я, затаив дыхание, совсем как в детстве, смотрю на эту родную ручку и вспоминаю...

Эта квартира всегда была наполнена впечатлениями. Из окна нашей комнаты виден был палисадник с желтыми цветами, они буквально стали символом этой квартиры. Летом этот желтый фонтан из рудбекии видно было издалека, брызги этого яркого счастья буквально врываются в нашу комнату, наполняя ее светом и радостью. Я помню там своих родителей такими молодыми! Они были безмятежно юными, с кипящими сердцами и грандиозными планами. Совсем такими, как сейчас моя старшая дочь.

Еще одним членом нашей семьи был стол. Скорее он был начальником, поверенным, примирителем и центром вселенной. Огромный деревянный, круглый стол, занимавший центральное место в кухне. Именно там собиралась вся семья, а за столом обсуждали вопросы и решали проблемы. Я помню ароматные и невероятно вкусные бабушкины пироги, разложенные на разных тарелках и прикрытые полотенцем. И как бабушка уговаривает съесть ну хоть еще один пирожок... Наверное, не будет мне покоя, пока не приобрету такой же большой круглый стол, когда все рядом, близко друг к другу, не отделенные углами и недомолвками. Когда во время застолья по столу пускают машинку или заводную игрушку, чтобы привлечь внимание самого маленького и уже накормить его.

Еще я помню подарок, полученный от соседа. Над нами в такой же квартире жили академики, очень тихие, интеллигентные и уважаемые люди. И моя бабуш-

ка, окончившая только восьмилетку, всегда удивлялась, как легко и приятно с ними в разговоре и общении. И вот невысокий, с яркими цепкими черными глазами сосед, который называл меня исключительно по имени-отчеству, привез мне из командировки подарок. Набор по уходу за куклой! Безусловно, сейчас можно найти всё: жениха, сережки и даже зубную щетку для любой куклы. А вот в конце семидесятых годов прошлого века детский набор, где были расческа, духи, и мыло — это был шедевр! Я чуть не захлебнулась от счастья! И до сих пор помню аромат того кукольного мыла, которое я берегла довольно долго.

Я знаю, где до сих пор стоит это старенький маленький дом. Безошибочно с закрытыми глазами найду и квартиру, и окна, и палисадник. Но за все эти годы ни разу там не была. Иногда рождается порыв и уверенность: я должна туда вернуться! И сейчас щемящее сердце, возвращая меня на эту улицу, в этот дом, шепчет: сходи. Память предательски подсказывает — там было хорошо. Но я не сдаюсь. Пусть все так и останется в моем сознании. Колхоз «Светлый путь» и радость счастья оставляю в своих воспоминаниях, чтобы они озарили мне дорогу вперед.

Бабка Маня

Бабка была вредной, с характером. Родом она из глухой деревеньки, затерянной в дремучих нижегородских лесах, где жили староверы. В силу возраста переехала к своей дочери в село недалеко от Арзамаса.

Бабка Маня — маленькая, сухонькая набожная старушка. Каждый день она заплетала свои тонкие, седые косички, перевязывала их тонкими тряпочками и укладывала на голове корзинкой. Затем покрывала голову

платком. Она мне доводилась прабабушкой. И почему-то особой любви и ласки между нами не было. В мои студенческие годы мы жили четвером: бабка Маня, моя бабушка Тania и двухлетняя Танюшка, моя дочка.

Бабка, или, как ее все звали по-деревенски, протяжно и теряя звук «б»: ба-а-аушка, была у нас ключевой фигурой. Она командовала парадом: кому и как одеваться, когда готовить еду и как вообще себя вести. У нее все было строго, четко, выстроено десятилетиями. И под нас она подстраиваться не собиралась. Молитва — в семь утра! По средам и пятницам — пост. Новый год не отмечать, ибо опять же пост. Даже день рождения своей дочери, моей бабушки, не позволяла справлять 18 января, так как накануне Крещения праздновать нельзя! Но мы праздновали. Только тихо, вдвоем с бабушкой, которой было тогда чуть больше шестидесяти. И будни наши были наполнены порядком и старинными традициями.

— Ба-аушк, иди обедать! — кричу я ей что есть мочи, так как она ох как глуха.

— Не кричи, — в ответ обижается она. — Рано еще обедать-то.

Я, пожав плечами, снова ухожу на кухню. Помогаю накрывать на стол своей бабушке, которая разливает по тарелкам ароматный наваристый суп из квашеной капусты. Огромным, почерневшим от старости, но острым ножом, держась за удобную деревянную, похоже, даже самодельную ручку, режу душистую, деревенскую буханку невероятно белого и воздушного хлеба. Мою ручки маленькой дочке, садимся. Но как то не по себе: бабка-то голодная. Снова иду в спальню. Баба Маня лежит и что-то шепчет.

— Бау-ушк, — снова зову ее. — Пойдем поедим! Мы уже все накрыли.

Она машет на меня рукой и резко отвечает, делая ударение на первый слог:

— Не хóчу!

Мы обедаем втроем, затем неспешно греем чайник, чтобы помыть посуду в горячей воде. Через час бабушка идет звать свою мать поесть. Но нет. Снова мы промахнулись. Обмишурились. И снова не в чести. Бабка Маня уже обиделась и отвернулась к стене. Все время мы с бабушкой забываем этот ритуал: надо потчевать трижды. Два раза я ее позвала, она культурно отказалась. А третий раз чего? Ноги что ль отвалятся еще разок сходить? Теперь уж бабка до вечера с нами говорить не будет. Смеемся. И все ж переживаем — негодницы мы.

Я жутко стесняюсь переодеваться в присутствии бабы Мани. Она, как рентген, фотографирует, делает выводы и припечатывает диагноз.

— Ох, кака ты худа! И посмотреть не на что. Да кто ж на тебя позарится? А чего это рубашки нательной не носишь? Кофту да на голое тело! Срам-то какой! Тьфу! — и бабка от души плюет в мою сторону. Мне смешно и обидно. Умеет ведь зацепить!

В день моего рождения бабка Маня решила сделать мне подарок. С утра полезла под кровать за своими сокровищами в старом сундуке. Достала красивый шерстяной расписной платок. Повесила на спинку своей железной кровати. Разгладила, не глядя на меня. Все у нее размеренно, не спеша, без суеты. У меня приподнялось настроение!

— Бабуль, — шепчу я своей бабушке, — баушка-то мне платок подарит, представляешь?

Мы тихонько, заговорщицки улыбаясь, удивляемся. Ан нет. К обеду я снова чем-то не угодила. И бабка платок незаметно припрятала обратно: до лучших времен.

А вот моего отца, которого нянчила в молодости, бабка Маня любит. В день его приезда надевает чистый белый платок и не отходит от окна.

— Когда уж Павлушко-то приедет? — все спрашивает у бабушки.

При его появлении она оживляется, слабые и выцветшие глаза загораются вновь: смеется, болтает, задает вопросы и всему удивляется. Ради него даже готова смотреть телевизор, в котором не понимает ровным счетом ничего.

— Бают¹ ведь чего-то, а не пойму! — с недоумением восклицает она, с раздраженным любопытством заглядывая в черно-белый экран.

А еще бабка Маня души не чает в моей двухлетней дочери. Вот они точно на одной волне. Часами сидят около окна на столе, разглядывая и комментируя прохожих. У них свой язык и свои жесты. Однажды Танюшка прибегает домой и кричит с порога:

— Дай баушкин подог!

— Что? — удивляюсь я. И пытаюсь сообразить. Но тщетно.

— Подог-ат! — с местным говорком снова требует дочь. И поняв, что от меня мало толку, бежит в комнату. Я — за ней. Около кровати Таня деловито хватает длинную тонкую палку и снова бежит на улицу. Вон оно что! Подог — это посох, клюка, ну или, если желаете, трость.

И кстати, командовать бабкой позволено только Танюшке. Однажды захожу в квартиру и возвещаю: «Я приехала!» Из-под стола в большой комнате выползает моя дочь и, радостно раскинув руки, бежит меня обнимать. Вдруг понимаю, что под столом еще кто-то есть. Заглядываю и не верю глазам! Таня заставила играть в домик под обеденным столом девятиностолетнюю бабку Маню, которая в обнимку с откормленной кошкой, стесняясь и охая, при виде меня, выползает наружу. Я смеюсь от души: звонко и счастливо!

¹ — Говорят.

Учеба моя в другом городе, поэтому только на вы-ходные приезжаю в свой женский монастырь. За эту долгую неделю моя бабушка Таня невероятно устает. Разрываться между малым и старым ей тяжело. Да и годы нехлебосольные. Очень помогает пенсия бабки Мани — она вдова ветерана войны. Новые деньги бабка не понимает, поэтому бабушка отдает ей совсем немного, чисто символически, дабы успокоить старушку.

С тех пор прошло более двадцати лет... Нет уже давно моей бабки Мани. Я до сих пор не знаю точно, сколько ей было лет. По паспорту она 1904 года рождения. Но всем нам доказывала, что моложе, просто записали ее по старшей сестре. Зато я знаю другое: теплое и душевное облако окутывает меня при воспоминании о ней и тех годах. И как недалеко я от нее ушла. Вернее, как стремительно приближаюсь к этой маленькой, упрямой и вечно недовольной детьми, их поступками и взглядами, строгой бабке. Порядок — прежде всего! Как без него-то?

Елка

Отчего и почему с годами притупляются чувства? А точнее, чувство радости. В детстве в праздники я всем желала счастья и радости. И это было как-то естественно тогда. А еще я мечтала и делилась мечтами с окружающими. Сейчас молчу. И желаю всем благополучия и достижения целей... Это как-то солидно, по-взрослому что ли. Ну, ей-богу, глупо серьезным людям, с кучей проблем, кредитов и во времена мирового экономического кризиса взять и пожелать радости. Клоуны, что ли, они, просто так радоваться? Да и мечты куда-то исчезли, махнув сверкающим пав-

линьим хвостом. А обидно. Например, была у меня в детстве мечта: иметь целую комнату, забитую коробками жвачек. Вот это я понимаю — мечта! Она так и осталась недостижимой и светлой. А сейчас? Мечты каким-то образом незаметно трансформировались в цели. Ставишь — стремишься — достигаешь. Что ж произошло?

Видно, в какой-то момент некий тоскливый и кроважидный в своем стремлении паук, под псевдонимом Взрослая жизнь, поселился рядом и круг за кругом набрасывал на меня сети. Он не торопился: размеренно и постепенно вытягивал из своего мохнатого животика тоскливую паутину. Тягостное ощущение взросления охватывало меня все сильнее и сильнее, приликая вместе со слюнявыми нитями паука. Эта тонкая, но крепкая сетка сковала волю, ослабила радость и ядом отравила желания. И я порой задыхаюсь от этих нитей, стараюсь вырваться и сделать тот самый заветный глоток детства.

Мне примерно лет пять. И пока я единственный ребенок в семье. Беспокойный, упрямый и непослушный. У меня веселая, но строгая мама, и я ее побаиваюсь. И знаю, бороться с ней непросто. Вот мы все готовимся к новогодним праздникам. И я знаю: будет чудо. Будет радость и веселье! Почему-то даже не думаю о подарке, а просто хочу этого новогоднего ощущения. И очень хочу елку! Каждый день, приходя из садика, я бегу в свою комнату проверять: привезли эту зеленую ароматную красавицу или нет. Родители обещают. Но елки все нет. А я так не люблю ждать! И не знаю, где взять силы и терпение. Я считаю по сто раз за вечер, сколько же дней осталось... И ложусь спать с мечтами о елке. О том, как буду ее украшать. И как она заполнит собой все вокруг, а гирлянда с огоньками подарит мне сказочные сны.

И вот я снова прихожу из садика. С порога почти умоляюще восклицаю: «Елку привезли?!» А в ответ любящая порядок и чистоту мама сообщает, что елка будет завтра. А сегодня мне нужно убрать и приготовить свою комнату. То есть все разбросанные игрушки сложить в ящик. И настроение как-то сползло вниз. Сжав губы в ниточку, я медленно раздеваюсь в коридоре: ожесточенно стягиваю заснеженные валенки, разбрасывая грязные брызги во все стороны, с тоской смотрю на лужи от подтаявшего снега. Стягиваю шапку на резинке. Думаю, куда же незаметно стряхнуть снег с нее. Тяну время. Ну не хочу я убираться! У всех праздник и радость, а тут уборка! Ну что у меня за мама! А ей как раз не терпится: она начинает сердиться. И настойчиво и строго отправляет меня в свою комнату. А я... понимаю, что даже близко не хочу подходить к этой мрачной и непраздничной комнате.

«Не пойду, — думаю я про себя. — Не пойду и все. Ну что она сделает?» Решила попить водички и еще потянуть время: может, мама передумает? Медленно направляюсь в кухню. Пью воду и соображаю: что б еще придумать, чтобы не идти в свою комнату? Я неторопливо ставлю кружку на стол и открываю рот, чтобы что-то сказать...

Но тут терпение у мамы лопается, она хватает меня в охапку и тащит в комнату. Убираться!

— Ну-у-у! — кричу я изо всех сил, размахивая руками и пытаюсь вырваться.

В таком отнюдь не новогоднем настроении мы вваливаемся в комнату. А там! У меня вдруг перехватывает дыхание. И я захлебываюсь от счастья! Елка! Огромная и живая лежит так, что ее трудно даже обойти, не наступив на ветки. Она заполняет собой все вокруг: ее еще холодные с мороза маленькие иголки такие свежие и ароматные! Они доставляют не просто радость, а истинный

восторг! Я их трогаю, отрываю, укалываюсь, пробую жевать. Я счастлива! Обнимаю родителей. Потом елку. Прыгаю по комнате в елкиных зарослях, верещу что есть мочи! Радость нужно показывать! Не демонстрировать, не надумывать, а просто испытывая, выплескивать на окружающих!

А потом, поздно вечером, когда папа установил елку и мы все вместе ее нарядили, родители сделали еще кое-что для меня. Около важной, пушисто ароматной красавицы, растянув и закрепив на табуретки простыню, мне устроили маленький новогодний домик. И он такой уютный и сказочный, что я поскорее забираюсь туда. Мне не хочется ни шевелиться, ни играть: боюсь спугнуть эту хрустальную атмосферу сказки. И просто сижу, поджав коленки к подбородку, полностью погружаясь в сугробы счастья. Рядом, отогреваясь и благоухая, радуется и сверкает елка, освещая мою новогоднюю деревню. А на полу лежит вата и старательно изображает снег. Выглядывая из-за простыни, я смотрю на своих родителей. Они в обнимку сидят на диване и о чем-то шепчутся: иногда говорят про меня, и я стараюсь уловить каждое слово. А иногда они тихонько смеются и болтают просто так, о каких-то взрослых глупостях — тут уже не слушаю их совсем. Просто смотрю. И радуюсь. Они такие молодые! А я такая маленькая. И такая счастливая. Быть может, счастье вообще такое маленькое, что способно заполнить только детское сердце? И чем становишься старше, тем большего количества требуется счастья? Эх, откуда его столько набрать-то?

А вы заметили, что отсутствие ярких эмоций порождает какую-то внутреннюю лень? Она почему-то просто одурманивает в тот момент, когда вы, выполнив все обязательные дела, свободны и можете позволить повеселиться и почудить. Впустить радость и

счастье. Но нет. В этот момент почему-то охватывает вечная спутница лени — тоска. И хочется минимализма. К примеру, встретить новый год в старенькой пижаме, обложив себя мягкими сугробами — подушками. С бокалом шампанского и оливками. Даже елки уже не хочется.

Но, к счастью, у меня есть те, кто периодически отгоняет от меня того самого депрессивного паука, разрывая его клейкую паутину. И заставляет вспоминать мой маленький новогодний домик, освещенный, словно северным сиянием, волшебной гирляндой. Да, у меня есть те, кто постоянно будит во мне чувства, даже когда я этого и не хочу. Это дети: маленькие и большие, вредные и беспокойные, но всегда подвижные, яркие и быстрые на любые свершения. И, конечно, родители, которые до сих пор у меня самые молодые. Ради них и благодаря им я до сих пор могу чудить, зажигать, мечтать и радоваться. Пусть не так ярко и часто, как в детстве, но все же...

А как у вас?

Ирина Гендельман

Окончила филологический факультет Горьковского (Нижегородского) университета им. Лобачевского. В настоящее время проживает в Германии. Увлекается психологией, историей и педагогикой, что находит отражение в ее творчестве.

Публикуемый рассказ «Бабушка» был отмечен грамотой в номинации «Проза» конкурса «Книга прикосновений», организованного МСП «Новый Современник» и творческой мастерской «МОССАЛИТ» в 2020 г.

Бабушка

Длинный мрачный коридор. Множество обшарпанных дверей, похожих друг на друга. Одинокая лампочка то оживала, разбрасывая яркий свет, то затухала, словно пытаясь скрыть сторбленную фигуру, медленно, почти на ощупь пробирающуюся к выходу. На лестнице мы столкнулись. В робком пятне света проявилось незнакомое лицо с громадным плоским носом, но я чувствовала, что это бабушка, и потянулась к ней. Однако старуха, зло отмахиваясь, пробормотала, что не знает меня. Я заплакала. Громко. С надрывом. Как в детстве.

Я вскочила с постели и включила свет. Часы показывали пять. Знакомые вещи успокаивали и возвращали в привычный мир. Но сон не отпускаял, напоминая о себе слезами, которые продолжали скапливаться внутри, стыдясь вырваться наружу. Тихо, чтобы не разбудить мужа и детей, спустилась в гостиную, вынула из шкафа старые альбомы и стала судорожно перелистывать их в надежде найти единственный снимок бабушки.

К счастью, он сохранился. Гладкие волосы, слегка впалые щеки, тонкие губы и пристальный колючий взгляд — я смотрела на это изображение и постепенно превращалась в маленькую беззащитную девочку.

— Ешь быстрее и иди домой, — слышала я, давясь супом.

— Я боюсь оставаться одна ночью.

— Большая уже, нечего притворяться. У меня негде спать.

— Но папа сказал...

Меня никто не слушал. Быстро набив рот ненавистным мясом, я выскочила в коридор и выплюнула его в ведро, стоявшее перед дверью.

Бабушка и ее сестра, моя крестная, которую я должна была называть «кока», что мне очень не нравилось, жили в двухэтажном бараке, похожем на муравьиную кучу. Часть муравейника работала с утра до вечера, потом выползала во двор полужгать семечки, поиграть в домино и посплетничать; другая часть, дети, была предоставлена себе и радовалась свободе. Родители тоже много работали, поэтому мне приходилось быть самостоятельной, хотя некоторое время за мной смотрела тетя Саша, худощавая старушка неопределенного возраста, похожая на Бабу-ягу. Я ее немного побаивалась. Этого, конечно, никто не замечал, потому что с перепугу я всегда перечила и пыталась отстаивать свои права. От опеки удалось быстро избавиться, после чего отношения с соседкой наладились.

В тот вечер я постучала в ее дверь и попросилась переночевать — одной мне было не по себе, а отец и мать работали в ночную смену.

Флигель, в котором жила наша семья, приютился в глубине большого двора за баракom, с жильцами которого сложились непростые отношения.

Женщины ворчали по поводу того, что у нас просторные отдельные квартиры, а им приходилось жить почти на виду у двадцати семей. Я, наоборот, завидовала своим друзьям, которые могли носиться по нескончаемому коридору и скатываться по перилам крутой лестницы.

Распри взрослых, которые иногда доходили до драк, никак на нас не отражались: и зимой и летом мы находили столько интересных занятий, что ссориться и злиться друг на друга не было времени. Родные иногда пытались нас растащить в разные стороны, но им это не удавалось.

Я лежала на высокой кровати с взбитыми пуховыми подушками и думала, вернее, пыталась понять, почему бабушка меня не любит. То, что это так, я не сомневалась, но мое детское сердце не могло смириться с не-

любовью. Я ворочалась, представляя, как она проходит мимо меня, будто чужая, как поджимает губы, когда я прошу заплести косы. Нет, она не отказывается, но расчесывает длинные густые волосы так безжалостно, что я начинаю всхлипывать, чем раздражаю ее еще больше.

А самое обидное — она никогда не угощает меня конфетами. Закрываю глаза и представляю темно синюю вазу на длинной ножке, до краев наполненную карамелью в ярко-зеленых обертках. Эта ваза — главное украшение — стоит на буфете и сразу бросается в глаза, как толькоходишь в комнату. Сколько раз моя рука опускалась на эту чудную горку, но я не решалась взять хоть одну штуку, словно боясь, что бабушка пересчитает конфеты и заметит пропажу.

Думать мне мешало легкое похрапывание тети Саши. Ничего не придумав, я разбудила свою спасительницу и спросила, не знает ли она, за что баба Катя меня не любит.

— Так она никого не любит, — услышался сонный голос, — вот Пашутку совсем со света сживает. Все соки из нее выжала, злыдня!

Снова стало тихо.

Заснуть не удалось. Не сразу поняла, что Пашутка — это моя крестная, которая не вставала с постели уже много лет. Она была незаметна, молчалива, пожалуй, я никогда не слышала от нее ни слова. Да и видела редко, невольно обходя стороной ее каморку. Но сейчас я вдруг представила себе закуток, отгороженный тонкой стенкой от комнаты, где бабушка царствовала среди своих ковров и резной мебели, и с ужасом увидела, как наяву, что крестная лежала не на кровати, а на сундуке и накрыта была тонким лоскутным одеялом. В эту ночь я поняла, что такое настоящая нелюбовь.

Мне было восемь лет. Что я могла изменить? Ничего! Но я поклялась: вырасту и заберу Пашутку к себе. А

сейчас решила устроить ей праздник — день знакомства с моими подругами, да и со мной тоже. Бабушка Катя каждое лето на несколько дней уезжала к подруге в деревню, поручая маме хлопоты по дому, поэтому времени было достаточно. Конечно, я рассказала крестной о своих планах и впервые увидела ее улыбку. Она радовалась не столько гостям, сколько тому, что я заговорила с ней.

Комнату украсили полевыми цветами и воздушными шарами. Коку, как я теперь стала ее называть, перенесли, с помощью тети Саши, на диван, стоявший напротив окна, в которое так и рвалось любопытное солнце. Мы устроили настоящее представление с фокусами, музыкой и, конечно, пирогом. А в конце праздника — фейерверк: подбрасывали в воздух шарики и лопали их иголкой. Треск стоял такой, что соседи сбежались и наблюдали за нашим весельем, стоя перед открытой дверью. А моя маленькая крестная залиристо смеялась, показывая всем крошечного зайца, который оказался в куске пирога и чуть не сломал ей зуб: «Зайцева получила зайца!»

К приезду бабушки мы убрались, расставили все по своим местам.

Конфеты по-прежнему занимали почетное место, но теперь, войдя в комнату, я смотрела не на них, а на крестную и радовалась тому, что смогла сделать для нее то небольшое, что могла.

Через несколько месяцев я уговорила родителей забрать ее к себе.

Баба Катя вздохнула с облегчением и совсем перестала меня замечать.

Впрочем, не только меня.

Гладкие волосы, слегка впалые щеки, тонкие губы и пристальный колючий взгляд... Он так и не смягчился. Бабушка снова оттолкнула меня, теперь уже во сне. Ма-

ленькая девочка во мне плакала и пыталась заглушить обиду, о которой я, казалось, давно забыла. Может, когда-нибудь, в новом сне, она обвинит меня и сунет в карман карамель в зеленой обертке? Буду ждать...

Классная

Резкий сигнал автомобиля заставил меня вздрогнуть и остановиться возле дома. «Нервы ни к черту, надо валерьяночки попить», — подумала я и оглянулась. Невдалеке стояла шикарная машина, лоснящаяся от самодовольства и гордости, словно женщина, которая вернулась в «свет» после удачной пластической операции. Впрочем, черной красавице никакие искусственные изощрения пока не нужны, время не подошло. С водительского сиденья выпорхнула молодая особа, высокая гибкая блондинка, одетая, на первый взгляд, просто, но мило. А на второй... дорого, элегантно, сдержанно.

— Надежда Петровна! Не узнаете? Это я, Регина, — донеслось до меня, уже открывавшей дверь подъезда.

— Вот так неожиданность! Столько лет не виделись! Ты же уехала из города.

— Да, но родители здесь остались, приехала их навестить.

— Как ты?

— Потихоньку!

Я невольно улыбнулась, вспомнив, что Регина часто именно так отвечала на мои вопросы. Не могу сказать, что встреча с бывшей ученицей, которую давно не видела, меня обрадовала, скорее вызвала тревогу. Но когда она предложила встретиться на следующий день в кафе напротив школы, отказаться не смогла. То ли неудобно было, то ли любопытство победило, не знаю.

Странно устроена память — неожиданно всплывают ощущения, а потом уже сами события, с ними связан-

ные. Почему-то я, взрослая женщина, много лет проработавшая с детьми и побывавшая во многих сложных ситуациях, сейчас робко смотрела на бывшую ученицу, будто боялась напомнить ей о том, что между нами произошло. Пора бы обо всём забыть, тем более, с высоты моего сегодняшнего возраста и жизненного опыта тот случай кажется незначительным, тем не менее кровь прилила к моему лицу. Я готова была перенестись в то время.

Мой второй год в родной школе в качестве преподавателя.

Тогда мне предложили вести русский и литературу в восьмом «б» вместо ушедшей на пенсию коллеги, а также классное руководство. Об этом классе ходили легенды. Будто специально собралась развеселая компания мальчишек и девчонок из семей, в которых пьянство и драки были обычным делом. В школу ребята приходили отдохнуть от повседневной безысходности и расслаблялись не на шутку.

Первый урок привёл меня в такое состояние, что долгое время я мечтала сломать руку или ногу, только бы не ходить в этот ад. Каждый раз, стоя перед закрытой дверью, готовилась к худшему, хотя что может быть хуже летящих учебников и раскрасневшихся чудовищ, прыгающих по столам. Сказать, что я их боялась, нельзя, просто не знала, как вести себя.

Орать, вызывать родителей, тащить за уши к директору? Ничто не могло помочь, и однажды я расплакалась от бессилия и отчаяния. До сих пор не могу понять, почему мои слезы так подействовали, но с того дня все изменилось: наши отношения стали понемногу налаживаться. Самые отчаянные двоечники пересели за передние парты и старались получить свои, иногда натянутые, тройки, подбрасывая на учительский стол те-

традки с выполненными в классе или дома заданиями. Постепенно и родители привыкли ко мне настолько, что делились семейными проблемами и приглашали в гости на семейные праздники. Жизнь стала спокойнее.

Но напрасно я расслабилась. В один прекрасный день в учительскую ворвалась незнакомая мне женщина, полная блондинка, слегка напоминавшая кого-то из учеников. Она уверенно подошла к моему столу и буквально зашипела, вызвав некоторую оторопь у меня и явный интерес у коллег: «Я выведу вас на чистую воду».

Пока я гадала, о чём идёт речь, мамаша наклонилась над столом, закрыв меня своим телом от окружающих, на помощь которых я надеялась, и продолжила: «Куртку Регинкину зачем взяла?»

Тут до меня дошло, что блондинка похожа на ученицу из восьмого «б», безобидную красавицу, в которой удачно перемешались гены светловолосой сероглазой мамы и жгучего брюнета отца. Впервые увидев девочку, я не могла отвести от нее глаз, настолько необычным было сочетание громадных карих глаз и светлых, будто специально обесцвеченных, волос. Но кроме внешности в Регине не было ничего особенного. На фоне необузданного темперамента одноклассников выглядела она отрешённой, скрытной и равнодушной.

Пытаясь спастись от напора мощной дамы, я вышла из-за стола и огляделась вокруг. Все хранили молчание, и только Людмила Матвеевна, директор школы и моя бывшая классная руководительница, которую я боготворила, сказала строгим надменным тоном: «Надежда Петровна, я от вас этого не ожидала».

По-прежнему ничего не понимая, я растерянно молчала. В то время тишина в учительской прорвалась, словно вода из запруды, и ситуация постепенно начала проясняться. Коллеги, наперебой с посетительницей, поведали о том, что у Регины пропала куртка, которую

она потом увидела на мне, а техничка подтвердила, что раньше такой у меня не было. Буквально через полчаса после того, как разъярённая родительница, заручившаяся поддержкой большинства, гордо удалилась, школа превратилась в растревоженный пчелиный улей.

Некоторые из «пчёл» кусались больно. Я превратилась в изгой, не имеющего права ответить на пересуды. Мои объяснения никого не интересовали, а новую ветровку, которую я первый раз надела, забрала Регина. Я опозорила школу, совершив кражу, — к такому мнению пришли все, кто знал меня с детства.

Класс встретил меня молчанием, которое не угнетало, а помогало мне прийти в себя. Когда прозвенел звонок, Мишка Панкратов, один из самых озорных мальчишек, бросил мне на стол чёрную заношенную куртку: «Не лето на дворе, домой идите, мы с ними разберёмся сами».

Следующий день начался как обычно. Казалось, что ничего не случилось. Никто не отводил глаз при встрече, никто не переговаривался за моей спиной, а техничка, Таисья Сергеевна, улыбаясь, протянула мою куртку: «Тут пуговица на тонкой нитке висела, так я её пришила. Не злись на меня, Надежда, чёрт попутал. Эта баба на меня налетела, я и понять-то ничего не успела».

Сил обижаться не было, но отделаться от чувства разочарования пока не получалось.

«А твои-то что учудили, — продолжала она, — забастовку устроили. В классе закрылись и все уроки сорвали. А потом расследование провели: Регинку допросили и выяснили, что её куртка пропала два дня назад, а когда она увидела такую же на тебе, матери и сказала. Та разбираться особо не стала, в школу прибежала, а вещь к рукам прибрала. Потом детективы твои выяснили, что девчонкина куртка была внутри рукава подписана, а эта — нет. Регина призналась, что сразу ошибку свою заметила, но промолчала, не знает, почему. Так что,

Надежда, ты полностью оправдана. Забудь! Ещё много всего в твоей учительской жизни будет, если из-за всего переживать, здоровье угробишь».

На большой перемене директор попросила зайти к ней.

Уже в дверях я услышала: «Надежда Петровна, усмирили бы своих подопечных. Осмелели, уважения к старшим никакого! Дальше что с ними будет? Подумайте!»

Обращение на «вы» обидело меня больше, чем раздражённый тон.

Официальные отношения между нами соблюдались только при учениках и родителях, в другой обстановке я так и осталась для своей любимой учительницы Надюшей. Сейчас между нами как будто образовалась пропасть. Невозможно было понять, как одно минутное недоразумение разрушило то, что казалось таким крепким. Не было смысла выяснять отношения, это могло показаться проявлением неуважения или дерзостью, поэтому я попросила разрешения идти на урок, тем более прозвенел звонок.

«Знаешь, что они сказали про тебя? — почти прокричала Людмила Матвеевна мне вслед, — наша классная — самая классная! Я никогда ничего подобного в свой адрес не слышала! Больше тридцати лет в школе проработала, а ты... девчонка!»

В голосе слышались истерические нотки, но мне стало легко и спокойно, вчерашние события отступили. Я получила поддержку. Но ее же и потеряла. Зависть, ревность? Что испытывала моя бывшая учительница, осталось для меня тайной. Стоило ли её разгадывать?

Много времени прошло с тех пор, всё казалось забытым, но сейчас, сидя в кафе с Региной, я почувствовала себя неуютно, словно девушка была виновата в моих разочарованиях и обиде на тех, кто не поддержал меня, а,

в лучшем случае, сделал вид, что ничего особенного не произошло.

Никто из учителей не нашёл возможным сказать хотя бы несколько ободряющих слов, чтобы я не разочаровалась в выборе профессии. Для Людмилы Матвеевны я перестала быть Надюшей, мы определили для себя дистанцию, которую уже больше никогда не нарушали. Но мне повезло — рядом были мои чудные, но верные ребята из бывшего восьмого «б». Они и сейчас здесь: в разных городах и странах, но всегда вместе.

Разговор с Региной был натянутым, вялым. После того случая она перешла в другую школу, поэтому нас не связывали общие воспоминания, а о себе она рассказывала как-то скупно, стараясь уходить от моих вопросов, будто что-то более важное заботило её.

Когда я готова была распрощаться, Регина положила передо мной кольцо, которое я потеряла в день скандала. Моя привычка снимать с руки кольца или часы была всем известна, обычно мои вещи быстро находились, только не в тот раз.

Обручик, как его называл мой бывший муж, нельзя было не узнать, потому что на нем есть гравировка — НПП — Надежда Петровна Привалова.

Вопрос готов был сорваться с моих губ, но бывшая ученица опередила меня:

— Простите, пожалуйста, простите. Я нашла кольцо в кармане куртки.

— Почему не вернула? Зачем оно тебе?

— Хотела отомстить вам.

— За что?

— Наверное, за то, что весь класс встал на вашу сторону, даже когда не знал, что вы не брали куртку.

Я была поражена и ничего не могла сказать. Стало жалко Регину, голос которой срывался на крик. Она покраснела и готова была заплакать.

Хотелось утешить ее, но девушка словно прочитала мои мысли:

— Не надо меня жалеть, я ведь вас не пожалела. Не случайно кольцо осталось у меня, есть примета — если оно потеряется, то муж с женой азведутся. Это было моей мезтью!

— У тебя все получилось, девочка. Мы с мужем развелись. Теперь ты можешь успокоиться и жить дальше.

— Как? Этого не может быть, я не хотела...

Регина продолжала произносить какие-то слова, но смысл их не имел больше значения. Хотелось побыстрее уйти и стереть из памяти тех, кто когда-то мимолетом задел мою жизнь. Я поняла, что возвращаться в прошлое можно только тогда, когда есть уверенность, что оно не принесет новых разочарований.

Много лет назад

Черные очки, которые закрывали мне пол-лица, едва смягчали слепящий солнечный свет, а подстилка, которая должна была защищать от раскаленного песка, ничуть от него не спасала. Надо было встать и бежать в воду, но не было сил справиться с ленью, которая распласталась на моем безвольном теле. Хотелось просто лежать, не думая ни о чем, отогнав от себя все заботы и переживания. Однако разноголосый гул тревожил и вызывал воспоминания и ощущения, от которых невозможно было избавиться.

Такой же день, такая же жара, но много-много лет назад. События того времени становятся все более расплывчатыми, едва уловимыми, как запись в школьной тетрадке, стертая ластиком, но все же не исчезнувшая совсем. Если повернуть листок к свету, снова покажется

то, от чего так хотелось избавиться. Ничего в этом мире не уходит бесследно...

Лежать под палящим солнцем было просто невозможно, но страшно даже подумать о том, что придется пробираться на цыпочках между разомлевшими от жары телами «пляжников», опасаясь их ворчания, а то и злобных замечаний. «Все какие-то недобрые, раздражительные... Почему? — размышляла я, прикрывая ладонью обгоревший на солнце нос, — не могу же я вот так лежать целый день, так и в головешку можно превратиться!» Я все же приподнялась, осмотрелась, увидела смятое полотенце, небрежно брошенное моей мамой, и медленно пошла к воде.

«Ноги чего так задираешь, осторожнее нельзя? — услышала я сварливый женский голос, — всю меня песком засыпала». Я ничего не смогла сказать в свое оправдание и только покорно вздохнула и остановилась, обдумывая, куда ступить дальше. Через несколько минут я добралась до цели. Вода даже на вид казалась слишком теплой и какой-то густой и вялой, будто это и не море вовсе, а застывшее безмолвное болото, оживающее только тогда, когда заглатывает свою жертву.

Медленно вошла, окунулась и стала смотреть, где можно поплавать.

Но вдоль берега все дорожки, которые я мысленно нарисовала себе, были заняты, а глубины я боялась, поэтому просто стояла и рассматривала обступившую меня коричневую от взбаламученного песка воду.

Вдруг все вокруг засуетилось, встревожилось, и волна от проплывающего недалеко катера медленно, словно змея, подкралась и неожиданно резко столкнулась со мной. Отбившись от нее, с трудом вылезла на берег и услышала отдаленные крики, которые едва пробивались сквозь водяную пелену в моих ушах. Я огляделась: недалеко от берега барахтались две женщины. Одна по-

стоянно исчезала под водой, а вторая протягивала руку, неловко пытаясь помочь ей. Я замерла и почувствовала, что мое сердце сжимается и превращается в сдувшийся воздушный шарик. Шарик, который проткнули чем-то острым. «Мама не умеет плавать... Почему именно она должна кого-то спасать, она же сама может утонуть! А как же я?» — пронеслось в голове. Мне стало страшно и одиноко. Вдали море было спокойным, строгим. Оно будто нашептывало мне: помоги ей... Ноги тонули в горячем песке, но я не могла сдвинуться с места. Мне казалось, что все вокруг смотрят на меня и ждут. Неожиданно для себя я быстро пошла прочь, и все мои мысли, чувства и ощущения стерлись, оставив вместо себя безмолвную пустоту.

«Хорошо, что ты ничего не видела! У женщины свело ногу — вот она и стала паниковать. Я была рядом и хотела помочь! Глупо все вышло! Чуть обе не утонули. Но, к счастью, все обошлось!» — это был взволнованный и напряженный мамин голос, от которого я хотела отстраниться.

«Я ничего не видела! Я ничего не видела! Я ничего не видела!» — бесконечно повторяла я шепотом и, кажется, постепенно начинала в это верить.

С тех пор прошла целая жизнь, но эта восьмилетняя девочка, как бы отделившаяся от меня, продолжала существовать рядом, иногда исчезая надолго, иногда напоминая о себе мучительными размышлениями о том, что же тогда произошло? Я пыталась оправдать ее, объяснить ее бездействие страхом, невозможностью помочь, но никак ни равнодушием или эгоизмом. Мучительные сомнения закончились, наконец, простым пониманием того, что это... предательство. Я несла в себе стыд за него всю жизнь и все время ждала подходящего момента раскрыться и попросить прощения у мамы. Но этот момент все как-то не наступал, а теперь уже не наступит никогда...

Литературно-художественное издание

КНИГА ПРИКОСНОВЕНИЙ

Серия
«КВАНТУМ САТИС — АПТЕКАРЬ»

Издательский проект «Московский Дом»
Московского салона литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Составитель и предисловие
Ольга Грушевская

Художник (обложка)
Игорь Бурдонов. Итак, вспомни, откуда ты... (4 апреля 2015 г.)

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторы
Ирина Чижова
Всеволод Круж

Подписано в печать 18.04.2021 г.
Заказ № 010421

Издательство «Новый Современник»
390047, г. Рязань, ул. 1-й проезд Шевцовой, д. 2
E-mail: izdat-ns@mail.ru